RUSSIAN ARBITRATION ASSOCIATION

RU/EN №4 (8) APRIL 2019

Arbitration.ru

Издание о международном арбитраже

Российский арбитраж // Russian arbitration

Интервью

Александр Комаров, экс-председатель МКАС при ТПП РФ

Обзор

Российский арбитраж в исследовании ICC России

English Section

Interview with Dr. Alice Fremuth-Wolf, Secretary General, VIAC

В 2018 году исполнилось 60 лет Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений.

Арбитражная Ассоциация готовит к изданию книгу, посвященную вопросам признания и привидения в исполнение иностранных решений, оспаривания и исполнения внутренних арбитражных решений в России и странах бывшего СССР. В издание включен постатейный комментарий к Нью-Йоркской конвенции, Европейской конвенции о внешнеторговом арбитраже 1961, АПК, ГПК и Закону о международном коммерческом арбитраже. В книге будут также подробно освещены особенности правового регулирования в странах бывшего СССР.

Уникальной особенностью издания является подробный статистический анализ российских судебных актов об оспаривании, признании и приведении в исполнение арбитражных решений за последние 10 лет.

Твердый переплет, 800 страниц, тираж 1000 экз. Планируется издание книги на английском языке.

Не упустите рекламные возможности в книге.

Модуль	₽
Передняя внутренняя обложка	300.000
Задняя внутренняя обложка	200.000
Страница	100.000

The New York Convention celebrates its 60-year anniversary in 2018.

To celebrate this occasion, the RAA is preparing a commentary to the New York Convention and related Russian and CIS laws.

The book will offer a detailed analysis of the Russian case law on the Convention for the past 10 years.

Hardcover, 800 pages, 1000 copies, Russian language. An English language version will be released this year.

Advertise in the book.

Advertisement	€
Front pastedown	4 500
Back pastedown	3 000
Page	1 500

EDITORIAL BOARD

Dmitry Artyukhov,
Arbitration.ru, editor-in-chief

Ekaterina Grivnova,
Paris baby arbitration, Paris, founder

Roman Zykov,
RAA, Moscow, General secretary

Lilia Klochenko,
RAA, Vienna, Member of the Board

Alexander Komarov,
VAVT, Moscow, Professor,
Chair to international private law

Elina Mereminskaya,
Wagemann Abogados & Ingenieros,
Santiago, Partner

Irina Strelkovskaya,
Arbitration.ru,
Editorial Assistant

Olena Perepelynska,
Integrites, Kyiv, Partner

Sergey Usoskin,
Double bridge law, Moscow, Partner

Steven Finizio,
WilmerHale, London, Partner

Vladimir Khvalei,
RAA, Moscow, Chairman of the Board

Alexander Muranov,
Muranov, Chernyakov and partners
attorneys-at-law, Moscow,
Managing partner

Alexandre Khrapoutski,
SBH attorneys-at-law, Minsk, Partner

RUSSIAN ARBITRATION ASSOCIATION

Журнал Arbitration.ru № 8, апрель 2019
Учредитель и издатель:
Арбитражная Ассоциация
Адрес учредителя и издателя:
115191, Москва, Россия,
Духовской переулок 17, стр. 12, этаж 4
+7 (495) 201-29-59

На обложке: Д. К. Артюхов. Стремления росийского арбитража. 2019. Холст, карандаш, темпера. Москва.
Cover image: D. Artyukhov. Aspirations of Russian arbitration. 2019. Pencil and tempera on canvas. Moscow.

Главный редактор:
Дмитрий Артюхов
editor@arbitrations.ru

Ассистент редакции:
Ирина Стрелковская

Корректор:
Татьяна Левицкая

Возрастное ограничение 16+.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов. Издание является информационным. Опубликованные в издании законодательные акты, решения судов и другие юридические документы могут изменяться и должны быть запрошены через соответствующие институты и ведомства.

CONTENTS

English section

4 **INTERVIEW WITH DR. ALICE FREMUTH-WOLF, SECRETARY GENERAL OF VIENNA INTERNATIONAL ARBITRAL CENTRE (VIAC)**
Dr. Lilia Klochenko, Attorney at Law, FCIArb, Member of the Board of RAA

11 **HONG KONG AS A GLOBAL DISPUTE RESOLUTION VENUE**
Lord Peter Goldsmith QC, Olga Boltenko, Fangda Partners

15 **ARBITRATION.RU INTERNATIONAL REVIEW**
Darya Zavershinskaya, HSE student, Moscow

20 **PROFESSIONAL RESPONSIBILITY IN RUSSIAN ARBITRATION: AN OPEN-ENDED QUESTION**
Stepan Sultanov, Lawyer, KIAP, Moscow

23 **RAA MEDIA PRESENCE IN 2013-2019**
Dmitry Artyukhov, Arbitration.ru Editor-in-chief

26 **RUSSIA AS A PLACE FOR ARBITRATION. SURVEY BY ICC RUSSIA**

38 **ИНТЕРВЬЮ С А. С. КОМАРОВЫМ, Д. Ю. Н., ЭКС-ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ МКАС ПРИ ТПП РФ**
Дмитрий Артюхов Главный редактор Arbitration.ru

42 **РОССИЯ КАК МЕСТО АРБИТРАЖА. ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВОЙ ПАЛАТЫ (ICC RUSSIA)**
Владимир Хвалей, Председатель РАА

54 **ОЙСЯ, ТЫ ОЙСЯ... ИЛИ РАССУЖДЕНИЯ О БУДУЩЕМ РОССИЙСКОГО АРБИТРАЖА**
Владимир Хвалей, Председатель РАА

60 **СТАТИСТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖНОГО СУДА ПРИ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (МКАС ПРИ ТПП РФ) ЗА 2018 ГОД**
Информация взята с официального сайта МКАС при ТПП РФ

61 **СТАТИСТИКА АРБИТРАЖНОГО ЦЕНТРА ПРИ РСПП* ЗА 2015-2018**
Ирина Стрелковская, РАА

62 **ДИСПАРИТЕТНЫЕ АРБИТРАЖНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ**
Антонюк Константин, стажер Baker McKenzie, Теслина Валерия, координатор программ РАА

66 **СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ НОМЕРА**
Антон Каминский, младший юрист адвокатского бюро «КИАП»

69 **ОБЗОР МАГИСТЕРСКИХ ПРОГРАММ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ЧАСТНОМУ ПРАВУ В РОССИИ**
Ирина Стрелковская, Валерия Теслина, Виктория Гладышева, РАА

75 **ПЕРВЫМ КЛАССОМ ИЗ ТРЕТЬЕГО МИРА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ АРБИТРАЖ В РЕШЕНИЯХ КОЛУМБИЙСКИХ СУДОВ**
Элина Мереминская, Wagemann Abogados & Ingenieros, Santia- go, Партнер

78 **UPCOMING EVENTS**

ОТ РЕДАКЦИИ

Vladimir Khvalei
Russian Arbitration Association,
Chairman of the Board

Dear colleagues,

In April 2019 the Russian National Committee of the International Chamber of Commerce ("ICC Russia") published the results of a survey "Russia as a place of arbitration": "Russia as a place of arbitration").

The survey contains three important news: one is the good news and two are the bad news. The good news is that among Russian-speaking participants of the survey, Moscow retained (in comparison to a similar survey conducted in 2011) the 4th place among the most popular arbitration seats (after Paris, Stockholm and Geneva/Zurich). The first bad news corresponds to the first good news: Moscow has retained the 4th place and failed to move upward in the rating. The second bad news is that among the English-speaking survey participants, Moscow descended from the 7th to the 8th place.

It is high time to think what needs to be done for Moscow to become a more popular arbitration seat not only among Russian arbitration practitioners but also the foreign ones.

Дмитрий Артюхов
главный редактор Arbitration.ru

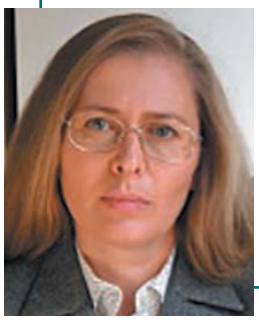
Уважаемые читатели!

Наш апрельский выпуск приурочен к VI ежегодной конференции РАА, которая по традиции проходит в Москве. Поэтому я просто обязан сказать несколько слов о своем родном городе. Да, именно в Москве находятся исторические центры российского арбитража – МКАС и МАК. Стоит начать перечислять – на память сразу приходят и другие значимые для арбитражных юристов места: Верховный суд, Минюст, офисы крупнейших юридических фирм...

Однако для меня столица нашей Родины примечательна другим: здесь прошло мое детство. А сейчас Москва не перестает удивлять меня своим разнообразием и неоднозначностью. В этом городе все возможно: вести переговоры в церемонном офисе госкомпании, любоваться Даниловским монастырем из окон Арбитражного суда, ловить голавлей в затонах Москвы-реки и даже заглянуть ненадолго в Азию с ее тандырами, пловом, суши и кальянами.

«У России есть все возможности для превращения в региональный центр арбитража, по крайней мере в рамках СНГ», – сказал в интервью журналу Legal Insight партнер Dentons Доминик Пелью. Мне кажется, это преуменьшение. В исторической перспективе мы находимся лишь на стадии становления предпринимательства и коммерческих споров (об этом читайте в интервью с профессором ВАВТ и экс-председателем МКАС А. С. Комаровым). Уверен, в будущем Россия займет гораздо более важное место в мире, став глобальным центром третейского разбирательства. И ежегодная конференция РАА, проводимая в столице, – один из маленьких шагов на этом большом пути.

INTERVIEW WITH DR. ALICE FREMUTH-WOLF, SECRETARY GENERAL OF VIENNA INTERNATIONAL ARBITRAL CENTRE (VIAC)



Interview conducted by
Dr. Lilia Klochenko
Attorney at Law, FCIArb,
Member of the Board of RAA

Representing one of Europe's leading arbitral institutions, the Vienna International Arbitral Centre ("VIAC") serves as a focal point for the settlement of commercial disputes in the regional and international community. VIAC, having greatly benefited from its traditional position in a neutral country between east and west, is a premier international arbitration institution in Central and Eastern Europe. Founded in 1975, VIAC has in recent years enjoyed a steadily increasing caseload from a diverse range of parties and regions, including Europe, the Americas, and Asia.

The new version of the VIAC Rules of Arbitration and Mediation entered into force on 1 January 2018. It applies to all proceedings that commenced after 31 December 2017 or will commence in the future.

Dr. Alice Fremuth-Wolf, Secretary General of Vienna International Arbitral Centre (VIAC)

Since many years Vienna is a traditional place for resolving disputes between commercial parties in a private forum. What makes Vienna different from the other popular places of arbitration?

VIAC is active in this market with a focus on CEE/SEE and CIS countries for more than 40 years and have a perfect knowledge of the players, parties, potential arbitrators and their specific needs and expectations. Our experience in this region is unmatched. We are very often seen (and actually are) as a common denominator and neutral ground for East-West disputes in its widest sense (encompassing also disputes between parties from Asia and Europe).

Vienna is a popular place for arbitration because it is one of the most liveable and safe cities in the world. Another unmatched advantage is that it lies in the heart of Europe and thus offers excellent flight connections to all parts of the world and is the hub for CEE/SEE travels. In addition to its cultural sights which can be enjoyed when there is some free time during or after hearings, the hotel and restaurant prices are, on an average, substantially lower than in other major European capitals which is also critical if parties conduct a hearing lasting for several days or weeks.

And last but not least: Vienna is the capital of Austria which is a neutral country with a well-developed legal system. Its modern Law on International Commercial Arbitration is based on the UNCITRAL Model law. Also, Austrian courts are arbitration-friendly and provide judicial assistance to arbitrators when needed. Austrian courts are reluctant to intervene in arbitral proceedings. For challenges Austria has a one layer only court system. The Austrian Supreme Court is the court of first and last instance for claims challenging an arbitral award. Such claims are strictly limited to specific enumerated grounds comparable to those in the UNCITRAL Model Law. These are all important factors that need to be taken into account by parties and counsel when choosing a place of arbitration. And here, we clearly can score very high.

What makes VIAC different from the other arbitration centres, in particular from SIAC, SCC or ICC?

VIAC is a regional institution with a strong focus on and knowledge of East/West trade, on particular the CEE/SEE and CIS countries, and in that respect is different from ICC, which is a global player, or SIAC, an Asian institution. VIAC is therefore smaller in staff and administrative hurdles and is therefore able to immediately react to enquiries. In urgent matters, I am personally available for contact. Parties and arbitrators appreciate that our case-managers speak several languages including Russian, Polish, Czech, Slovak, Italian, Spanish, French and of course German and English. They are available to assist if need arises. Each case is assigned to a particular case manager who is then the first point of contact for any enquiries regarding the case. We keep a complete mirror file, which allows us to monitor the proceedings from the transfer of the file to the tribunal until the issuance of the award which is done by the Secretariat (this is a difference to SCC, for example). We collect advance on costs at the outset of the proceedings for the arbitrators' and administrative fees, we take care of other issues such as VAT or assist in organizing hearings. Our Board consists of highly experienced and renowned national and international arbitration practitioners, academics, a Supreme Court Judge as well as a member of the Austrian Ministry of Justice in order to ensure integrity and high-quality decisions.
The Vienna Rules 2018 combine recent developments and well-tried provisions in order to create a modern set of rules providing a framework for the parties and the tribunal. The rules are lean and flexible and thus the conduct of proceedings may be determined by the parties and the tribunal, tailor-made to their dispute. There are no terms of reference and a "scrutiny light" at the end of the proceedings with respect to the award in order to ensure that all formalities are being met. In addition, our fast-track proceedings are opt-in only and there is no monetary threshold by which proceedings automatically fall under the rules of expedited proceedings.

Your Arbitration Institution has recently implemented new Arbitration and Mediation Rules. What are the most important novels?

The VIAC Rules of Arbitration and Mediation 2018 have three parts: Rules of Arbitration (part I), Rules of Mediation (part II) and Annexes (part III). Thus, arbitration and mediation now are on equal footing and we have foreseen incentives for parties to combine proceedings.
The new Rules introduced – inter alia – the following new features:

- VIAC now also administers purely domestic cases, implementing the amendment of Section 139 WKG (Austrian Federal Act on Economic Chambers) of 17 May 2017 (Federal Law Gazette I No. 73/2017 of 19 June 2017) (Article 1 VR and Article 1 VMR).
- In the interest of gender diversity, it is explicitly defined that, in practice, the terms in the Rules shall be used in a gender-specific manner (Article 6 VR and Article 2 VMR).
- Since 1 January 2018, all new proceedings are administered by VIAC through an electronic case management system ; provisions on submission of Statement of Claims and service have been adapted accordingly (Ar-

ticles 7, 12 and 36 VR and Articles 1 and 3 VMR).

- The Vienna Rules now explicitly specify that arbitrators and parties as well as their representatives shall conduct the proceedings in an efficient and cost-effective manner; this may also be taken into account in determining the arbitrators' fees / costs (Article 16 paragraph 6, Article 28 paragraph 1, Article 38 paragraph 2 VR).
- For the first time, Respondents now have the possibility to request security for costs under certain circumstances (Article 33 paragraphs 6 and 7 VR).
- In determining arbitrators' fees, the VIAC Secretary General is more flexible to increase the fees on a case-by-case basis by a maximum total of 40% or, conversely, to decrease the fees where appropriate (Article 44 paragraphs 7 and 10 VR).
- The Model Arbitration Clause and the Model Mediation Clauses have been revised and adapted to new wording (Annex 1).The appointment of members of the Board has become more flexible (Annex 2; Article 2 VR).
- The Schedule of Fees has been revised. The Registration Fees and Administrative Fees for lower amounts in dispute are staggered and reduced. At the same time, Administrative Fees for very high amounts in dispute have been slightly increased, they remain very moderate in comparison to other institutions. The Registration Fees and Administrative Fees for proceedings pursuant to the Mediation Rules have been aligned with those of the Arbitration Rules (Annex 3; Articles 4 and 8 VR).
- Provisions introducing Emergency Arbitrators were deliberately forbidden.

Vienna is often described as a jurisdiction open and friendly to Russian business. Do you have Russian parties in VIAC? Is there an increase or fall in their numbers in recent years?

Indeed, Austria has an open and friendly attitude towards foreign parties, including those from Russia. In 2015 we had 7 (out of 65), in 2016 we had 9 (out of 124), in 2017 we had 6 (out of 84) and in 2018 we had 5 (out of 120) parties from Russia. In general, we have seen an upraise in the number of parties from CEE/SEE and CIS countries (in 2017 and 2018 a third of all parties came from that region). In detail, statistics since 2011 can be found on our website (https://www.viac.eu/en/service/statistics).

Could VIAC become a hub for Russia-Western disputes or probably also Asia-Western disputes? Are there any such plans and, if yes, what VIAC does to make them a reality?

VIAC stands ready to become an even stronger hub for Russia-Western disputes. In terms of disputes from BRI („Belt and Road Initiative"), we will observe whether they are going to be arbitrated mainly by CIETAC or SIAC or elsewhere. VIAC is well-equipped and prepared to handle infrastructure disputes arising from BRI, in particular, those with a connection to CEE/SEE and CIS countries. We have conducted several road-shows in Asia and have concluded co-operation agreements with arbitral institutions from that region. We are planning a next round of road-shows in the CIS region to enhance our visibility. As a regional institution you have to make your choices also in terms of marketing. Most importantly, we will maintain the high quality of our administrative services, the essential prerequisite for being successful and the best way to promote VIAC.

Do you have Russian arbitrators on your list? How often are they appointed?

Currently our List of Practitioners includes twenty-three Russian practitioners (Russian nationals) and more than seventy arbitrators who speak the Russian language.

In terms of appointment we had one (out of sixty-seven) Russian arbitrator appointed in 2018, none in 2017, one (out of seventy) in 2016 and 3 (out of forty-five) in 2015. Again, if you also include arbitrators from the CIS region, the numbers are much higher (in 2018 it were eight: in 2017 it were five; in 2016 it were ten; in 2015 it were eleven.

VIAC offers arbitration practitioners the possibility to present themselves on its website but reserves the right to requests to be listed and to remove listings. Parties are free to nominate an arbitrator of their choice and so is the VIAC Board when appointing an arbitrator. The presentations do not constitute recommendations but may assist the parties in choosing an arbitrator willing to conduct proceedings according to the Vienna Rules. Thus, the list is more like a free "dating-platform" offering an interface between those offering their services as arbitrator and those who are looking for suitable candidates.

Do you follow the fate of the awards administered by VIAC and how they are enforced in other countries? Do you collect, probably, such statistics?

No, unfortunately not. Even if I would like to collect such statistics, we usually get to know on successful enforcement only by co-incidence (last time at a conference, I was approached by a Ukrainian lawyer who informed me of the successful enforcement of a VIAC award in the Ukraine). It is difficult to follow-up on this, as we would not know if awards are voluntarily complied with or whether enforcement is sought and if so, in which jurisdiction. We only get involved if the party seeking enforcement requires additional certifications from the arbitrator(s) and/or the Secretariat, such as the declaration that the award has become final and binding. We assist parties in all aspects of the proceedings and issue certificates necessary in particular jurisdictions such as proof of delivery of the statement of claim to respondents. In that respect we are aware of our important function and collect all records of delivery of the statement of claim and other important documents to the parties which is especially critical in case the respondent decides not to participate in the proceedings. My signature – which is added to the award in order to certify that the award was rendered by an arbitral tribunal under the auspices of VIAC – is notarized and an apostille is added if required.

What model of remuneration for arbitrators is chosen more often? Is it ad valorem or hourly based? What does it depend upon?

According to the Vienna Rules, there is no choice between ad valorem or hourly rate as we have a fixed fee schedule and the arbitrators are remunerated depending on the amount in dispute. The arbitrators cannot engage in a fee arrangement with the parties and modify their fees under the VIAC Rules. Therefore, costs of VIAC arbitration are calculated and transparent to the parties before starting an arbitration.

Transparency and confidentiality are the basic principles of arbitration. What measures is the VIAC taking in the interest of increasing transparency and securing confidentiality, but also providing the balance of both?

There is a natural and intrinsic tension between transparency and confidentiality. One of the main features of commercial arbitration has always been its confidential nature that allowed parties to have their disputes settled in a private arena, this is perfectly fine. Transparency is needed to prevent arbitration from being stigmatized as "jurisdiction behind closed-doors" where decisions are being rendered that impact the fate not only of the parties involved but of a larger group of people or even nations. This is especially the case in investment arbitration where this is a key issue. This is not necessarily so in commercial arbitration between two private parties (unless, perhaps public legal entities are involved). There is no subordinate public need that their private disputes be publicly debated or commented. Thus, there are strict confidentiality provisions in our rules for arbitrators, Board members and VIAC's members of the Secretariat ensure that all information acquired in the course of their duties is kept confidential. For parties, it is recommended to conclude an explicit confidentiality agreement, be it in a separate document or as part of the arbitration agreement.

Following the call for more transparency in the appointment process of institutional arbitration, VIAC has decided to publish the names of arbitrators (Link). The list is updated regularly. It

provides information on the appointment method, i.e. if the arbitrator has been appointed by the VIAC-Board or nominated by the parties/co-arbitrators and the date when the case file was handed over to the respective arbitrator. It also shows if the case is still pending or if an arbitrator's office was prematurely terminated without stating the reasons. VIAC continues to be a strong supporter of the ERA-Pledge and supports women appointments in arbitration. The proportion of women acting as arbitrators in VIAC arbitration proceedings has increased steadily over the last several years. In tribunals of cases received in 2017, the women-ratio reached nearly 17%, which based on available information lies well above the average of other arbitral institutions. The percentage of women acting as co-arbitrator or chairperson increased in relation to 2016, the percentage of female sole arbitrators declined. And still, parties and co-arbitrators seem to be more reluctant to nominate women than VIAC's Board – in 2018 only one out of 28 co-arbitrators nominated by the parties were female while 14 out of 32 appointments made by VIAC Board were female (sole, co-arbitrators and chairpersons). In 2017, two out of four co-arbitrators appointed by the Board were women, whereas when nominated by the parties only two out of 17 were female.

We see the publication of the arbitrators' names and our statistics as an important step to show that diversity is applied on an institutional level when it comes to gender, age, nationality etc. in the selection process of arbitrators. We hope this serves as a benchmark also for parties and co-arbitrators when they have to choose their candidate as there is still room for improvement. It is a fact that diverse tribunal work better and come to a more balanced and better solution.

Another field of tension between transparency and confidentiality is the publication of decisions rendered by arbitral tribunals. In my opinion, the publication of awards in anonymized form strikes this balance as it allows the public to be informed on the outcome of a dispute providing a summary of legally relevant and interesting details to a greater audience, cutting out confidential data and information that are of no avail.

According to the Vienna Rules (Art. 41) anonymized summaries or extracts of awards may be published in legal journals or VIAC's own publication unless a party has objected to the publication within 30 days upon service of the award. When VIAC for the first time published its "Selected Arbitral Awards, Vol. 1" in 2015, we prepared abstracts for each case reported. Still, as a matter of courtesy, we sought permission from the parties beforehand and were prepared to amend the drafts in accordance with the parties when they felt that the information disclosed could infringe their rights or lead to identify the parties. With this procedure, albeit cumbersome, we ensured that parties felt safe while at the same time nursing the appetite of practitioners to get insights into decided cases and their reasons. We are planning to publish a second volume in 2020.

And last but not least, our most recent publication, the "Handbook VIAC Rules - A Practitioner's Guide" offers valuable insights and a helpful and easily comprehensible overview of proceedings administered by VIAC. It was written by practitioners for practitioners and reproduces each Article of the VIAC Rules with comments and background information on the practice of the Secretariat when administering VIAC proceedings as well as on the new amendments. It includes also important additional topics such as tribunal secretaries and third party funding. Thus, the guide is essential for those who conduct an arbitration or a mediation under the Vienna (Mediation) Rules for the first time as well as for those who have been operating in this area for a long time and who want to get acquainted with the modifications.

The Willem C. Vis International Commercial Arbitration Moot is a very important international event each year. This year the main annual moot arbitration battles will take place in April 12-18. What is the mission of this event in general, does it change from year to year and do you set any special goals every coming year for this event?

The goal of the Vis Arbitral Moot is to foster the

study of international commercial law and arbitration for resolution of international business disputes through its application to a concrete problem of a client and to train law leaders of tomorrow in methods of alternative dispute resolution. Each year, a different set of arbitration rules is used providing the framework for the proceedings while the applicable substantive law is always the CISG.

In 2016, the Vienna Rules were used for the Vis Moot and it was a great test of our – then newly enacted – 2013 version which also gave VIAC great publicity. We tried to make the most out of it with a big reception in the famous SkyLounge of the Austrian Federal Economic Chamber. In "normal" years we host smaller events, such as last year with UNCITRAL or joint-events with other institutions such as RAA, KCAB, CIETAC and this year HKIAC.

For me, the Vis Moot is the perfect setting to mix and match experienced practitioners, new talents and rising stars providing students with a unique opportunity to get a glimpse of the international world of arbitration, meet with over a thousand famous arbitrators, make friends amongst their peers that often last forever and overcome prejudices that each one of us might have against other nationalities. It thus helps to create a deeper understanding of other nations and peaceful dispute resolution without weapons, ultimately making this world a better place for everyone.

In Russia, ad hoc arbitration is now nearly banned. What is the opinion on ad hoc arbitration in Austria? Is it a rival to the VIAC? Are there ad hoc cases administered by VIAC in recent years?

In Austria, ad hoc arbitration is (or was) quite popular for domestic disputes. One of the reasons was that VIAC was prevented from administering purely domestic disputes until last year and thus parties resorted to ad hoc arbitration. Frequently, domestic disputes in Austria that go ad hoc are shareholder disputes or related to family enterprises, which naturally seek utmost confidentiality, not even wanting to involve an institution. We do hope that this will change in the future with VIAC offering its services now also for domestic disputes. Ad hoc arbitration is no rival to institutions but just another method that is available to parties.

VIAC is ready to support ad hoc arbitrations. Taking into account that services to be provided by VIAC – also within the framework of ad hoc proceedings – must find their basis in our rules, such services can include a number of activities. In terms of time, VIAC's services can be divided into the following stages: (i) support of the parties until transmission of the file to arbitrators or all-party third parties, (ii) assistance during the proceedings, and (iii) assistance in the termination of the proceedings. From a legal point of view, VIAC's activities can be divided into the following categories: (i) function as appointing authority (covered by Annex 4), (ii) function as Secretariat for ancillary activities (including custody of procedural files), (iii) function as trustee for costs, (iv) function as neutral third party for fixing fees in the absence of agreement between the parties. In the future, it is planned to offer service packages according to these categories. Until these are finalized, interested parties are invited to contact the Secretariat directly.

What is the VIAC position with regard to anti-Russian sanctions? Have you faced these issues already when administering disputes with the Russian companies included into the sanction list?

VIAC currently performs a sanction check that involves checking individuals, countries but not the subject matters (goods). Whether a transaction is illegal or should not have been performed due to sanctions is for the arbitrators to decide. The institution may accept monies (advance on costs) from sanctioned parties/persons but may not be able to re-transfer monies once the proceedings are terminated due to the sanctions. This is why the sanctions check is carried out at the outset and parties are made aware of the consequences. Checks are documented in the case file. Up until now, we have not faced any issues in that respect.

If we try to imagine international commercial arbitration in ten or twenty years ahead, how do you think it will it be different from today, where do you see the greatest challenges for commercial arbitration in the future?

For international trade and trade in goods, arbitration will remain the important cornerstone to guarantee fair trial and equal treatment of the parties as well as enforceability of cross-border contracts through the New York Convention of 1958. It remains to be seen whether the new Singapore Convention on the Enforcement of Mediated Settlement Agreements to be adopted in August 2019 will be as successful as the New York Convention and what impact it will have on international commercial arbitration.

It is an incentive for commercial arbitration to take seriously the criticism regarding "time, cost, efficiency" of arbitration. Arbitral institutions are amending their rules to provide remedies against abusive and delaying behaviour of parties, counsel and arbitrators and create incentives for an efficient conduct of proceedings.

In our quest to monitor, control and develop we have reached a point where the once flexible instrument of arbitration has become a bit over-loaded by rules, guidelines, notes and codes of conduct. But I am still convinced that a greater choice for the parties does not automatically lead to a decrease in arbitration proceedings, but rather to a more conscious decision for or against a particular procedure that is to bring the conflict to an end.

I do not fear that artificial intelligence (AI) will replace arbitrators all-together as the human factor will always play a crucial role in decision-making of complex and multifaceted disputes. But AI may be a welcome tool to ease the work-load for arbitrators, to search documents, to identify legal precedents and other legal sources or together with new technologies organize the arbitral proceedings more efficiently and less costly with the use of communities and virtual hearing facilities. Here, the biggest challenge will be cyber security and the protection of sensitive data.

HONG KONG AS A GLOBAL DISPUTE RESOLUTION VENUE

Lord (Peter) Goldsmith QC, PC, London Co-Managing Partner and Chair of European and Asian Litigation, joined Debevoise in 2007. Lord Goldsmith served as the UK's Attorney General from 2001–2007, prior to which he was in private practice as one of the leading barristers in London.

Lord Goldsmith acts for a variety of clients, alongside his role as Chair of the firm's European and Asian litigation practices, in arbitration and litigation in the United Kingdom and other countries. He is a QC and appears regularly in court as well as in arbitration.

Lord Goldsmith practised from Fountain Court Chambers from 1972–2001, specialising principally in commercial, corporate and international litigation and appellate work. During this time, he was ranked by Chambers UK as being in the top tier of leading silks in London for international arbitration and commercial litigation. He became Queen's Counsel in 1987 at the early age of 37 and has judicial experience as a Crown Court Recorder and a Deputy High Court Judge.

https://www.debevoise.com/lordgoldsmithqc

Summarized by
***Olga Boltenko**, Partner,*
Fangda Partners, Hong Kong[1]

Historical context and statutory framework

The adoption of the UNCITRAL Model law in 1985 and continuous recognition by Asian governments of the nature and potential benefits of arbitration as a method for resolving private disputes galvanized

[1] *This article is based on a public address delivered by Lord Goldsmith QC at Helena May in Hong Kong, on 1 November 2018, as part of the public lecture initiatives by Fangda Partners in cooperation with the Consulate General of the Russian Federation in Hong Kong.*

the development of arbitration in Asia. Hong Kong adopted the Model Law, including the 2006 amendments, in June 2011, by introducing the Arbitration Ordinance (Cap609). Hong Kong was the first Asian jurisdiction to do so.

The Arbitration Ordinance provides a modern and reliable statutory framework for the conduct of arbitration in Hong Kong. Importantly, and consistent with the letter and spirit of the Model Law, the Arbitration Ordinance only permits minimal curial intervention – in cases expressly envisaged by the law, such as granting interim relief in support of arbitration, assisting with taking of evidence and deciding challenges to awards, in the context of set aside and/or enforcement proceedings. Hong Kong courts have adhered strictly to the principal of minimal curial intervention.

Enforcement of foreign arbitral awards in Hong Kong

For the period between 2010 and 2014 there was not a single case where Hong Kong courts refused enforcement of a foreign arbitral award.[2] In other words, 100% of all awards brought for enforcement in Hong Kong were successfully enforced during that period.

While Hong Kong courts refused to enforce some 3 awards in 2015 and 2016 (of the total 61 brought for enforcement during that period),[3] the enforcement rate remains comfortably high.[4] Notably, Hong Kong courts enforced a foreign arbitral award even where enforcement was sought (by a Russian party) against a mainland State-owned entity.[5]

Convenience, accessibility, availability of facilities and professionals

Conveniently located for Mainland China-related disputes, Hong Kong is within a five hour flight to half of the world's population. For Russian parties there is a direct 9 hour flight to Moscow. There is no need to apply for a visa for a short term visit as 14-day visas are available on arrival. Anyone who was not able to secure a witness or expert attendance due to visa issues – and these things happen more often than you think – will no doubt appreciate the potential benefits of this visa regime for the smooth conduct of arbitration proceedings.

Hong Kong also displays an extraordinarily large pool of multilingual professionals who can easily compete with leading arbitral centers. The city is a home to more than 1,300 barristers[6] and 1,299 registered foreign lawyers (from 31 jurisdictions),[7] not to mention an impressive, in size and quality of its members, pool of non-legal professionals, including engineers, accountants, surveyors and architects (particularly important for construction disputes).

Finally, when it comes to *where* to hold a hearing, Hong Kong has excellent hearing facilities. HKIAC, Hong Kong's flagship arbitral institution, boasts of 20 meeting spaces including seven hearing rooms and 10 conference rooms. (Again I declare an interest as a current Vice Chairman). In October 2016, the Centre announced that it shall offer its hearing and meeting rooms to parties free-of-charge in respect of dispute resolution proceedings administered by HKIAC in which at least one party is a State listed on the OECD DAC List of ODA assistance.[8]

---

[2] http://www.hkiac.org/about-us/statistics/enforcement-awards/enforcement-awards-hong-kong-2016.
[3] http://www.hkiac.org/about-us/statistics/enforcement-awards/enforcement-awards-hong-kong-2016.
[4] *In 2017, for example, it appears that all 34 foreign arbitral awards brought for enforcement were upheld.* http://www.hkiac.org/about-us/statistics/enforcement-awards/enforcement-awards-hong-kong-2017.
[5] *Shandong Hongri Acron Chemical Joint Stock Company Limited v. PetroChina International Hong Kong Corporation Limited / CACV 31/2011, 25 July 2011.*
[6] *See the introductory page on the Hong Kong Bar Association website:* http://www.hkba.org/the-bar/aboutus/index.html *accessed 28 October 2018.*
[7] *Law Society of Hong Kong, statistics as of 31 December 2015, available at:* http://www.hklawsoc.org.hk/pub_e/about/ *(accessed 28 October 2018).*
[8] http://www.hkiac.org/news/free-hearing-space-cases-involving-states.

Latest developments

As the use and demand for litigation finance in arbitration increased, in 2013 Hong Kong's Law Reform Commission launched a public consultation on whether to permit third party funding for arbitration in Hong Kong. In October 2016, the Commission issued a comprehensive report recommending that third party funding should be expressly permitted for arbitrations seated in Hong Kong, and in June 2017 Hong Kong passed a bill amending the Arbitration Ordinance to allow third party funding in arbitration.[9]

In recognition of the increasing volume of IP related disputes and in response to calls for greater clarity on this issue, Hong Kong introduced amendments to the Arbitration Ordinance confirming the arbitrability of IP rights in Hong Kong.[10]

The most recent manifestation of Hong Kong's receptiveness to the changing needs and demands of the users of international arbitration is the revision of the 2013 HKIAC Arbitration Rules. The 2018 HKIAC Arbitration Rules introduce the early determination procedure, which expressly empowers an arbitral tribunal to decide any point of law or fact by way of early determination on the basis that it is "manifestly without merit", "manifestly outside the arbitral tribunal's jurisdiction", or that, even if the point were "assumed to be correct", it would not result in an award in favour of the party that submitted it (Article 43).

Hong Kong is consistently recognised as one of the leading arbitral seats for resolving international disputes. The 2018 Queen Mary survey, for example, placed Hong Kong among the top five global dispute resolution seats, along with London, Paris, Geneva, and Singapore.[11] Hong Kong also appears to be a popular seat for Russian disputes. While most recent statistics is not available, according to the Russian Arbitration Association Survey conducted in 2016, 22.5% of the users chose Hong Kong as a seat in the contracts drafted in 2014-2015.[12]

Judicial Independence

In Hong Kong, judicial independence is guaranteed by the Sino-British Joint Declaration and by the Basic Law.

Article 2 of the Basic Law guarantees Hong Kong's right to enjoy independent judicial power, including that of final adjudication. Article 85 of the Basic Law provides that the Hong Kong courts shall exercise judicial power independently, free from any interference.

Article 82 of the Basic Law provides that the Court of Final Appeal may *"as required invite judges from other common law jurisdictions to sit"* on the Court of Final Appeal. All decisions bearing the stamp of the Hong Kong judiciary are thus ultimately subject to adjudication by a final appellate court comprising judges of the highest calibre both locally and internationally.

These judges – amongst the highest and most distinguished in their countries and in the world would not sit on a court where they would not have the freedom to exercise full their judicial independence. And there are very few jurisdictions in the world that allow foreign judges to sit on its highest court. These overseas judges, sitting with local judges, have significantly contributed to the maintenance of the highest standards of the Hong Kong Judiciary as well as providing exposure to the latest legal thinking in many areas of life.

The Chinese government has affirmed the principle of Hong Kong's judicial independence. In the White Paper published in June 2014 by the State Council Information Office of the PRC, entitled *"The Practice of the 'One Country, Two Systems' Policy in the Hong Kong Special Administrative Region", the Chinese Government declared that "the judicial system previously practiced in Hong Kong is maintained except for those changes consequent upon the establishment of the Court of Final Appeal. The common law and relevant judicial principles and systems previously practice in Hong Kong, including the principle of independent*

---

[9] *The Arbitration and Mediation Legislation (Third Party Funding) (Amendment) Bill 2016, 14 June 2017.*
[10] *Arbitration (Amendment) Bill 2016.*
[11] http://www.arbitration.qmul.ac.uk/research/2018/ *[last accessed 16 October 2018]*
[12] https://shop.americanbar.org/PersonifyImages/ProductFiles/297648970/Roundtable%206.pdf.

adjudication, the principle of following precedents, and the jury system, continue to apply."[13]

Lord Millet's reflection on his 14 years as a non-permanent judge on the Court of Final Appeal of Hong Kong is instructive:

> *"I have sat on the Court of Final Appeal of Hong Kong for 14 years and have never experienced any political interference from China or anywhere else in all that time. All my colleagues have at all times conducted themselves exactly as English judges would in England. The local Permanent Judges are professionals to their fingertips. At no time in our discussions have I heard any of them express the slightest interest in what Beijing might think of our decisions. If I believed that the Court was susceptible to outside influence I would not be prepared to be a member of it, and nor would any of my overseas colleagues. I am proud to be a member of one of the strongest appellate courts in the common law world. The presence of such eminent jurists as Sir Anthony Mason, Lord Neuberger, Lord Hoffmann, Lord Walker and Lord Philipps is a guarantee of its total independence of Chinese influence, but the guarantee is unnecessary as I have found the local Permanent Judges as independently minded as are English and Australian judges."*[14]

The Rule of Law and Beyond

At the heart of Hong Kong's judicial independence and neutrality as a dispute resolution venue lies – in addition to its judicial independence – its adherence to the rule of law – as preserved by Hong Kong's legal profession.

Rule of Law is traditionally understood within the meaning of Lord Bingham's principles of the rule of law. In international arbitration, the rule of law means having a system of legal rules at the seat of the arbitration which is fair and efficient and which people can understand and having a judiciary that is independent and competent to lend support to the arbitration.[15]

The Hong Kong judiciary is traditionally supportive of the just and fair legal system. On 27 September 2014, a Hong Kong High Court judge released Joshua Wong – a student activist – unconditionally by granting the writ of habeas corpus almost immediately after the student was detained during the Occupy Central movement. This is an unprecedented development in the region where habeas corpus writs are not granted easily.

Hong Kong is known for its active judicial review practice that allows the interested parties to challenge the acts of the Government within the confines of Hong Kong laws.

These considerations of neutrality, judicial independence, rule of law, just and fair legal system, have wide-reaching consequences for any society, for any jurisdiction, in particular when it comes to resolving disputes.

[13] http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2014-06/10/content_32623425.htm *[last accessed 16 October 2018]*
[14] *See, Y Fortier and O Boltenko, "Hong Kong – "Trouver le pot aux roses", Asian Dispute Review, October 2014.*
[15] https://globalarbitrationreview.com/article/1033940/hong-kong-lord-hoffmann's-rule-of-law-musings *[last accessed 28 October 2018]*

ARBITRATION.RU INTERNATIONAL REVIEW

Darya Zavershinskaya
Higher School of Economics, LLM student in international trade, finance and economic integration, Moscow

This month the international review offers to your attention a selection of landmark cases heard before European Court of Human Rights, Supreme Court of Belgium and the ICC Court.

ECTHR, MUTU AND PECHSTEIN V. REPUBLIC OF SWITZERLAND, APP. №№ 40575/10, 67474/10, 8 OCTOBER 2018

On 2 October 2018, the 8-year proceedings on the independency and impartiality of the Court on Arbitration for Sports (CAS) in Lausanne, initiated by two professional athletes Mr Adrian Mutu ("Mr Mutu" or "Claimant 1") and Ms Claudia Pechstein ("Ms Pechstein" or "Claimant 2") respectively, culminated in the decision of the European Court of Human Rights (ECtHR)[1].

Composition of the European Court of Human rights:

Helena Jderblom (Sweden), President,
Branko Lubarda (Serbia), Luis López Guerra (Spain), Helen Keller (Switzerland), Pere Pastor Vilanova (Andorra), Alena Poláčková (Slovakia), Georgios A. Serghides (Cyprus)

Section Registrar:

Stephen Phillips.

---

[1] *Sources:*

1. *Press release of the European Court of Human Rights issued by the Registrar of the Court "The procedures followed by the Court of Arbitration for Sport complied with the right to a fair hearing, apart from the refusal to hold a public hearing"//ECHR 324 (2018), October 2, 2018.*
2. *Nathalie Voser, Benjamin Gottlieb (Schellenberg Wittmer Ltd, Switzerland), How the European Court for Human Rights Interferes in (Sports) Arbitration, Kluwer Arbitration Blog, December 19 2018, http://arbitrationblog.kluwerarbitration.com/2018/12/19/how-the-european-court-for-human-rights-interferes-in-sports-arbitration/ .*
3. *Cathérine Van de Graaf (ed. by Laurens Lavrysen, Claire Poppelwell-Scevak), Mutu and Pechstein v. Switzerland: Strasbourg's Assessment of the Right to a Fair Hearing in Sports Arbitration, November 30, 2018, https://strasbourgobservers.com/2018/11/30/mutu-and-pechstein-v-switzerland-strasbourgs-assessment-of-the-right-to-a-fair-hearing-in-sports-arbitration/.*

Mr Mutu is a football player, whose sports career ended after the Chelsea Football Club (Chelsea) terminated his contract due to the positive result of the anti-doping checks in 2004. Mr Mutu lodged an application before the Football Association Premier League Appeals Committee (FAPLAC) and then appealed to CAS. Both bodies found a unilateral violation of the contract on his behalf "without any reasonable cause." When in 2006 Chelsea filed an action for damages with the Disputes Division of the Fédération Internationale de Football Association (FIFA), Mr Mutu was ordered to pay over €17 million. Having appealed the FIFA decision to CAS, he failed. Based on the anonymous e-mail, which stated that one of the CAS arbitrators had represented Mr Abramovich, the Chelsea's owner, whereas the other participated in the first CAS proceedings with Mr Mutu, Mr Mutu submitted an appeal before the Swiss Federal Supreme Court. That appeal was also rejected in 2010, and Claimant 1 started proceedings before the ECtHR.

In 2009, positive anti-doping tests results also triggered the suspension of Ms Pechstein, a speed skater. Having unsuccessfully appealed the decision of the International Skating Union (ISU) to CAS, she filed a claim to the Swiss Federal Supreme Court in 2010. The court dismissed her arguments on the lack of impartiality concerning the method of appointing the CAS arbitrators, the absence of public hearing and a performed opinion of the CAS panel president. After futile attempts to overturn the suspension before German courts, Ms Pechstein finally lodged an application to the ECtHR.

Claimants invoked a number of articles of the European Convention of Human Rights (ECHR), including Article 6(1) on the right of a fair trial.

The ECtHR held that although CAS is a privately-owned institution, and not a state court, its proceedings are covered by Article 6(1) of the ECHR establishing the right to a fair and public hearing. The tribunal explained that when parties submit a dispute to a compulsory arbitration, all the guarantees of a fair trial under the ECHR must be provided. In this case, proceedings before CAS became the only way for Ms Pechstein to pursue her career, as compared to Mr Mutu, who could have filed a claim with a state court. Following this logic, ECHR found that the absence of a public hearing in Ms Pechstein's compulsory arbitration proceedings amounted to a violation of Article 6(1) of the ECHR, especially considering her explicit request for a public hearing. Nonetheless, Claimants' arguments concerning the lack of CAS tribunal's independence were dismissed with two judges dissenting.

BRUSSELS COURT OF APPEAL, 17 CIVIL AFFAIRS CHAMBER, 2016/AR/393 AND 2016/AR/394, 12 MARCH 2019

On 12 March 2019, the Brussels Court of Appeal halted an enforcement of the award in the Ioan Micula and others v. Romania case ("Award") until the European Court of Justice ("CJEU") issues a preliminary ruling on whether the enforcement of the Award will contravene the European Union legislation on state aid measures[2].

[2] *Sources:*

1. *Ioan Micula, Viorel Micula, S.C. European Food S.A., S.C. Starmill S.R.L. and S.C. Multipack S.R.L. v. Romania, ICSID Case No. ARB/05/20, Award, 11 December 2013.*
2. *State aid SA.38517(2014/C) (ex 2014/NN) – Romania Implementation of Arbitral award Micula v Romania of 11 December, 2013, http://ec.europa.eu/competition/state_aid/cases/254586/254586_1595781_31_11.pdf.*
3. *Andrew Cannon, Joel Halliday, European Union: English Court Of Appeal Refuses Micula Appeal Against Stay Of ICSID Award But Orders Romania To Provide £150m Security, October 15, 2018.*
4. *Tom Jones, Sebastian Perry, Belgian court seeks guidance from ECJ on Micula award, March 28, 2019, Global Arbitration Review, https://globalarbitrationreview.com/article/1189423/belgian-court-seeks-guidance-from-ecj-on-micula-award.*
5. *Garrigues, International Arbitration Newsletter – February 2019 | Regional Overview: Europe, February 19, 2019, https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=f790609f-9e8a-4b28-a3ea-63ece9294191.*

Judge:
D. Degreff,
Registrar:
B. Heymans

The underlying dispute arose from the frustration of legitimate expectations of Swedish investors (Claimants) by Romania's premature revocation of economic incentives for investors. As pursuant to Article 107 (1) of the Treaty on the Functioning of the European Union, those economic incentives constituted illegal state aid, Romania had to withdraw the scheme four years before the scheduled expiry for the purpose of its accession to the EU.

On 11 December 2013, the International Centre for Settlement of Investment Disputes (ICSID tribunal) held Romania liable for the violation of fair and equitable treatment standard set out in Article 2(3) of the 2002 Swedish-Romanian bilateral investment treaty and awarded Claimants damages in sum of €178 million. Particularly, despite having observed that Romania's repeal of economic incentives favoring Claimants' food production business were "reasonably tailored to the pursuit of a rational policy (i.e. EU accession)," the Tribunal yet found that Romania frustrated Claimants' legitimate expectations. The grounds were the following: the undertaken incentives created specific assurances that Claimant would benefit until the scheduled date, and Claimant relied on those assurances.

In 2015, the European Commission adopted a decision finding the enforcement of the Award illegal, as it would reinstate state aid incompatible with the EU legislation. In the meantime, Romania requested to set aside or grant a stay of the enforcement of the Award before the England and Wales High Court (EWHC). Both the EWHC and subsequently the English Court of Appeal refused Romania's application.

A year later, the ICSID Annulment Committee upheld the Award. One of the Claimants, Viorel Micula, managed to obtain attachment against €85 million in funds, which Eurocontrol – the Brussels-based international air traffic management body – owed to Romania. Nonetheless, in January 2016, the Brussels Court of First Instance lifted the attachment following the Decision. On 23 January 2019, the Nacka District Court in Stockholm also refused to enforce the Award as incompatible with the EU law in light of the Decision.

In its latest decision dated from 12 March 2019, while asking the CJEU for a preliminary ruling, the Brussels Court of Appeal observed that the Decision created a normative conflict for Romania. On the one hand, Romania had to enforce the Award under the ICSID Convention. On the other hand, such enforcement would be contrary to the EU legal framework.

The questions that the Brussels Court of Appeal presented before the CJEU are the following:

whether the Decision is applied to the enforcement of the Award by other EU member states than Romania;

whether a national court of an EU member state other than Romania seized with a request to enforce the Award is obliged to refuse such enforcement on the ground that a non-final Decision adopted after the award was rendered requires so as contrary to the EU legislation;

whether the EU law, including the principle of sincere cooperation and res judicata, requires from a member state other than Romania to disregard its international obligations under the ICSID Convention based on the Decision.

INTERNATIONAL CHAMBER OF COMMERCE, AYOUB-FARID SAAB AND FADI SAAB V. THE REPUBLIC OF CYPRUS, 15 JANUARY 2019

On 15 January 2019, the International Court of Arbitration of the International Chamber of Commerce (ICC Tribunal) ruled in favor of Cyprus in the case brought by two Lebanese brothers under the 2001 Agreement on the Reciprocal Protection of Investments between the Republic of Lebanon and the Republic of Cyprus. The case concerned indirect expropriation through liquidation of the branches of the FBME Bank Ltd. ("Bank") owned by Claimants,

which is based in Tanzania but holds almost 90% of its assets in Cyprus[3].

Composition of the Tribunal:
Pierre Tercier (Switzerland)
Ibrahim Fadlallah (France-Lebanon) (appointed by Claimants)
VV Veeder QC (UK) (appointed by Cyprus)

Counsel to Cyprus:
Curtis Mallet-Prevost Colt & Mosle

Counsel to Ayoub-Farid Saab and Fadi Saab:
Quinn Emanuel Urquhart & Sullivan, Madkour Law Firm

In 2014, the Central Bank of Cyprus adopted the decree for the sale of operations of the branch of the Bank in Cyprus after the US Treasury's Financial Crimes Enforcement Network (FinCEN) published a notice of finding the bank a financial institution of primary money laundering concern. A year later, the Central Bank fined the Bank for the failure to comply with the anti-laundering regulation and subsequently placed the Bank under administration. Then the FinCEN enacted the final rule and imposed special measures against the Bank in 2016.

In 2017, the Bank was placed under liquidation. Claimants' numerous attempts to challenge the FinCEN's actions, inter alia, on the basis that FinCEN did not disclose in advance factual and legal circumstances of its allegations, failed.

While filing the arbitration in the ICC Tribunal in 2014, Claimants asked for a compensation for the discontinuation of the operations of the Bank in sum of € 1.44 billion and for interim measures to prevent Cyprus authorities from liquidating local branch of the Bank.

The ICC Tribunal rejected these claims in entirety concluding that "Cyprus acted as a responsible regulator in responding to the failure of FBME".

THE SINGAPORE HIGH COURT, BVU V. BVX [2019] SGHC 69, 13 MARCH 2019

On 13 March 2019, the Singapore High Court upheld the 2015 International Chamber of Commerce (ICC) award in the dispute arising from the breach of the food supply agreement between BVX (Defendant), the South Korean state-owned company, and BVU (Plaintiff), the food supply company[4].

Judicial bench:
Ang Cheng Hock JC

Counsel to plaintiff:
Rajah & Tann

Counsel to defendant:
WongPartnership

The circumstances giving rise to the dispute had occurred since 2011 when South Korea entrusted Defendant with a project to secure long-term

[3] *Sources:*

1. *PAA356/2014 – The sale of operations of the Branch of FBME Bank Ltd in Cyprus decree of 2014, https://www.centralbank.cy/en/resolution/resolution-actions/fbme-bank-ltd/the-sale-of-operations-of-the-branch-of-fbme-bank-ltd-in-cyprus-decree-of-2014.*
2. *Notice of Finding That FBME Bank Ltd., Formerly Known as Federal Bank of the Middle East, Ltd., Is a Financial Institution of Primary Money Laundering Concern, 79 FR 42639, 2014-17171, July 22, 2014, https://www.federalregister.gov/documents/2014/07/22/2014-17171/notice-of-finding-that-fbme-bank-ltd-formerly-known-as-federal-bank-of-the-middle-east-ltd-is-a.*
3. *Cosmo Sanderson, Cyprus defeats treaty claim by owners of sanctioned bank, January 30, 2019, Global Arbitration Review, https://globalarbitrationreview.com/article/1179818/cyprus-defeats-treaty-claim-by-owners-of-sanctioned-bank .*

[4] *Sources:*

1. *Amoga Krishnan, South Korean state entity defends award in Singapore, April 3, 2019, https://globalarbitrationreview.com/article/1189494/south-korean-state-entity-defends-award-in-singapore .*
2. *Alastair Henderson, Daniel Waldek, Mitchell Dearness, Singapore court refuses set aside on the basis that the successful party in the arbitration did not call witnesses to give evidence and disclose certain documents, March 22, 2019, https://hsfnotes.com/arbitration/2019/03/22/singapore-court-refuses-set-aside-on-the-basis-that-the-successful-party-in-the-arbitration-did-not-call-witnesses-to-give-evidence-and-disclose-certain-documents/.*

domestic food supply from international sources. To complete the project, Defendant entered into the 20-year Agreement with Plaintiff, under which the latter was obliged to make "best commercially reasonable effort" to supply minimum of 1,000,000 tons of products from Latin America annually subject to the forecast of purchase orders. Defendant failed to provide the Forecast timely and even confirmed negotiations with the Plaintiff's competitor. Finally, contrary to the terms of the Agreement, to purchase food products Defendant carried out a public tender instead of placing the orders. Consequently, Plaintiff filed the claim with the ICC tribunal asking for US$2.25 million in damages plus interest. Defendant argued that, first, Korean procurement regulation required it as a state-owned company to begin the public tender, of which Plaintiff should have been aware, and, second, that the wording "best commercially reasonable effort" set out merely an obligation of conduct. In Defendant's opinion, the whole Agreement was a framework one and could not be treated as imposing absolute obligations.

In 2015, the ICC tribunal rendered the Award, having upheld the Defendant's arguments, with one arbitrator dissenting. Plaintiff attempted to set aside the Award before the Singapore High Court on the ground that the Award "was induced by fraud or corruption and was in conflict with the public policy of Singapore". Particularly, Plaintiff alleged that Defendant deliberately concealed crucial witnesses, internal documents and distorted the facts.

Nonetheless, the Singapore High Court refused to set aside the Award for the following main reasons. The International Bar Association rules applicable to the arbitral proceedings did not require Defendant to call witnesses at issue to the proceedings, especially given Plaintiff's failure to show the importance of those witnesses' testimony to the outcome of the dispute. Moreover, Plaintiff did not request disclosure of the documents during the arbitration. In any event, Plaintiff did not establish a causal link between the absence of witnesses and the fact that the Award favored Defendant.

INTERNATIONAL BAR ASSOCIATION CONFERENCES

XI IBA "Mergers and Acquisitions in Russia and CIS" Conference — 15 November, 2019 Moscow, Russia

XIII Annual IBA Law Firm Management Conference — 6 December, 2019 Moscow, Russia

For more details, please contact Alexandra Brichkovskaya at
alexandra.brichkovskaya@arbitrations.ru
www.iba-ma.ru, www.iba-lfm.ru

PROFESSIONAL RESPONSIBILITY IN RUSSIAN ARBITRATION: AN OPEN-ENDED QUESTION

Stepan Sultanov
Lawyer, KIAP, Moscow

Professional responsibility of Russian lawyers is a long-standing matter. Recently, in addition to domestic ethics the legal community has been maintaining debates on ethical challenges in international commercial arbitration ("ICA"). For Russia, it looks as a discussion of particulars of creating a bicycle, when we are out of wheels.

It is wrong to say that most unethical activity goes in arbitration. Professional irresponsibility in Russia impacts its whole legal system. But I would take a liberty to say that in many respects those well known bad faith arbitrations were spawned due to the lack of special regulation for lawyers what in turn attracted the public and ICA young lawyers' misunderstanding about arbitration and a lawyers' role there.

The reform cleared out arbitration field. New amendments struggle with a rest fieldweed. But which wheels are we driving on today?

Professional responsibility in ICA

International associations issue numerous documents to establish a clear and transparent system that raises a confidence in international arbitration.

Among the issued ethical rules for arbitrators, I would emphasize the following ones as frequently applied:

- The ABA Code of Ethics for Arbitrators in Commercial Disputes,
- IBA Guidelines on Conflicts of Interest in International Arbitration,
- Principles in the arbitration rules or separate rules of arbitration institutions, e.g. the HKIAC's Code of Ethical Conduct for Arbitrators.
- Among the ethical rules for counsels – the following ones as frequently applied:
- IBA Guidelines on Party Representation in International Arbitration,
- The Hague Principles on Ethical Standards for Counsel Appearing before International Courts and Tribunals,
- Arbitration rules, e.g. General Guidelines for the Parties' Legal Representatives (Annex to LCIA Rules).
- Among the ethical rules for lawyers regardless their role in arbitration – the following ones as mostly popular:
- IBA International Principles on Social Media Conduct for the Legal Profession,
- IBA International Principles on Conduct for the Legal Profession.

If arbitrators violate applicable rules, they may face a challenge. If counsels violate applicable rules, they may face a reprimand, tribunal's appropriate infer-

ences, apportioning arbitration costs, or any other appropriate measures[1] (e.g. in rare occasions an arbitral tribunal may offer a party to appoint another representative[2]).

The first thing that unites those international standards – they are soft, i.e. apply under a parties' agreement or due to an inherent power of tribunal. The second thing that unites – sanctions attack the parties mostly.

In turn, the most prominent lawyer's fear is the fear of being expelled from profession (for states where the expulsion exists).

International ethical rules are aimed to solve double deontology, inequality-of-arms, and conflicts-of-law problems[3]. None of the existing solutions abandons national professional rules which always go first.

Professional responsibility in US

ABA issued Model Rules of Professional Conduct ("ABA Rules"). The majority of states incorporated the ABA Rules with necessary adoptions.

The ABA Rules contain the detailed description of numerous widely recognized ethical principles for lawyers. I encourage readers to review the whole text of the rules.

The preamble of the ABA Rules emphasizes that the lawyer is a member of the legal profession what includes, inter alia, the following:

- Lawyer is a representative of clients, an officer of the legal system and a public citizen having special responsibility for the quality of justice.
- Lawyer should use the law's procedures only for legitimate purposes.
- Lawyer should demonstrate respect for the legal system and for those who serve it.
- Lawyer should further the public's confidence in the rule of law and the justice system.
- Lawyer should strive to attain the highest level of skill, to improve the law and the legal profession and to exemplify the legal profession's ideals of public service.
- Lawyers play a vital role in the preservation of society. The fulfillment of this role requires an understanding by lawyers of their relationship to the legal system. The Rules of Professional Conduct, when properly applied, serve to define that relationship.

ABA Rules apply to lawyers when they act as arbitrators either. As well, rules for lawyers toward court apply mutatis mutandis toward arbitral tribunals. ABA Rules contain special rules for arbitrators (e.g. Articles 1.12 and 2.4).

According to ABA Rules, lawyers shall follow the ethical rules of both the state where they are admitted to practice and the state where they provide legal services.

Among the sanctions, e.g. New York Rules of professional responsibility prescribe a public censure, suspension from practice, or disbarment[4]. Disbarred person may apply for reinstatement to practice after the expiration of seven years, unless otherwise directed by the court[5].

Professional responsibility in EU

Council of Bars and Law Societies of Europe issued Charter of core principles of the European legal profession ("CCBE Charter") and Code of conduct for European lawyers ("CCBE Code").

Both documents begin with the words that respect for the lawyer's professional function is an essential condition for the rule of law and democracy in society. One of the core ideas of CCBE rules is that a lawyer is an indispensable participant in the fair administration of justice[6].

CCBE Charter contains 10 incorrupt principles. According to its preamble, it is aimed at applying

---

[1] *See IBA Guidelines on Party Representation in International Arbitration, Art. 26; LCIA Rules, Art. 18.6.*

[2] *See The ICAC Rules of arbitration of international commercial disputes, Art. 26(2).*

[3] *Peter Halprin and Stephen Wah, Ethics in International Arbitration, 2018 J. Disp. Resol. (2018) (quoting Catherine A. Rogers, Ethics in international arbitration 224 (Oxford University Press, 2014).*

[4] *https://www.nycourts.gov/courts/ad2/attorneymatters_ComplaintAboutaLawyer.shtml.*

[5] *22 NYCRR 1240.16 (c).*

[6] *Commentary (6) to the CCBE Charter.*

to all of Europe, reaching out beyond the member, associate and observer states of the CCBE.

CCBE Code contains mandatory rules for lawyers who are members of the CCBE bars (full, associate or observer) in their cross-border activities within the EU, the European Economic Area and the Switzerland as well as within associate and observer countries.

According to the CCBE Code, the rules that govern a lawyer's relations with the courts also apply to the lawyer's relations with arbitrators.

Violation of ethical rules may lead to an expulsion from the profession[7].

The Russian deontology

The Russian Federal Chamber of Advocates issued the Code of professional ethics of advocates ("Russian Code").

The Russian Code's preamble emphasizes that the community of advocates cannot exist or function without adherence to corporate discipline and professional ethics and concern for the honor and dignity of advocates and for the authority of their profession.

The Russian Code's violation entails the imposition of the following sanctions: reprimand, warning, disbarment (with the ability to be reinstated after 1-5 years).

Despite an absence of some widely recognized ethical principles, the Russian Code constitutes a solid starting point for professional responsibility in Russia (considering that the Russian Code allows to be guided by CCBE rules[8]). However, the Russian Code applies to advocates only.

For the time being, advocates occupy a tiny part of all practicing lawyers in Russia. And only this tiny part is bound by the Russian Code. All others are guided by their own beliefs. The advocatory reform could resolve the challenge. Until that time, I would recommend to treat problems should be treated locally and under self-regulation basis.

[7] *Commentary to principle (d) of the CCBE Charter.*
[8] *Article 1, but the Russian chamber is a CCBE observer that shall abide advocates to follow CCBE rules.*

RAA MEDIA PRESENCE IN 2013-2019

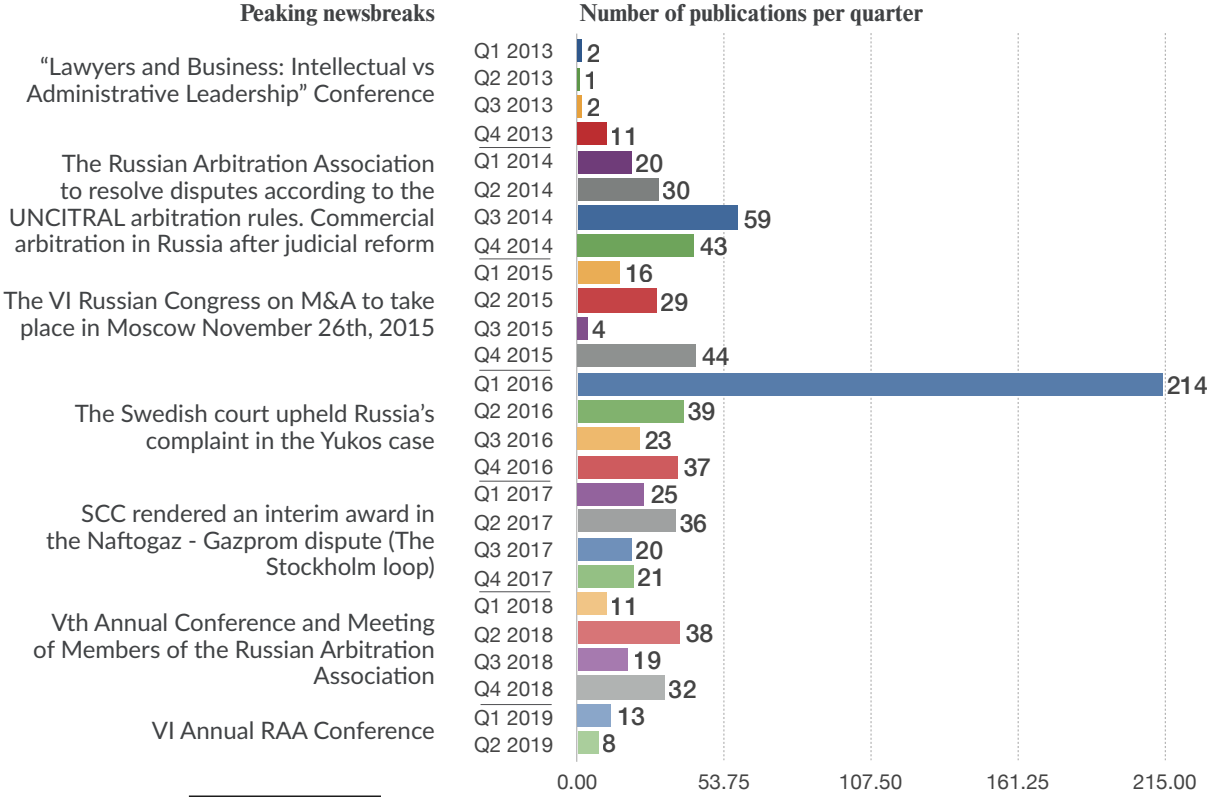
Dmitry Artyukhov
Arbitration.ru
Editor-in-chief

Dear colleague,
As part of our collaboration with Interfax Europe Corporate Risk and Due Diligence Division, we would like to present you essential results of media monitoring conducted using the Interfax Scan system[1]. The monitoring included more than 20 RAA-related keywords and expressions both in Russian and English and covered media space in Russia and abroad. The timeframe spans from the RAA foundation year 2013 until the present day.

While a comprehensive analysis of the media dynamics is still to be done, it may be concluded that RAA Secretary General's Roman Zykov comments on the SCC upholding Russia's complaint against Yukos in 2016 were most widely republished in the media and brought him and the RAA most media recognition.

The total number of publications related to the RAA or its members reached 797 news items throughout 6 years, meaning an average of 133 per year. That is a remarkable result for an organisation that has relied on organic growth and not purchased PR or media coverage.

Media publications mentioning the RAA and related keywords from 2013 to 2019. Prepared using Interfax Scan system

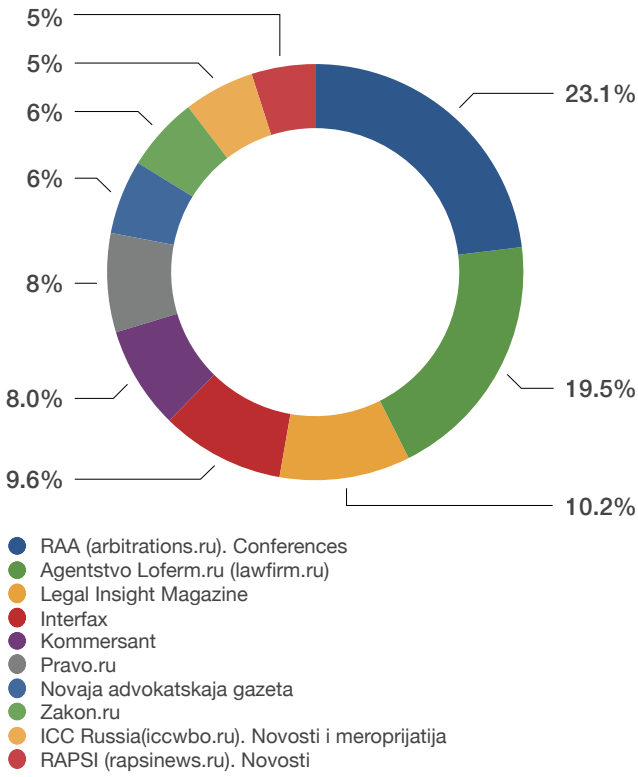


[1] *SCAN, created by Interfax, is a system for complex analysis of news that contains monitors and analyses over 30 thousand sources in Russia and the CIS, more details at scan-interfax.ru.*

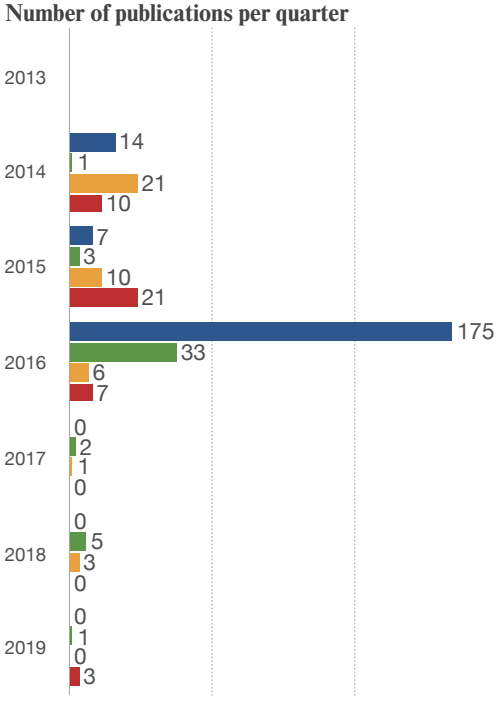
Other major newsbreaks mentioning the RAA or related personalities are shown below. The latter include Vladimir Khvalei, Chairman of the RAA and Andrey Panov, RAA Member and Senior Associate of Norton Rose Fulbright Moscow office. Deputy Minister of Justice Mikhail Galperin appeared in publications on arbitration reform in Russia.

An overview of sources shows that RAA's news are mostly favoured by Russian legal and business media, such as Lawfirm.ru, Pravo.ru, Zakon.ru, Kommersant and Novaya advokatskaya gazeta. Collaboration with Legal Insight magazine and Interfax agency has also contributed to RAA's media presence. Geographically, the majority of associated publications stems from Russia, with a fraction from other CIS countries.

Quantitative overview of sources mentioning the RAA and related keywords from 2013 to 2019. Prepared using Interfax Scan system



Media publications mentioning the RAA-related persons from 2013 to 2019. Prepared using Interfax Scan system



Peaking newsbreaks

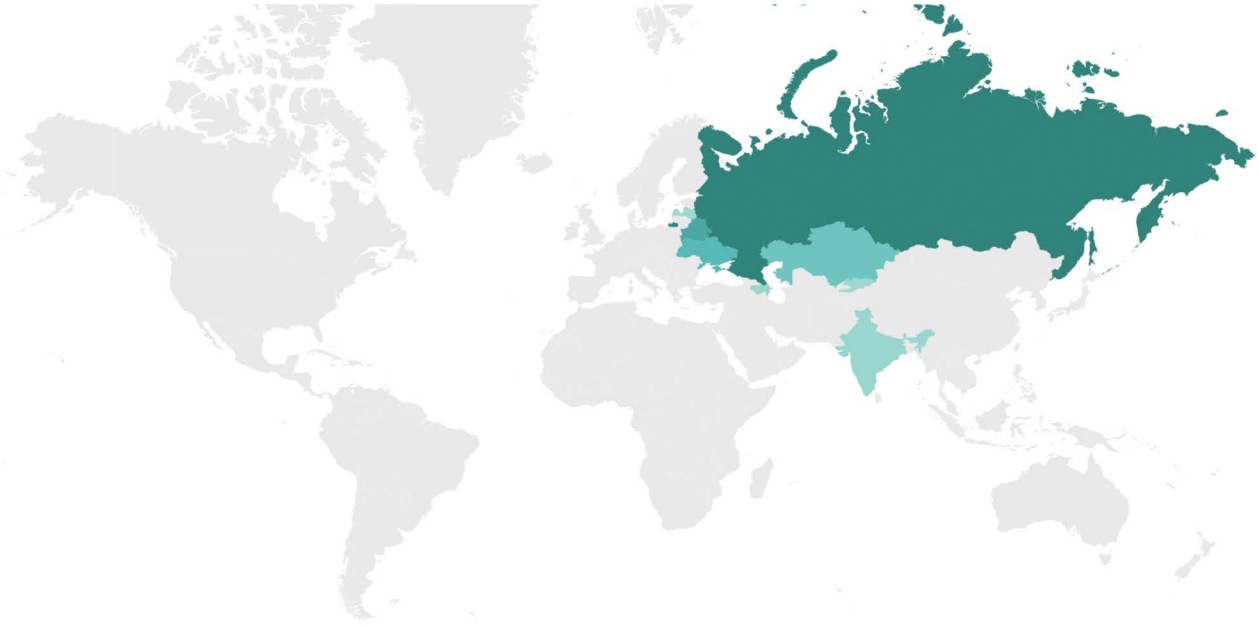
Zykov Roman
The Swedish court upheld Russia's complaint in the Yukos case

Panov Andrey
The Swedish court upheld Russia's complaint in the Yukos case

Galperin Mikhail
International Conference "Arbitration in Russia: New Solutions for Business". Commercial arbitration in Russia after judicial reform

Khvaley Vladimir
Asia will judge. Western arbitration centres are losing popularity

Geographical distribution of sources mentioning the RAA and associated keywords from 2013 to 2019. Prepared using Interfax Scan system



- **Russia** - 686 items published - 86%
- **Belarus** - 40 items published - 5.0%
- **Ukraine** - 30 items published - 3.8%
- **Kazakhstan** - 19 items published - 2.4%
- **Azerbaijan** - 3 items published - 0.4%
- **Armenia** - 2 items published - 0.3%
- **India** - 2 items published - 0.3%
- **Kyrgyzstan** - 1 item published - 0.1%
- **Latvia** - 1 item published - 0.1%

RUSSIA AS A PLACE FOR ARBITRATION

Survey by the Russian National Committee of the International Chamber of Commerce – ICC Russia

Vladimir Khvalei
ICC Russia, Chairman of the Arbitration Commission

INTRODUCTION

In 2011 – 2012 the Russian National Committee of the ICC (hereinafter, the "ICC Russia") conducted a survey called "Russia as a Place for Arbitration"[1]. During the time that passed since this study, many events have occurred, including the imposition of sanctions by a number of Western countries against certain individuals and companies from Russia. In addition, in 2016–2017, an arbitration reform was carried out, and one of its goals was to strengthen Russia's position as a possible place for international arbitration.

In order to assess the changes in the respondents' perception of Russia as a potential place for arbitration, including the results of the reform of the arbitration law, ICC Russia decided to conduct another study.

METHODOLOGY

ICC Russia has formed a special task force to draw up a relevant questionnaire (hereinafter, the "Task Force")[2]. The resulting draft was offered for discussion at a public session of ICC Russia's Arbitration Commission on 27 April 2018. Upon being amended and supplemented on the basis of proposals voiced during those deliberations, the final text of the questionnaire was approved by the Arbitration Commission of ICC Russia and presented to the target audience on 31 July 2018 and posted on SurveyMonkey.com on 6 September 2018. ICC Russia would like to thank Vladimir Khvalei (Baker McKenzie), Natalia Gulyaeva (Hogan Lovells) and Andrey Panov (Norton Rose Fulbright) for analyzing and publishing the present study.

---

[1] *The survey analysis in English is available at* http://www.iccwbo.ru/commissions/arbitrazhnaya-komissiya/proekty/rezul-taty-oprosa-arbitrazhnoy-komissii-za-2011-god

[2] *Task Force members:*
Vladimir Khvalei (Baker McKenzie), Task Force chairman; Natalia Gulyaeva (Hogan Lovells); Andrey Panov (Norton Rose Fulbright); Irina Varyushina (Baker McKenzie); Doran Doeh (Dentons); Sergey Petrachkov (ALRUD); Anna Grishchen-kova (AB KIAP); Sergey Morozov (Beiten Burkhardt); Izabella Kharlamova (Baker Botts); Oksana Peters (Tilling Peters); Xenia Khanseidova (Cleary Gottlieb Steen & Hamilton); Marina Akchurina (Cleary Gottlieb Steen & Hamilton); Artem Doudko (Osborne Clarke); Evgeny Samoylov (Debevoise&Plimpton); Olga Nesterova (Debevoise&Plimpton).

The poll was announced on the Russian Law Week and other arbitration-focused events that were held during the time the survey was open.

Personal invitations to take part in the survey were also circulated to professionals in international commercial arbitration by ICC Russia, Russian Arbitration Association and Task Force members.

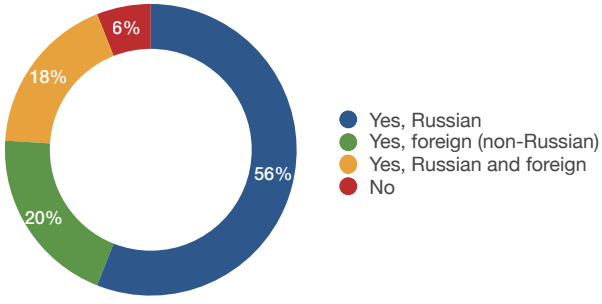
ICC Russia thus made its best efforts for the survey to cover and involve the broadest possible target audience of specialists concerned with international arbitration in Russia.

The findings of this survey along with comments thereon follow below.

RESPONDENTS

The survey was conducted among 168 participants, whose third part (56 participants) were English-speaking respondents. From those participants, who agreed to disclose information about their education, 93 respondents (56.02%) have Russian legal education, 33 (19.88%) – foreign legal education, 30 (18.07%) – both foreign and Russian legal education and 10 (6.02%) do not have legal education:

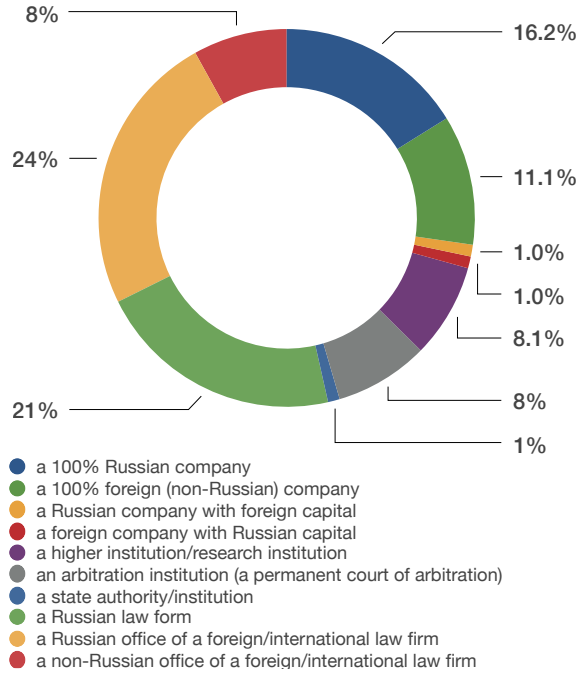
Do you have a degree in law?



In comparison with the similar survey by ICC Russia of 2012 (herein-after, the "2012 Survey"), the quantity of participants has increased by 56 respondents – 50% (as compared to 112 participants in 2012).

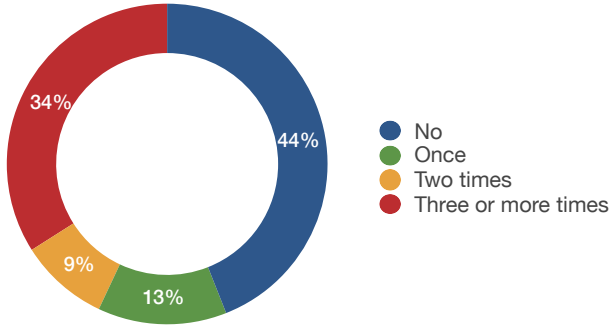
The spheres of professional activity of the respondents are diverse. The majority of respondents work in Russian offices of foreign / internation-al law firms (20.61%) and Russian law firms (18.18%). Just under 15% of respondents are employees of Russian companies (13.94%) and non-Rus-sian offices of foreign / international law firms (12.73%). Less than 10% of participants work in foreign (non-Russian) companies (9.7%), universities and scientific organizations (7.27%) and arbitration institutions (7.27%):

Where do you work?



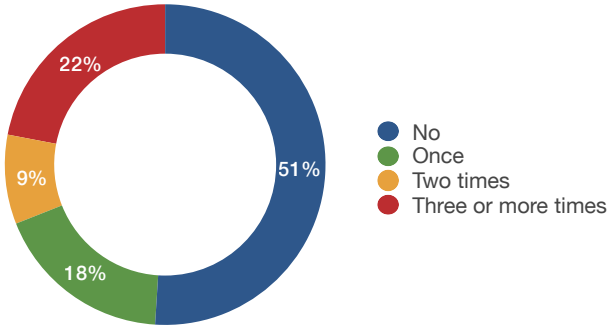
Up to 56% of respondents participated at least once in the past five years in international arbitration proceedings with place of arbitration in Russia, while almost 34% of respondents participated in such proceedings 3 or more times:

Have you taken part in international arbitration proceedings with place of arbitration in Russia (during the last five years)?



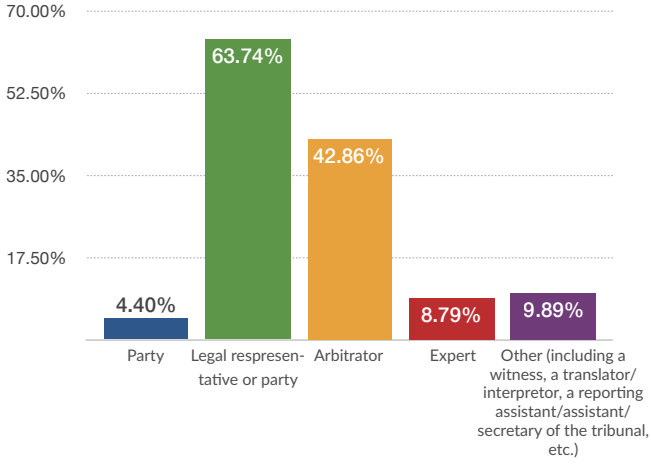
49% of the English-speaking respondents participated in arbitration proceedings with the place of arbitration in Russia, while 22% of such respondents participated in three or more similar proceedings:

Have you taken part in international arbitration proceedings with place of arbitration in Russia (during the last five years)?



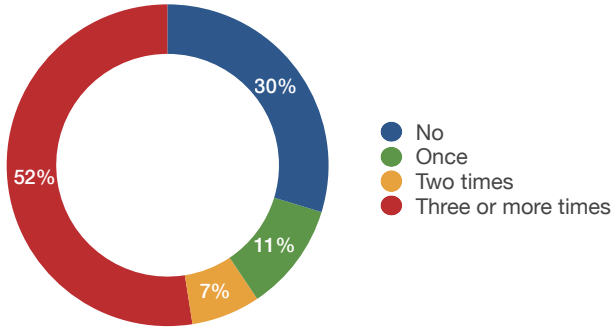
The majority of respondents participated in arbitration proceedings in Russia as a representative of a party (63.74%) or an arbitrator (42.86%). The rest of the respondents participated in international arbitration in a different capacity: as an expert, a witness, or a party to the case:

In what capacity have you taken part in international arbitration proceedings with place of arbitration in Russia?



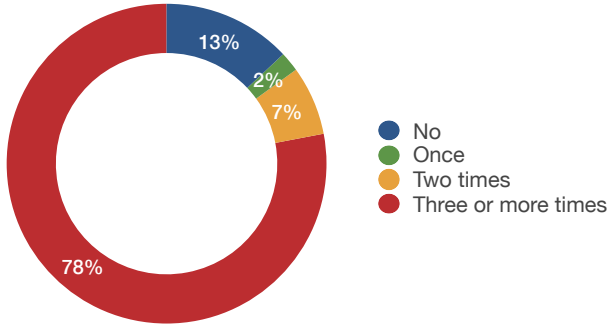
The significant majority of respondents (over 70%) participated in international arbitration proceedings outside the Russian Federation at least once in the last five years, while 52.8% of respondents participated in such proceedings 3 or more times during this period:

Have you taken part in international arbitration proceedings with place of arbitration outside Russia (during the last five years)?



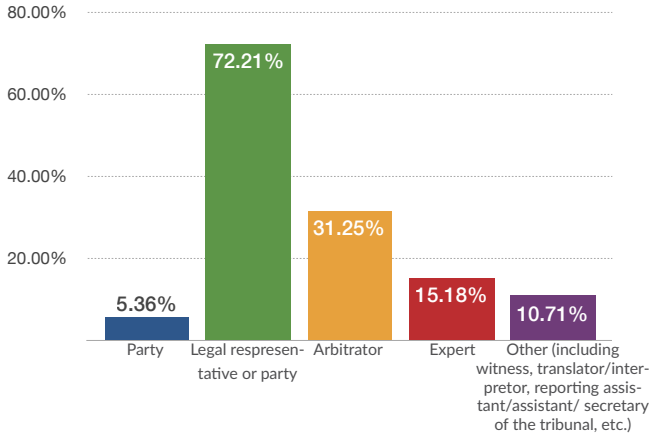
If you look at respondents who completed questionnaires in English, 87% took part in arbitration proceedings outside of Russia for the last 5 years, where over 78% of such respondents were involved 3 or more times:

Have you taken part in international arbitration proceedings with place of arbitration outside Russia (during the last five years)?



In this case, the majority of respondents also participated in such arbitration proceedings as a representative of a party (73.21%) or arbitrator (31.25%):

In what capacity have you taken part in international arbitration proceedings with place of arbitration outside Russia?



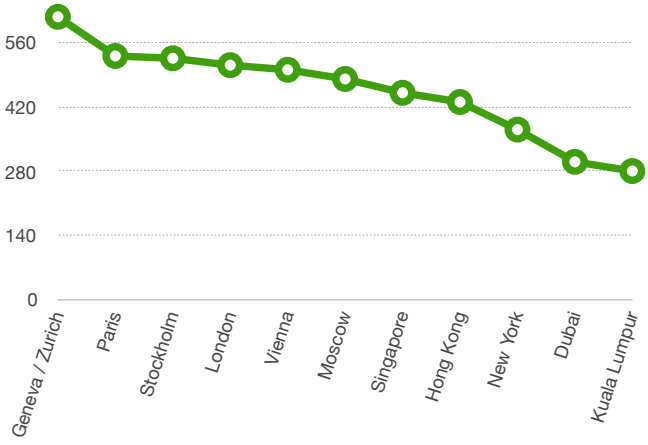
On the basis of the above, we can conclude that the survey results are built largely on the responses of specialists with considerable experience in arbitration proceedings both in Russia and abroad. This, in turn, indicates the representativeness of the answers of respondents who have a good understanding of the practices of international arbitration in Russia and abroad.

CHOICE OF A PLACE FOR ARBITRATION

Respondents were asked to mark a number of potential places of arbitration on a five-point scale in the order of diminishing attractiveness. Respondents were provided with the following options: Vienna, Hong Kong, Dubai, Geneva / Zurich, Kuala Lumpur, London, Moscow, New York, Paris, Singapore, Stockholm. Respondents had an option to specify other cities. At the end, the cities were placed in the order based on the results of adding up the points obtained by each city.

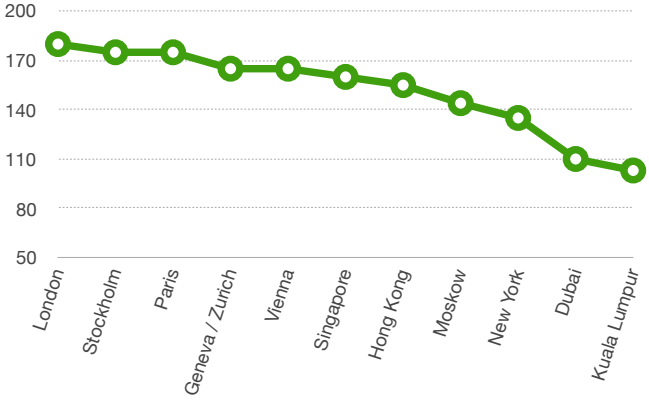
The top five most popular among the possible places of arbitration with the respondents were (in descending order) Geneva / Zurich, Paris, Stockholm, London and Vienna. Moscow took the 6th place, ahead of Singapore, Hong Kong and New York. The list closes on Dubai and Kuala Lumpur. Compared to the 2012 Survey, Moscow has lost one position.

Preferences with regard to place of arbitration



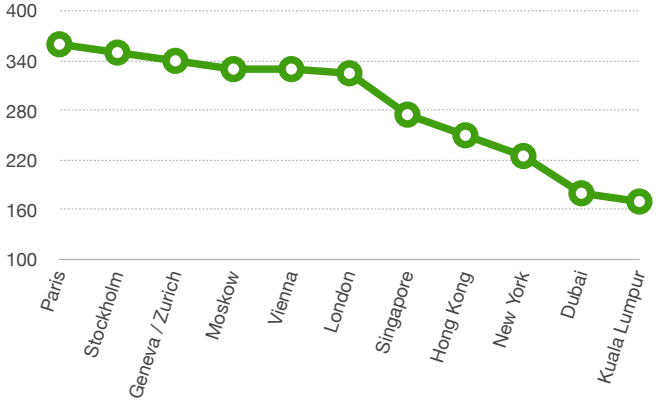
At the same time, among the English-speaking respondents, the five most popular places for arbitration appeared a little different: London, Stockholm, Paris, Geneva / Zurich, Vienna. Moscow took only 8th place, giving way to Singapore, Hong Kong, but overtaking New York. In the 2012 Survey, Moscow ranked seventh:

Preferences with regard to place of arbitration (English-speaking respondents)



Among the Russian-speaking survey participants, the five most popular places for arbitration were also different: Paris, Stockholm, Geneva / Zurich, Moscow and Vienna. London did not reach the top five, slightly yielding to Vienna. As compared to the results of the 2012 Survey, Moscow managed to keep the fourth place among Russian-speaking respondents:

Предпочтения в выборе города в случае согласования места арбитража среди русскоязычных респондентов



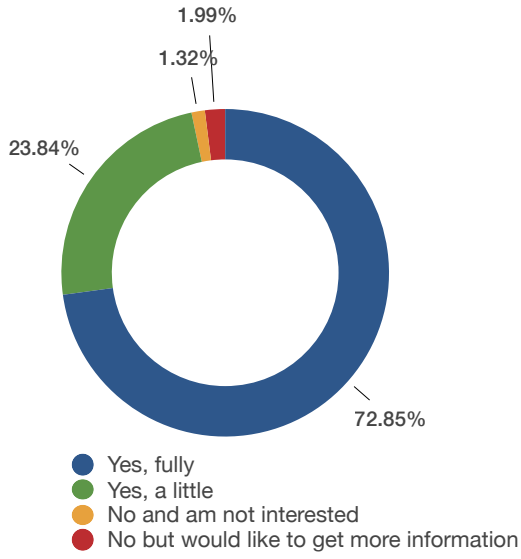
Thus, such voting pattern was expected and reflects the prevailing picture of the traditional and most developed international arbitration centers in Europe. At the same time, it is obvious that Russian-speaking participants are more inclined to choose Moscow as a place for arbitration than English-speaking respondents, although Moscow gained no leading positions. In addition, comparison of the results of this study and the 2012 Survey demonstrates cooling down of foreign respondents towards Moscow as a place for arbitration.

RUSSIAN LAW ON INTERNATIONAL ARBITRATION

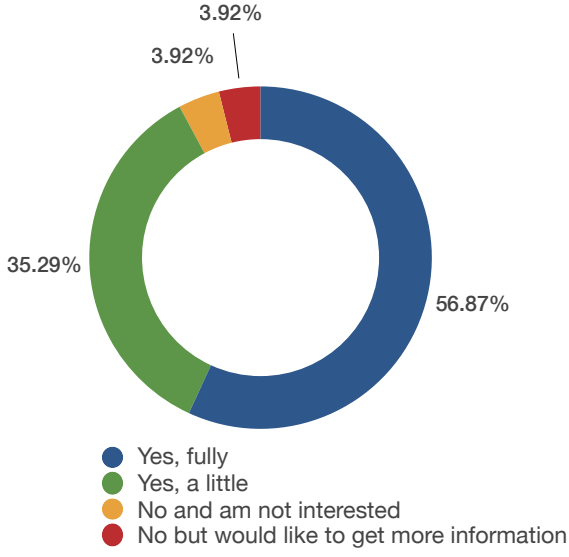
The overwhelming majority of respondents (over 96%) indicated that they are to some extent familiar with the Russian legislation on international arbitration (including changes following the results of the arbitration reform), while 73% of participants said that they were fully familiar with it.

Among English-speaking respondents, 92% indicated that they were familiar with the Russian arbitration law, while almost 57% indicated that they were fully familiar with it.

Are you familiar with the Russian legislation on international arbitration?

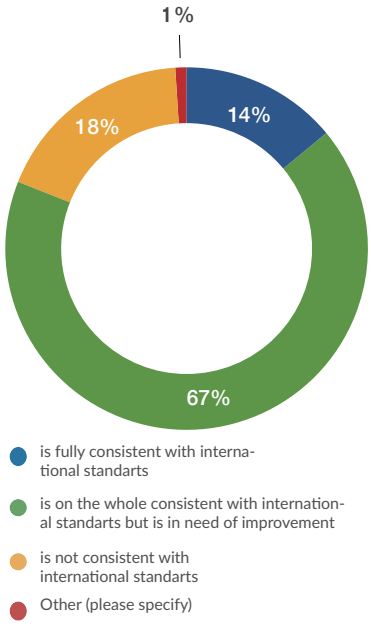


Are you familiar with the Russian legislation on international arbitration? (English-speaking respondents)



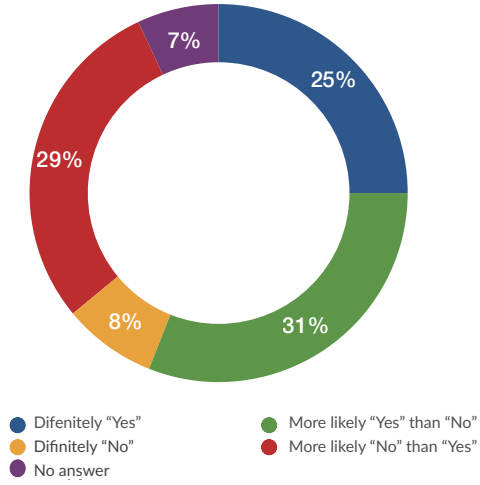
Russian legislation governing international arbitration was highly appreciated: 13.48% of respondents believe that it is fully consistent with international standards, while 67.38% indicated that it is consistent with international standards on the whole but is in need of improvement:

The correct proposition concerning Russian legislation on international arbitration (taking into account the 2016 amendments):



At the same time, the survey also showed that the Russian arbitration legislation influences the choice of Russia as a place of arbitration. More than 55% of respondents indicated that it definitely affects their choice or rather affects their choice than not (24.48% and 30.77%, respectively), while only for 8.39% of respondents it definitely did not influence the choice of Russia as a place of arbitration:

Does Russian legislation on international arbitration influence your choice in favor of Russia as place for arbitration?



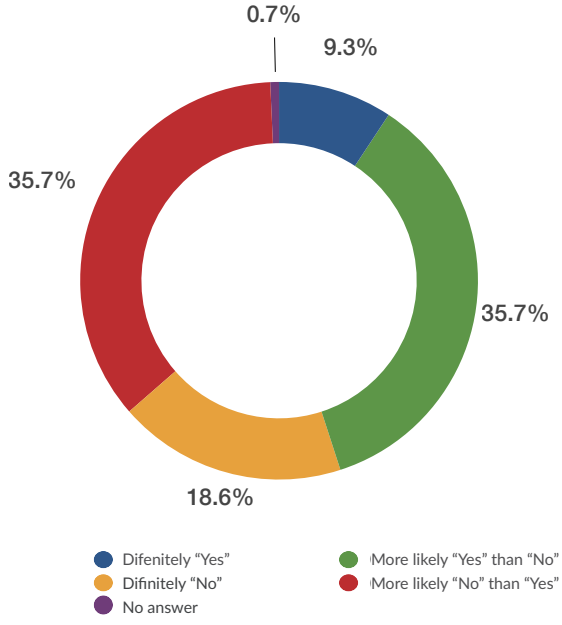
Thus, the Russian legislation on international arbitration was highly appreciated, which, in general, should serve as a positive factor for choosing Russia as the place of arbitration.

ARBITRATION REFORM IN RUSSIA

Respondents were asked to evaluate how the arbitration reform that took place in the Russian Federation affected the attractiveness of Russia as a place of arbitration.

The survey results showed a mixed attitude of respondents to this issue. Nearly 55% of respondents indicated that the reform unlikely made Russia a more attractive place for arbitration (18.57% stated that "definitely not", while 35.71% chose the answer "rather no than yes"). Only 9.29% of respondents thought that the reform definitely made Russia a more attractive place of arbitration, however, 35.71% of those polled thought that it nevertheless improved the attractiveness of Russia:

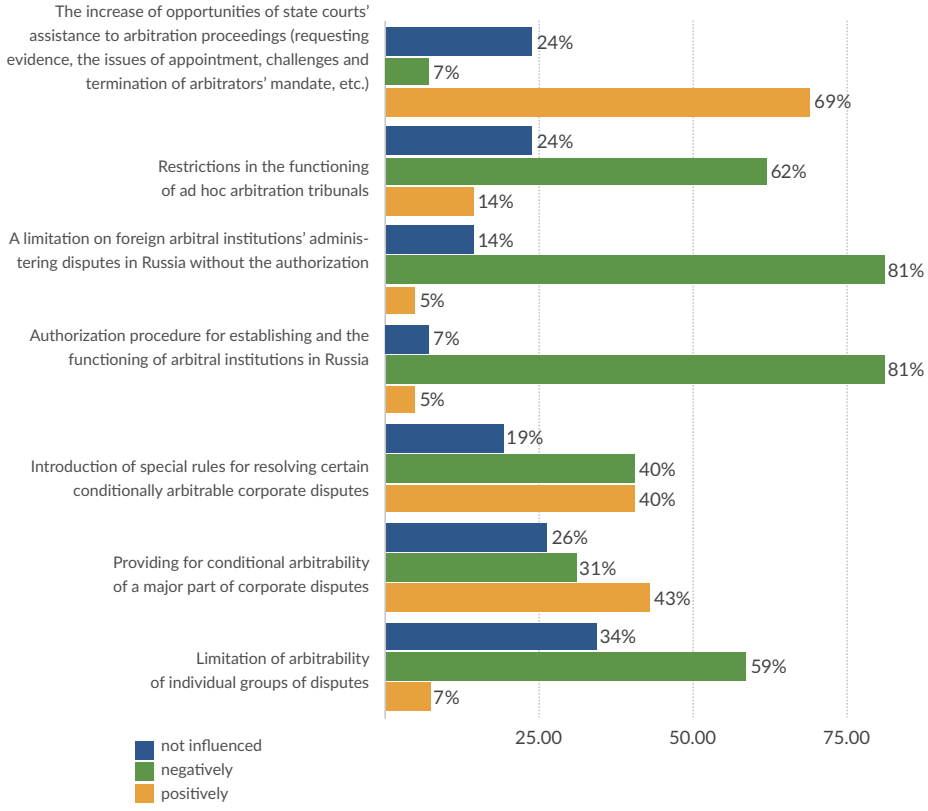
Считаете ли Вы, что арбитражная реформа сделала Россию более привлекательным местом арбитража?



The positive factor for Russia as a place of arbitration is an increase of opportunities of state courts' assistance to arbitration proceedings (requesting evidence, the issues of appointment, challenges and termination of arbitrators' mandate, etc.) – 69.05% of respondents voted for this factor. As another positive factor, more than 40.48% of respondents also noted the provision for conditional arbitrability of a major part of corporate disputes.

As negative factors that make Russia less attractive as a place of arbitration, respondents noted limitation on foreign arbitral institutions' administering disputes in Russia without the authorization (80.95%), limitation of arbitrability of individual groups of disputes (58.54%) and the authorization procedure for establishing and the functioning of arbitral institutions in Russia (54.76%):

Do you think that the following changes introduced by the 2016 arbitration reform influenced the choice of Russia as a place of arbitration:

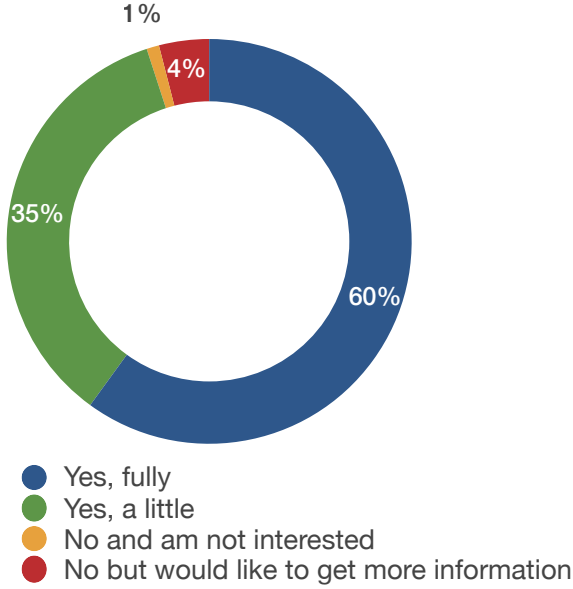


RUSSIAN STATE COURTS' PRACTICE ON MATTERS RELATED TO INTERNATIONAL ARBITRATION

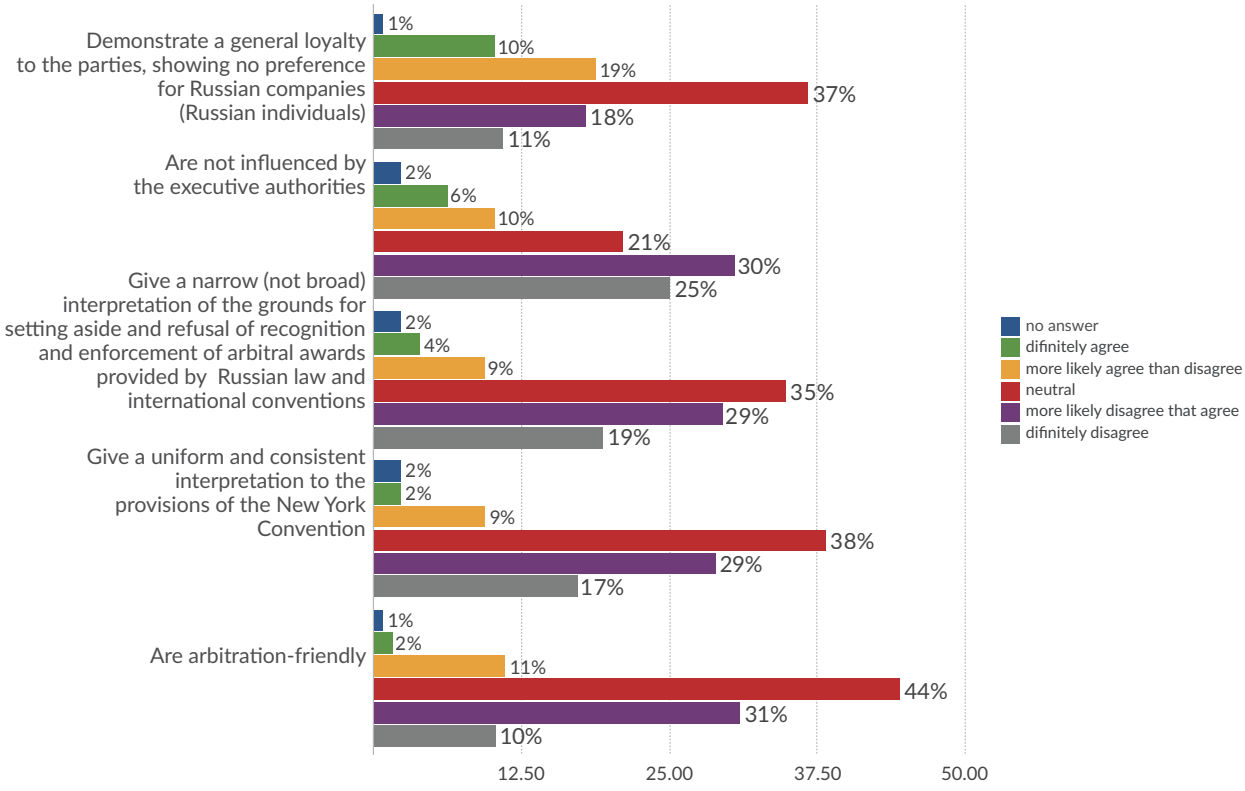
The overwhelming majority of respondents (over 94%) claimed being familiar with the practice of Russian state courts on issues of international arbitration. After that the respondents were asked to answer a series of questions regarding the attitude of Russian state courts to international arbitration proceedings.

Respondents were asked to rate on a 5-point scale (where 5 means "definitely agree", and 1 - "definitely disagree") the statements assessing attitude of Russian state courts to international arbitration. The answers were as follows.

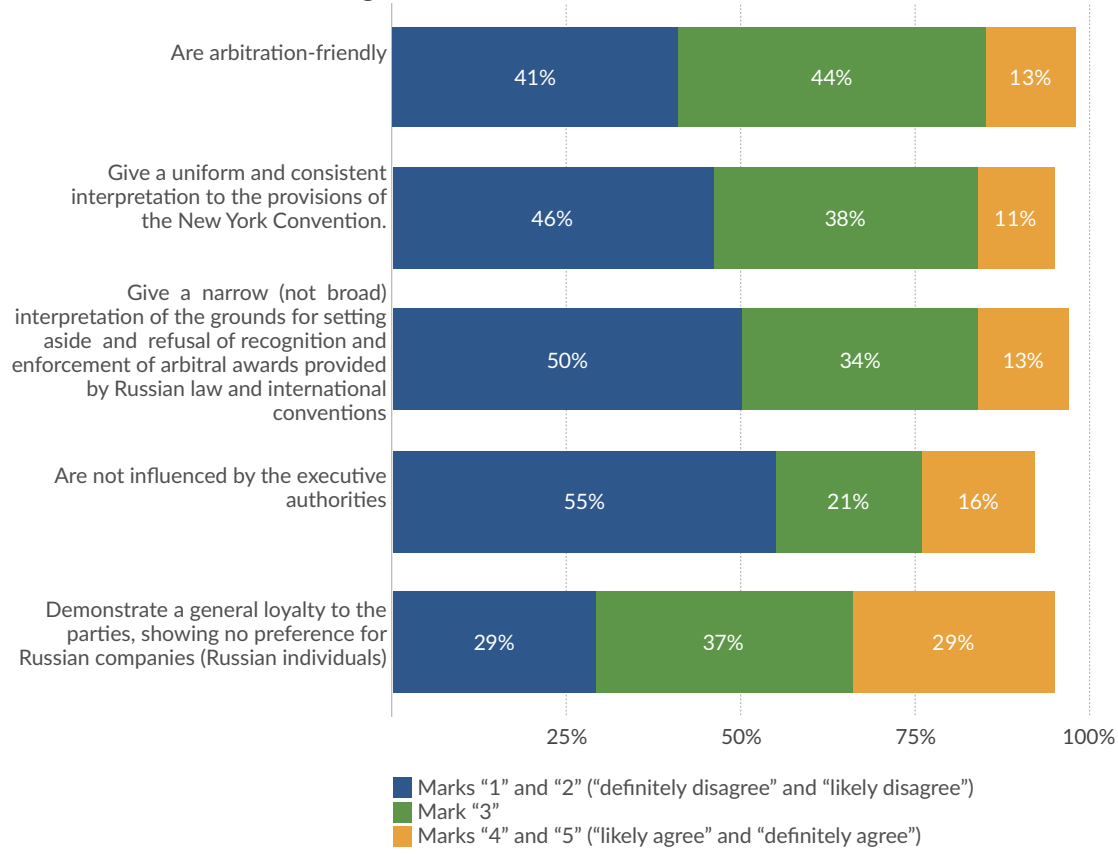
Are you familiar with the practice of Russian state courts in international arbitration matters?



Russian State Courts



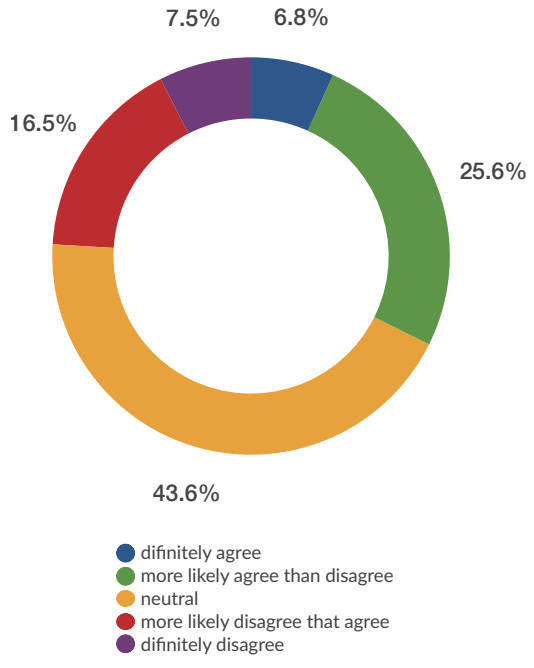
Russian state courts considering cases related to international arbitration:



Thus, a significant proportion of respondents are critical of the activities of Russian state courts. At the same time, the majority of respondents do not agree that the courts are not influenced by the executive authorities and believe that Russian courts broadly interpret the grounds for setting aside or refusing to enforce arbitral awards, and also apply the provisions of the New York Convention in a non-uniform and inconsistent manner.

In addition, 41% of respondents do not agree that Russian courts are arbitration-friendly. As for Russia as a jurisdiction on the whole, 33% disagree that it is arbitration-friendly (while 44% of respondents believe that Russia is neutral with respect to arbitration, and 23% that it is rather friendly):

Do you consider Russia to generally be an arbitration-friendly jurisdiction?



FACTORS THAT INFLUENCE THE CHOICE OF RUSSIA AS A PLACE FOR ARBITRATION

Respondents were asked to indicate factors, which in their opinion, have a positive / negative / neutral effect on Russia's attractiveness as a place of arbitration.

According to respondents, the following factors contribute to the choice of Russia as a place of arbitration (in descending order):

- Availability of qualified lawyers (including arbitration professionals) who could act as counsel and legal representatives of parties in arbitration;
- The choice of Russian law as the law applicable to the transaction or other relations of the parties to the dispute;
- Availability of qualified lawyers (including arbitration professionals) who could be chosen/appointed as arbitrators;
- Small amount in dispute;
- Transport infrastructure / connections.

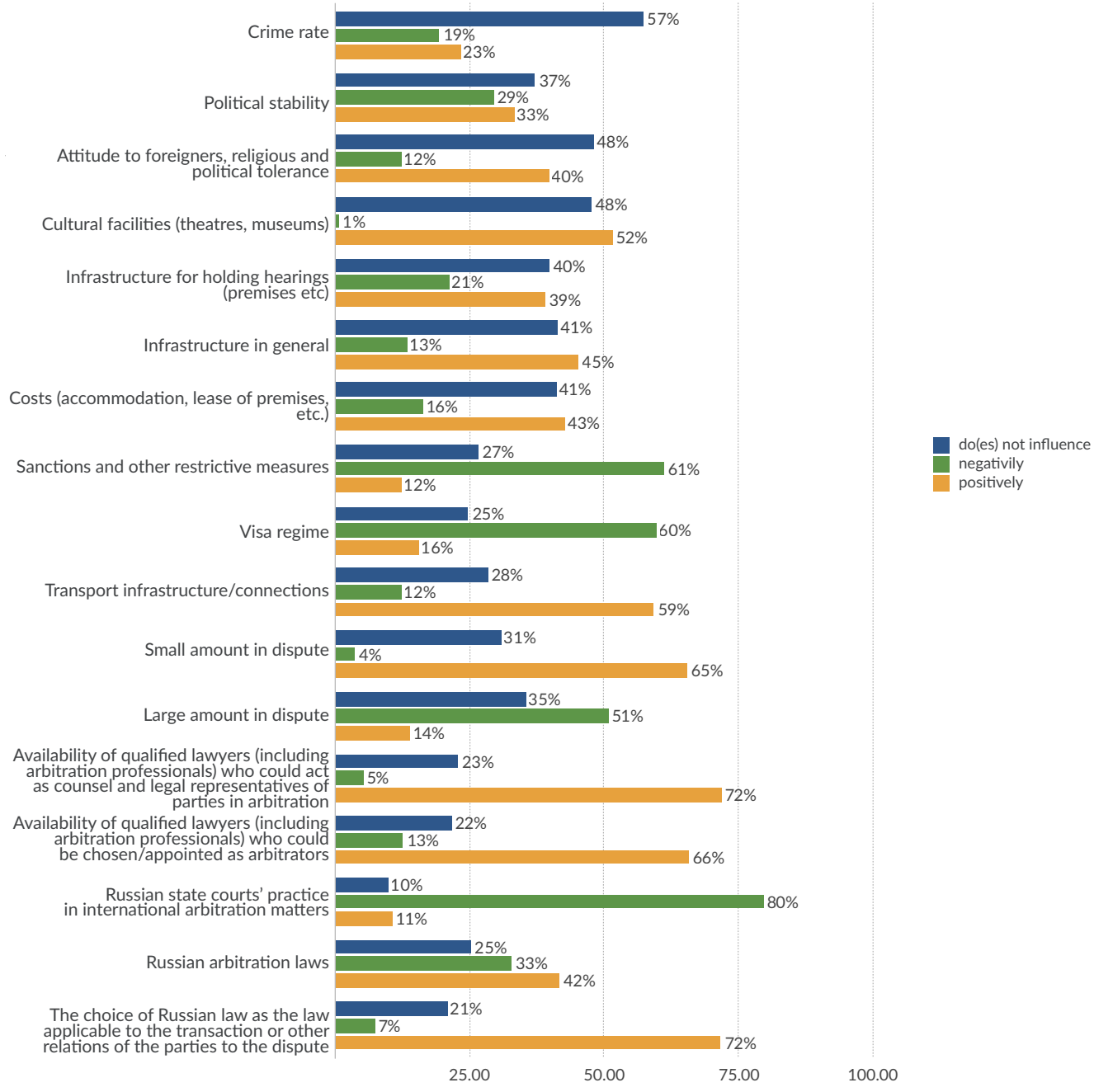
The following factors play against the choice of Russia as a place of arbitration (in descending order):

- Russian state courts' practice in international arbitration matters;
- Sanctions and other restrictive measures;
- Visa regime;
- Large amount in dispute;
- Russian arbitration laws.

At the same time, the following factors do not affect the choice of Russia as a place of arbitration (in descending order):

- Crime rate;
- Attitude to foreigners, religious and political tolerance;
- Cultural facilities (theatres, museums);
- Infrastructure;
- Political stability.

How the following factors influence your choice in favor of Russia as a place of arbitration?



SELECTION OF RUSSIAN ARBITRATORS

Respondents were asked to indicate conditions under which they would agree to appoint an arbitrator from Russia in a dispute closely related to Russia. The respondents indicated the following as the most likely situations:

- The language of the arbitration proceedings is Russian;
- The applicable law to the dispute is Russian law;
- The proceedings are conducted under the arbitration rules of a Russian arbitral institution;
- In all instances when a dispute is closely connected with Russia.

Respondents also listed the following cases in which they are not inclined to appoint an arbitrator from Russia (in descending order):

- Russian law is not applicable to the dispute in question;
- The proceedings are conducted under the arbitration rules of a foreign arbitral institution;
- The language of the proceedings is not Russian.

EXECUTIVE SUMMARY

1. Among the most attractive places for arbitration, Moscow ranked 6th out of 11 proposed, ahead of both Singapore and Hong Kong. Leadership is kept by the traditional centres of international arbitration, located in Europe (London, Stockholm, Paris, Geneva / Zurich, Vienna). As compared to the 2012 Study, Moscow has dropped one position.

2. The majority of respondents generally have a positive attitude towards the Russian legislation on international arbitration, taking into account the latest legislative innovations. However, it is noted that there are aspects to improve the national regulatory framework and bring it in line with international standards.

3. The majority of respondents do not have a clearly expressed negative or positive attitude towards Russia as a place for arbitration, leaning towards average ratings.

4. Respondents have also showed a mixed attitude towards the results of the arbitration reform in Russia. The positive consequences of the reform are: the increase of opportunities of state courts' assistance to arbitration proceedings (requesting evidence, the issues of appointment, challenges and termination of arbitrators' mandate, etc.) and providing for conditional arbitrability of a major part of corporate disputes. On the other hand, respondents noted that the most negative factors that make Russia less attractive as a place of arbitration are restrictions placed on foreign arbitral institutions' administering disputes in Russia without the authorization, limitation of arbitrability of individual groups of disputes, the authorization procedure for establishing and the functioning of arbitral institutions in Russia.

5. The respondents are concerned about the practice of Russian state courts on issues of international arbitration. However, currently the majority (44%) of respondents believe that Russian state courts are most likely to treat international arbitration as neutral, although 41% of respondents disagree or rather disagree with the statement that Russian courts are arbitration-friendly.

6. At the same time, the majority of respondents disagree that the courts are not influenced by the executive authorities and believe that the Russian courts broadly interpret the grounds for setting aside or refusing to enforce arbitral awards, as well as non-uniformly and inconsistently apply the New York Convention.

7. Despite this, 44% of respondents believe that Russia as a jurisdiction is rather neutral with respect to arbitration, and 23% believe that it is rather friendly; and 33% disagree or rather disagree with such an assessment.

8. The main factors that positively influenced the respondents' choice of Russia as a place of arbitration turned out to be: availability of qualified lawyers (including arbitration professionals) who could act as counsels and legal representatives of parties in arbitration, the choice of Russian law as the law applicable to the transaction or other relations of the parties to the dispute, availability of qualified lawyers (including arbitration professionals) who could be chosen/appointed as arbitrators, small amount in dispute, transport infrastructure / connections.

9. The main factors that adversely affect the choice of Russia as a place of arbitration are: Russian state courts' practice in international arbitration matters, sanctions and other restrictive measures, visa regime, large amount in dispute, Russian arbitration laws.

10. Respondents indicated that they would agree to an arbitrator from Russia in the following situations: the language of the arbitration proceedings is Russian, the applicable law to the dispute is Russian law, the proceedings are conducted under the arbitration rules of a Russian arbitral institution, in all instances when a dispute is closely connected with Russia.

11. Also, respondents indicated situations in which they are unlikely to agree with the appointment of a Russian arbitrator: Russian law is not applicable to the dispute in question, the proceedings are conducted under the arbitration rules of a foreign arbitral institution, the language of the proceedings is not Russian.

«Мы находимся лишь в стадии формирования рыночного хозяйства»

ИНТЕРВЬЮ С АЛЕКСАНДРОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ КОМАРОВЫМ, Д. Ю. Н., ПРОФЕССОРОМ КАФЕДРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА ВАВТ, ЭКС-ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ МКАС ПРИ ТПП РФ

Беседовал
Дмитрий Артюхов
главный редактор Arbitration.ru

Опыт члена редакционного совета нашего журнала А. С. Комарова, накопленный за многие годы работы в международном арбитраже, позволяет ему дать глубокий анализ сегодняшних проблем третейского разбирательства. С ним мы хотим познакомить наших читателей.

Александр Сергеевич, расскажите, пожалуйста, вкратце о вашем карьерном пути. Как вы попали в арбитраж?

В начале 1970-х годов я окончил международно-правовой факультет МГИМО, куда в 1960-е влился Институт внешней торговли, став его факультетом.

После учебы я попал на работу в центральный аппарат Министерства внешней торговли. К нам приходили юристы из всесоюзных внешнеторговых объединений, благодаря им и произошло мое первое знакомство с арбитражем. Однако я рассматривал арбитраж лишь как часть моей работы. В середине 1970-х я уехал в Западный Берлин работать в торговом представительстве СССР. А вернувшись в Москву и работая в Министерстве внешней торговли, получил приглашение стать докладчиком Внешнеторговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате (ВТАК). Я стал

участвовать во внешнеторговых арбитражных разбирательствах, составлять проекты арбитражных решений. После трех лет работы в договорно-правовом управлении министерства меня командировали в Швецию, в торговое представительство СССР в Стокгольме.

В Стокгольме проходили арбитражные разбирательства с участием советских объединений, так как в контракты с западными фирмами включались арбитражные оговорки на арбитраж в Швеции как нейтральной стране. Тут уже в силу служебного положения я полностью влился в арбитражную проблематику.

Как раз на тот период пришлось мое первое дело, в котором я участвовал уже как арбитр. Шел 1981 год. Затем почти четыре года через меня проходили многие дела между советскими объединениями и Западом. Благодаря этому в Стокгольме мне довелось познакомиться и с ведущими шведскими юристами.

В 1987 году меня ввели в список арбитров Морской арбитражной комиссии (МАК) при ТПП СССР. В те времена число арбитров было ограниченно, и мне было предложено стать членом этого органа после того, как скончалась Римма Леонидовна Нарышкина – мой научный руководитель по кандидатской диссертации. В 1989 году я стал заместителем председателя Арбитражного суда при ТПП СССР, в который был переименован ВТАК.

В 1993 году, когда был принят российский закон о международном коммерческом арбитраже, меня избрали председателем МКАС, и этот пост я занимал до 2010 года.

Что сыграло ведущую роль в вашем назначении председателем МКАС?

У меня уже был накоплен опыт международного арбитража, в котором участвовали отечественные предприятия. После 1991 года, когда внешнеторговая монополия советского государства прекратила свое существование, большое число российских предприятий стали самостоятельно заключать внешнеторговые сделки, не обладая опытом их ведения. Возникало много проблем, которые в соответствии с арбитражными оговорками во внешнеторговых контрактах должны были решаться в Стокгольме и не только. Арбитражные разбирательства, как правило, проходили на английском языке. Для участия в таком процессе – и тем более в обсуждении арбитражного решения – нужно было владеть языком достаточно свободно. В России специалистов с опытом международного арбитража и знанием иностранного языка было совсем немного.

Довольно часто меня назначала арбитром

не сторона истца или ответчика, а Арбитражный институт Торговой палаты Стокгольма. Когда иностранный партнер предъявлял иск, ответчик должен был представить отзыв и по крайней мере назначить арбитра со своей стороны. Российские же компании не понимали или не знали, что, как правило, для назначения арбитра есть 30-дневный срок, и пропускали его. А дальше включался механизм назначения арбитра «за того парня», то есть за сторону, которая его не назначила, соответствующим арбитражным центром. В таких случаях стокгольмский институт, чтобы соблюсти паритет, чаще всего назначал российского арбитра, число которых было весьма ограниченно и одним из которых оказывался ваш покорный слуга, поскольку за годы работы в Стокгольме стал известен в шведских юридических кругах как имеющий отношение к международному арбитражу.

Вот так складывалась моя арбитражная карьера, хотя изначально я занимался в целом иностранным торговым правом и не стремился именно в сферу арбитража. А затем практика потребовала определенных усилий и с моей стороны.

Когда вы решили перейти от практики к академической карьере?

Я с самого начала старался как-то соединить науку и практику. Сразу после окончания института поступил в заочную аспирантуру, при этом еще работал в министерстве. Совмещать работу и учебу было непросто, но, когда я был аспирантом, меня начали приглашать вести семинары в МГИМО и Академии внешней торговли. Тогда уже я почувствовал вкус к преподаванию, мне нравилось.

Когда мой срок работы в Стокгольме закончился, я буквально за год стал старшим преподавателем в академии. К этому времени я уже защитил кандидатскую. А позже смог написать докторскую диссертацию, хотя работа в качестве председателя МКАС требовала очень много времени. В 1989 году мне предложили стать заведующим кафедрой международного частного права в ВАВТ. В этом году исполняется 30 лет, как я занимаю эту должность.

Вы были председателем МКАС на протяжении 17 лет. Чем отличается работа МКАС сегодня от того времени, когда вы были его главой?

Я стал руководителем МКАС в очень тяжелый период для страны в целом: шли 1990-е годы. В арбитраж попадали споры, которые раньше вообще отсутствовали. Люди, которые участвовали в арбитражных разбирательствах в МКАС, тоже были новые, ранее не занимавшиеся международным арбитражем. Однако они привносили туда опыт, приобретенный в совершенно других областях юриспруденции и судебной практики, не осложненной иностранным элементом. Преподавания международного арбитража в вузах не было. В этот период на Западе предпринимались попытки подорвать доверие к российскому арбитражу различными путями, начиная с обвинений в коррупции и кончая отказом признать МКАС правопреемником действовавшего в советский период арбитражного суда. Я поставил для себя задачу сохранить МКАС, поскольку в условиях спонтанного реформирования всей экономической системы России он мог кануть в Лету, как и многое другое.

Стало необходимо популяризировать арбитраж в нашей стране. Уходило очень много времени на ликбез. Тогда арбитраж был чем-то совершенно непривычным для большинства российских юристов. Их представление об арбитраже было основано на представлении о государственном судопроизводстве, а не на особой правовой природе арбитража (третейского суда).

Сегодня ситуация изменилась?

Я считаю, что полного понимания отличия государственной судебной системы от арбитража до сих пор нет. Думаю, на это осознание потребуется еще поколение. Подавляющее большинство предпринимателей не принимают коммерческий арбитраж всерьез. А госсуды мало доверяют третейским.

Поэтому у нас не развита и медиация?

Да, в частности, потому, что медиация не государственный способ разрешения споров. И у предпринимателей в результате медиации не будет официального документа, которым они могли бы защититься, как броней. Например, два предпринимателя решили урегулировать проблему мирным путем. Предполагается, что один другому делает уступки, отказывается от требований. Но затем, например, налоговая инспекция может указать, что в результате отказа один из предпринимателей получил необоснованную налоговую выгоду и уклонился от уплаты налогов. И наш государственный суд встанет на сторону инспекции.

Предприниматели и государство еще должны дорасти до осознания того, что медиация необходима, хотя разговоров об этом много. У нас этого понимания нет и по объективным причинам: на сегодняшний день мы находимся лишь в стадии формирования рыночного хозяйства.

Горячая новость – получение лицензии Гонконгским арбитражным центром (HKIAC). Что принесет HKIAC право на администрирование споров с российскими сторонами? Получение такого разрешения больше вопрос статуса или реальная необходимость?

Этот шаг подтверждает авторитет Гонконгского арбитражного центра и, самое главное, его желание расширять свои возможности.

Добавился и новый вариант выбора арбитражного регламента для наших предпринимателей. При согласовании контракта российского и иностранного предприятия, находящихся в одной географической зоне, на Дальнем Востоке, российское предприятие теперь может сказать: хорошо, будем разрешать споры по регламенту HKIAC, но в России. Еще важно, что в данном случае будет применяться российский закон об арбитраже.

Тем не менее принципиальных изменений этот шаг не дает. Если бы после реформы у нас не было такого странного законодательства, можно было бы обойтись без получения лицензий и администрировать споры по иностранному регламенту. Еще несколько лет назад я сам выступал председателем состава арбитров в споре, который по соглашению сторон должен был рассматриваться в Москве, но по правилам Арбитражного института Торговой палаты Стокгольма. Однако нынешний закон о третейском разбирательстве такое запрещает, что лишает российские предприятия возможности перенесения места арбитража в Россию, даже если спор рассматривается по правилам зарубежного арбитражного института.

Продолжение интервью читайте в следующем номере Arbitration.ru.

РОССИЯ КАК МЕСТО АРБИТРАЖА. ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОМИТЕТА МЕЖДУНАРОДНОЙ ТОРГОВОЙ ПАЛАТЫ (ICC RUSSIA)

Владимир Хвалей
Председатель Комиссии по арбитражу ICC Russia

ВВЕДЕНИЕ

В 2011 – 2012 годах Российский Национальный Комитет Международной торговой палаты (далее – «ICC Russia») проводил исследование «Россия как место арбитража»[1]. За время, прошедшее с момента этого исследования, произошло много событий, включая введение санкций со стороны ряда западных стран против некоторых лиц и компаний из России. Кроме того, в 2016 – 2017 годах была проведена арбитражная реформа, одной из целей которой было провозглашено усиление позиций России как возможного места для проведения международных арбитражных разбирательств.

Чтобы оценить изменения в восприятии респондентами России как потенциального места для проведения арбитражных разбирательств, в том числе по результатам проведенной реформы третейского законодательства, ICC Russia решил провести еще одно исследование.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для создания первого проекта вопросника ICC Russia сформировал рабочую группу (далее – «Рабочая группа»)[2]. Разработанный Рабочей группой проект был предложен к обсуждению на открытом заседании Комиссии по арбитражу ICC Russia 27.04.2018. После внесения изменений и дополне-

---

[1] Анализ исследования на русском языке можно найти по ссылке: http://www.iccwbo.ru/komissii/arbitrazhnaya-_komissiya/proekty/ICC_Russia_Survey_Russia_as_a_place_for_arbitration_Conclusions_RUS_corr....pdf (in English - http://www.iccwbo.ru/komissii/arbitrazhnaya-komissiya/proekty/ICC_Russia_Survey_Russia_as_a_place_for_arbitration_Conclusions_ENG_corr....pdf)

[2] Состав рабочей группы:
Владимир Хвалей (Baker McKenzie), руководитель группы; Наталья Гуляева (Hogan Lovells); Андрей Панов (Norton Rose Fulbright); Ирина Варюшина (Baker McKenzie); Доран Доэ (Dentons); Сергей Петрачков (АЛРУД); Анна Грищенкова (АБ КИАП); Сергей Морозов (Beiten Burkhardt); Изабелла Харламова (Baker Botts); Оксана Петерс (Tilling Peters); Ксения Хансеидова (Cleary Gottlieb Steen & Hamilton); Марина Акчурина (Cleary Gottlieb Steen & Hamilton); Артем Дудко (Osborne Clarke); Евгений Самойлов (Debevoise&Plimpton); Ольга Нестерова (Debevoise&Plimpton).

ний, предложенных в ходе данного обсуждения, окончательный вариант анкеты был утвержден Комиссией по арбитражу ICC Russia 31.08.2018 и размещен на сайте SurveyMonkey.com 06.09.2018. ICC Russia хотел бы отдельно поблагодарить Владимира Хвалея (Baker McKenzie), Наталью Гуляеву (Hogan Lovells) и Андрея Панова (Norton Rose Fulbright) за подготовку анализа исследования.

Опрос анонсировался на Russian Law Week и других арбитражных мероприятиях, проходивших в период исследования.

Адресная рассылка специалистам, работающим в области международного арбитража, с предложением принять участие в опросе была осуществлена ICC Russia, РАА и членами Рабочей группы.

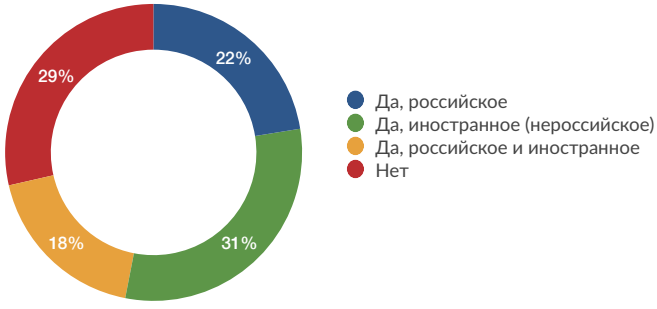
Таким образом, ICC Russia при проведении исследования попытался охватить максимально широкую целевую аудиторию специалистов, которые занимаются вопросами международного арбитража в России.

Ниже представлены итоги этого исследования с комментариями к полученным результатам.

РЕСПОНДЕНТЫ

В опросе приняло участие 168 респондентов, треть из которых (56 человек) заполнила анкету на английском языке. Из пожелавших раскрыть данные о своем образовании 93 (56,02%) имеют российское юридическое образование, 33 (19,88%) – иностранное юридическое образование, 30 (18,07%) – иностранное и российское одновременно и 10 (6,02%) не имеют юридического образования:

У Вас есть юридическое образование?



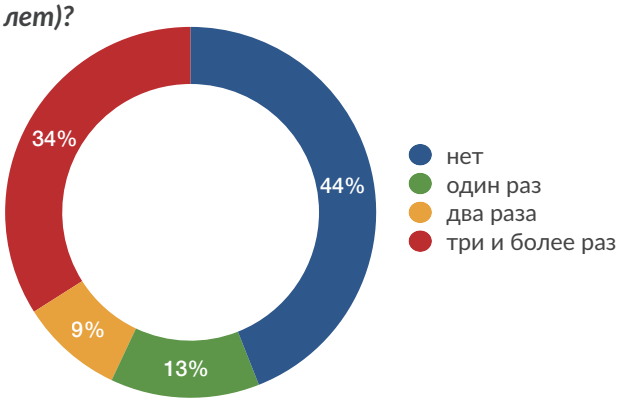
По сравнению с аналогичным исследованием ICC Russia 2012 года (далее – «Исследование 2012 года»), количество участников выросло на 50% (на 56 человек) по сравнению с 112 респондентами в 2012 году.

Сферы профессиональной деятельности респондентов разнообразны. Большинство респондентов работает в российских офисах иностранных / международных юридических фирм (20,61%) и российских юридических фирмах (18,18%). Чуть менее 15% респондентов являются сотрудниками российских компаний (13,94%) и нероссийских офисов иностранных/ международных юридических фирм (12,73%). Менее 10% участников работают в иностранных (нероссийских) компаниях (9,7%); ВУЗах и научных организациях (7,27%) и арбитражных учреждениях (7,27%):

Ваше место работы?

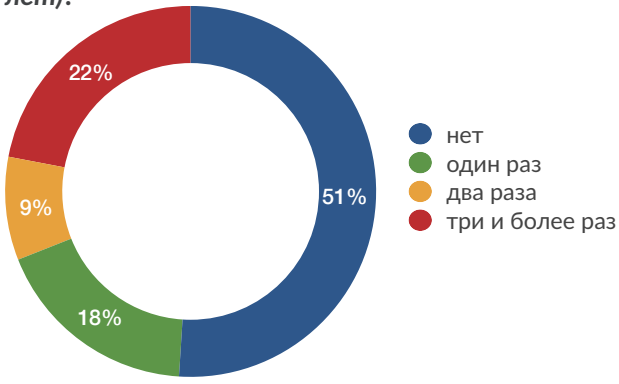
Чуть менее 56% респондентов как минимум один раз за последние пять лет принимали участие в международном арбитражном разбирательстве с местом арбитража в России, при этом почти 34% респондентов принимали участие в таких разбирательствах три и более раза:

Участвовали ли Вы в международных арбитражных разбирательствах с местом арбитража в России (за последние 5 лет)?



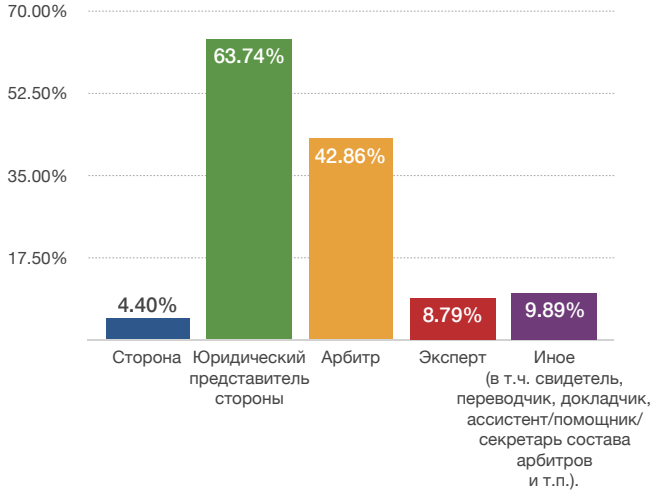
Среди респондентов, ответивших на опрос на английском языке доля тех, кто принимал участие в арбитражных разбирательствах с местом арбитража в России составила 49%, при этом почти 22% таких респондентов принимали участие в трех и более подобных разбирательствах:

Участвовали ли Вы в международных арбитражных разбирательствах с местом арбитража в России (за последние 5 лет)?



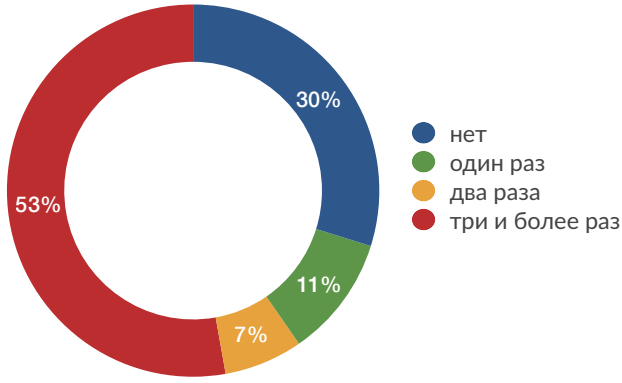
Большинство респондентов участвовало в арбитражных разбирательства в России в качестве представителя стороны по делу (63,74%) или арбитра (42,86%). Остальные респонденты участвовали в международных арбитражных разбирательствах в ином качестве: как эксперт, свидетель либо сторона по делу:

В каком качестве Вы участвовали в международных арбитражных разбирательствах с местом арбитража в России?



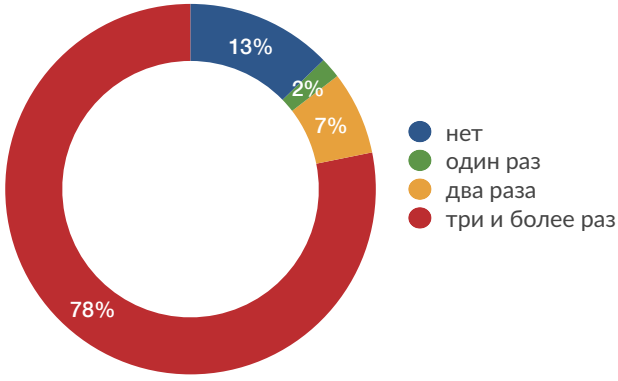
Подавляющее большинство опрошенных (чуть более 70%) участвовало в течение последних пяти лет не менее одного раза в международных арбитражных разбирательствах за пределами Российской Федерации, при этом 52,8% опрошенных принимали участие в таких разбирательствах 3 и более раза за последние 5 лет:

Участвовали ли Вы в международных арбитражных разбирательствах с местом арбитража за пределами России?



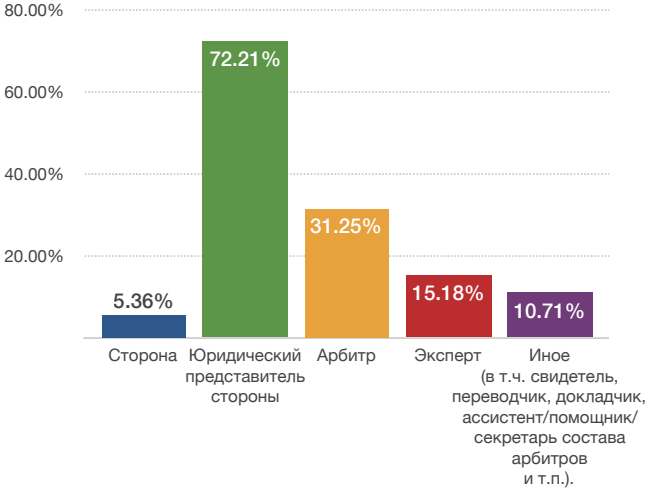
Если смотреть на респондентов, заполнивших анкеты на английском языке, 87% таковых принимали участие в арбитражных разбирательствах за пределами России за последние 5 лет, причем более 78% таких респондентов – 3 и более раза:

Участвовали ли Вы в международных арбитражных разбирательствах с местом арбитража за пределами России?



В данном случае также большинство респондентов участвовало в таких арбитражных разбирательствах как представитель стороны (73,21%) или арбитр (31,25%):

В каком качестве Вы участвовали в международных арбитражных разбирательствах с местом арбитража за пределами России?



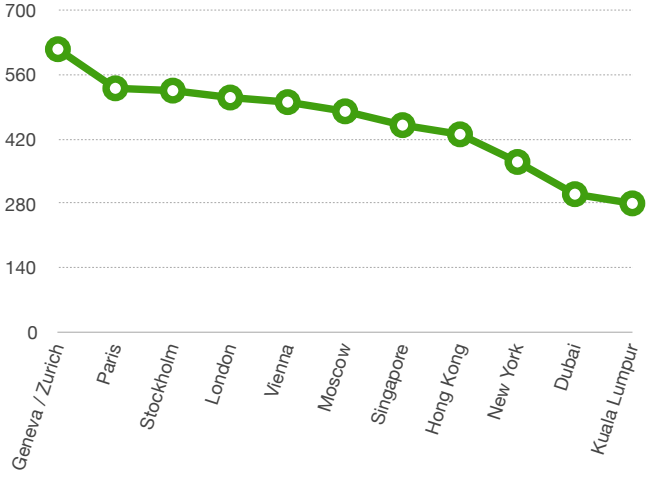
На основании этого можно заключить, что результаты опроса основаны в значительной степени на ответах специалистов со значительным опытом арбитражных разбирательств как в России, так и за рубежом. Это, в свою очередь, свидетельствует о репрезентативности ответов респондентов, которые имеют хорошее представление о практиках международного арбитража в России и за границей.

ВЫБОР МЕСТА АРБИТРАЖА

Респондентам было предложено расставить по пятибалльной шкале в порядке убывающей привлекательности ряд потенциальных мест проведения арбитража. Респондентам были представлены следующие варианты ответов: Вена, Гонконг, Дубай, Женева/Цюрих, Куала-Лумпур, Лондон, Москва, Нью-Йорк, Париж, Сингапур, Стокгольм. Респонденты могли указать и иные города. При подведении итогов сумма баллов, полученных каждым городом, суммировалась.

Пятерку наиболее популярных среди возможных мест арбитража у всех респондентов составили (в порядке убывания) Женева/Цюрих, Париж, Стокгольм, Лондон и Вена. Москва оказалась на 6 месте, опередив Сингапур, Гонконг и Нью-Йорк. Список замыкают Дубай и Куала-Лумпур. В сравнении с Исследованием 2012 года Москва опустилась на одну позицию:

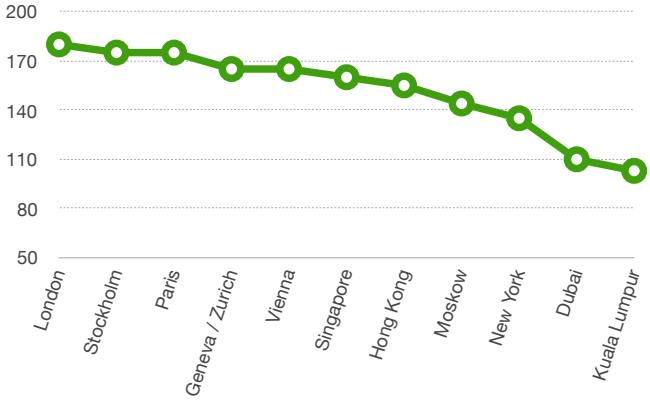
Ваши предпочтения в выборе города в случае согласования места арбитража



В то же самое время у англоязычных респондентов пятерка наиболее популярных мест для проведения арбитража выглядит немного иначе: Лондон, Стокгольм, Париж, Женева/Цюрих, Вена. Москва заняла лишь 8

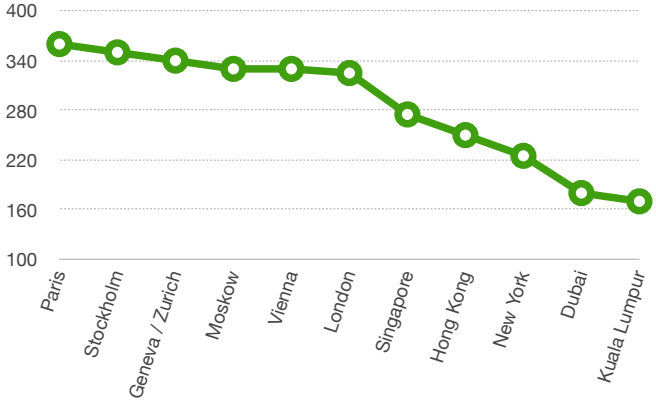
место, уступив Сингапуру, Гонконгу, но обогнав Нью-Йорк. В Исследовании 2012 года Москва заняла седьмое место:

Предпочтения в выборе города в случае согласования места арбитража среди англоязычных респондентов



Среди русскоязычных участников опроса пятерка наиболее популярных мест для проведения арбитража сложилась также иначе: Париж, Стокгольм, Женева/Цюрих, Москва и Вена. Лондон не вошел в пятерку, незначительно уступив Вене. По сравнению с результатами Исследования 2012 года Москва среди русскоязычных респондентов сохранила четвертое место.

Предпочтения в выборе города в случае согласования места арбитража среди русскоязычных респондентов



Таким образом, распределение голосов респондентов являлось ожидаемым и отражает сложившуюся картину традиционных и наиболее развитых международных арбитражных центров в Европе. В тоже время, очевидно, что русскоязычные участники более склонны выбирать Москву в качестве места для проведения арбитражного разбирательства, чем англоязычные респонденты, хотя по-прежнему Москва не является лидером. Кроме того, при сопоставлении результатов настоящего исследования и Исследования 2012 года наблюдается охлаждение иностранных респондентов к Москве как к месту для проведения арбитражного разбирательства.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РОССИИ О МЕЖДУНАРОДНОМ АРБИТРАЖЕ

Подавляющее большинство респондентов (более 96%) указали, что они в той или иной степени знакомы с российским законодательством о международном арбитраже (с учетом изменений по результатам арбитражной реформы), при этом 73% опрошенных заявили, что знакомы с ним в полной мере:

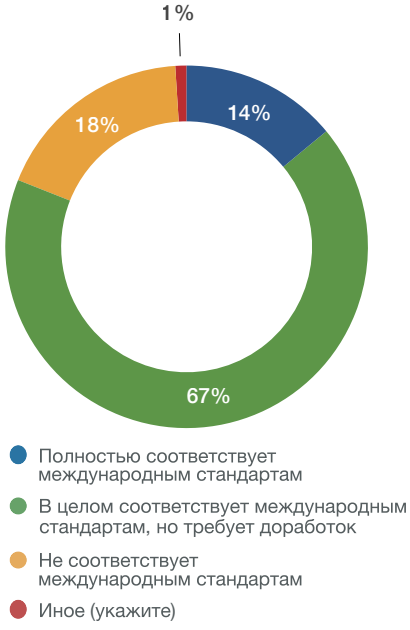
Вы знакомы с законодательством Российской Федерации о международном арбитраже

Среди респондентов, ответивших на английском языке 92% указали, что знакомы с российским арбитражным законодательством, при этом почти 57% указали, что знакомы с ним в полной мере:

Вы знакомы с законодательством Российской Федерации о международном арбитраже?

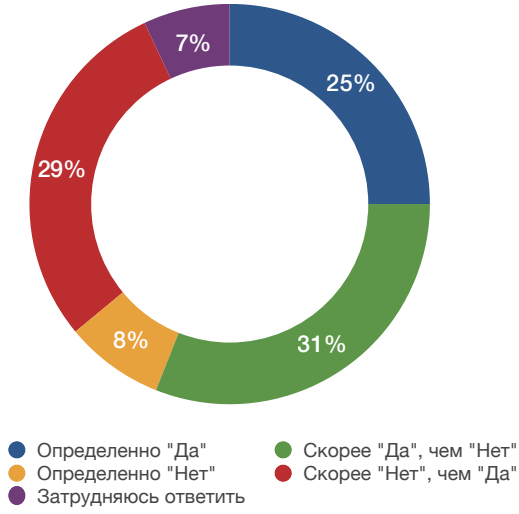
Российское законодательство, регулирующее вопросы международного арбитража, получило достаточно высокую оценку: 13,48% респондентов считают, что оно полностью соответствует международным стандартам, в то время как 67,38% указали, что оно в целом соответствует международным стандартам, но требует доработок:

Законодательство Российской Федерации о международном арбитраже (с учетом изменений, внесенных в 2016 году)



При этом опрос также показал, что российское арбитражное законодательство влияет на выбор России как места арбитража. Больше 55% респондентов указали, что оно определенно влияет на их выбор или скорее влияет, чем нет (24,48% и 30,77% соответственно), в то время как только для 8,39% респондентов оно определенно не влияло на выбор России как места арбитража:

Законодательство Российской Федерации о международном арбитраже (с учетом изменений, внесенных в 2016 году)



Таким образом, российское законодательство о международном арбитраже было достаточно высоко оценено, что, в целом, должно служить положительным фактором для выбора России как места арбитража.

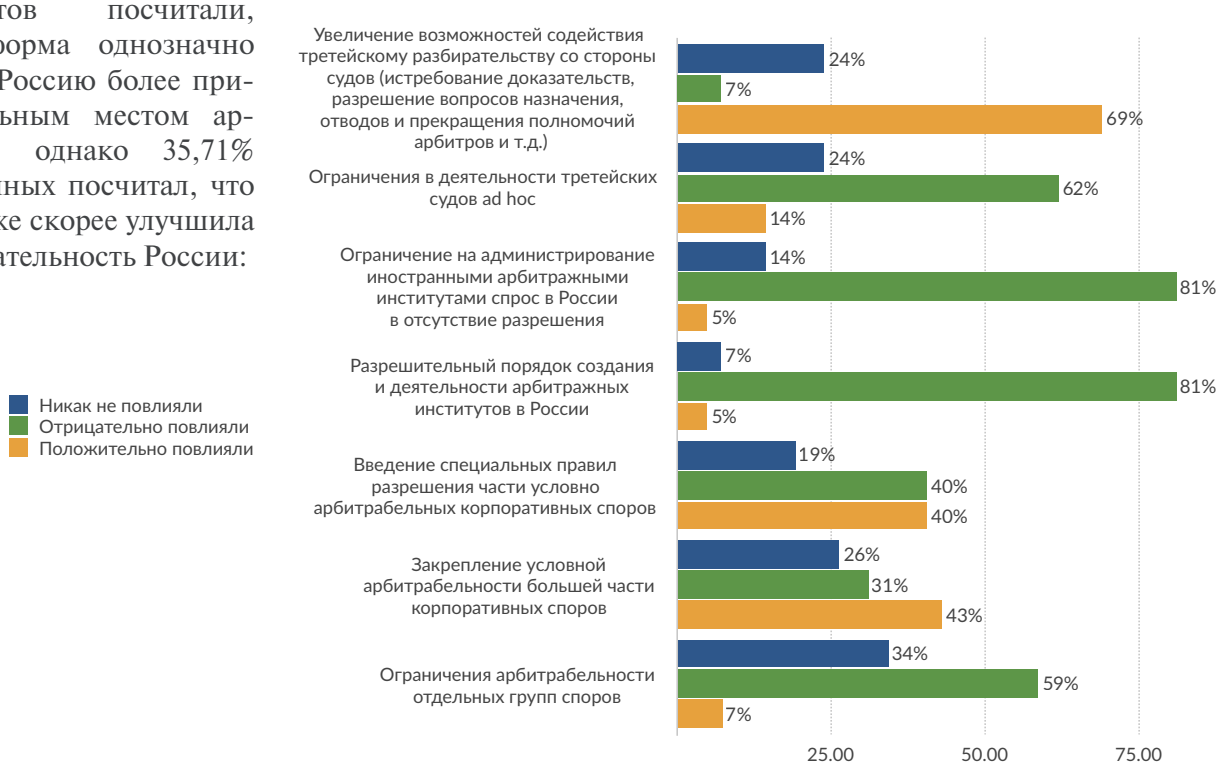
АРБИТРАЖНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ

Респондентам было предложено оценить, как повлияла прошедшая в Российской Федерации арбитражная реформа на привлекательность России как места арбитража.

Результаты опроса показали смешанное отношение респондентов к данному вопросу. Почти 55% респондентов отметили, что реформа скорее не сделала Россию более привлекательным местом арбитража (18,57% заявили, что «определенно нет», в то время как 35,71% выбра-

ли ответ «скорее нет, чем да»). Только 9,29% респондентов посчитали, что реформа однозначно сделала Россию более привлекательным местом арбитража, однако 35,71% опрошенных посчитал, что она все же скорее улучшила привлекательность России:

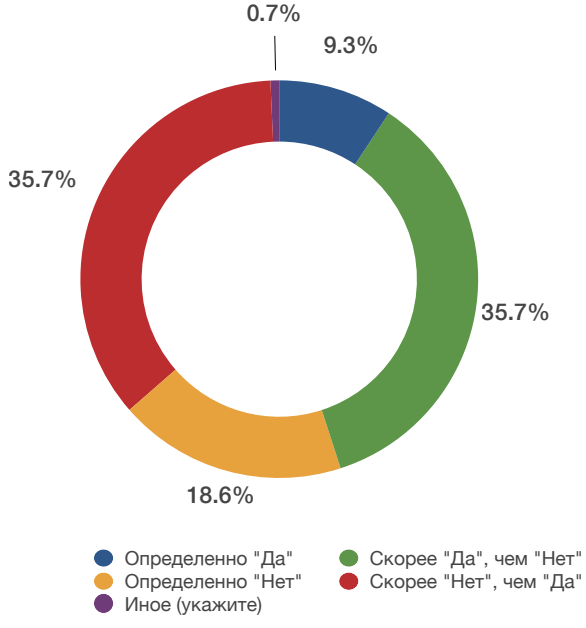
Считаете ли Вы, что следующие изменения российской арбитражной реформы оказали влияние на выбор России как места арбитража



Фактором, позитивно повлиявшим на положение России как места арбитража по результатам арбитражной реформы, является увеличение возможностей содействия третейскому разбирательству со стороны судов (истребование доказательств, разрешение вопросов назначения, отводов и прекращения полномочий арбитров и т.д.) – за этот фактор отдали голоса 69,05% респондентов. В качестве другого позитивного фактора более 40,48% респондентов также отметило закрепление условной арбитрабельности большей части корпоративных споров.

В качестве негативных факторов, делающих Россию менее привлекательной в качестве места арбитража, респонденты отметили ограничения на администрирование иностранными арбитражными институтами споров в России (80,95%), ограничение арбитрабельности отдельных групп споров (58,54%) и разрешительный порядок создания и деятельности арбитражных институтов в России (54,76%):

Считаете ли Вы, что арбитражная реформа сделала Россию более привлекательным местом арбитража?

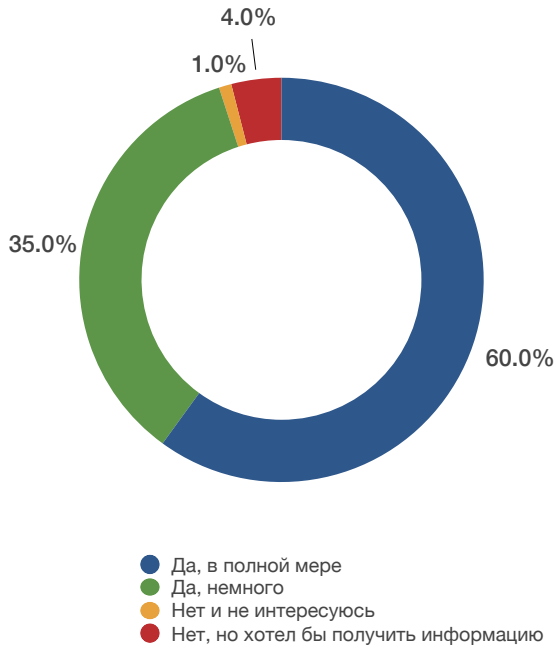


ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СУДОВ РОССИИ ПО ВОПРОСАМ МЕЖДУНАРОДНОГО АРБИТРАЖА

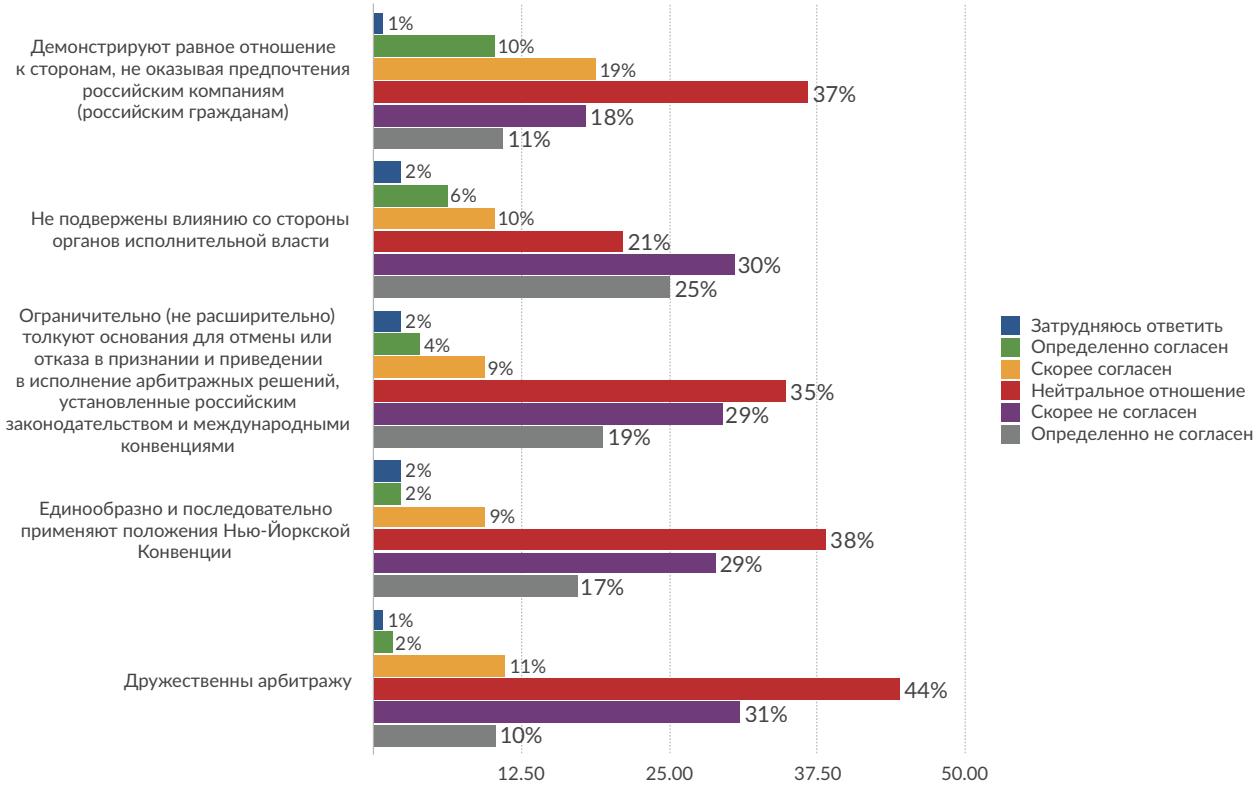
Подавляющее большинство респондентов (более 94%) оказалось знакомо с практикой российских государственных судов по вопросам международного арбитража.

Респондентам, кроме того, было предложено ответить на ряд вопросов, касающихся отношения российских государственных судов к международным арбитражным разбирательствам. Респондентам было предложено оценить по 5 бальной шкале (где 5 – «определенно согласен», а 1 – «определенно не согласен») утверждения, оценивающие российские государственные суды, рассматривающие дела по вопросам международного арбитража. Ответы распределились следующим образом:

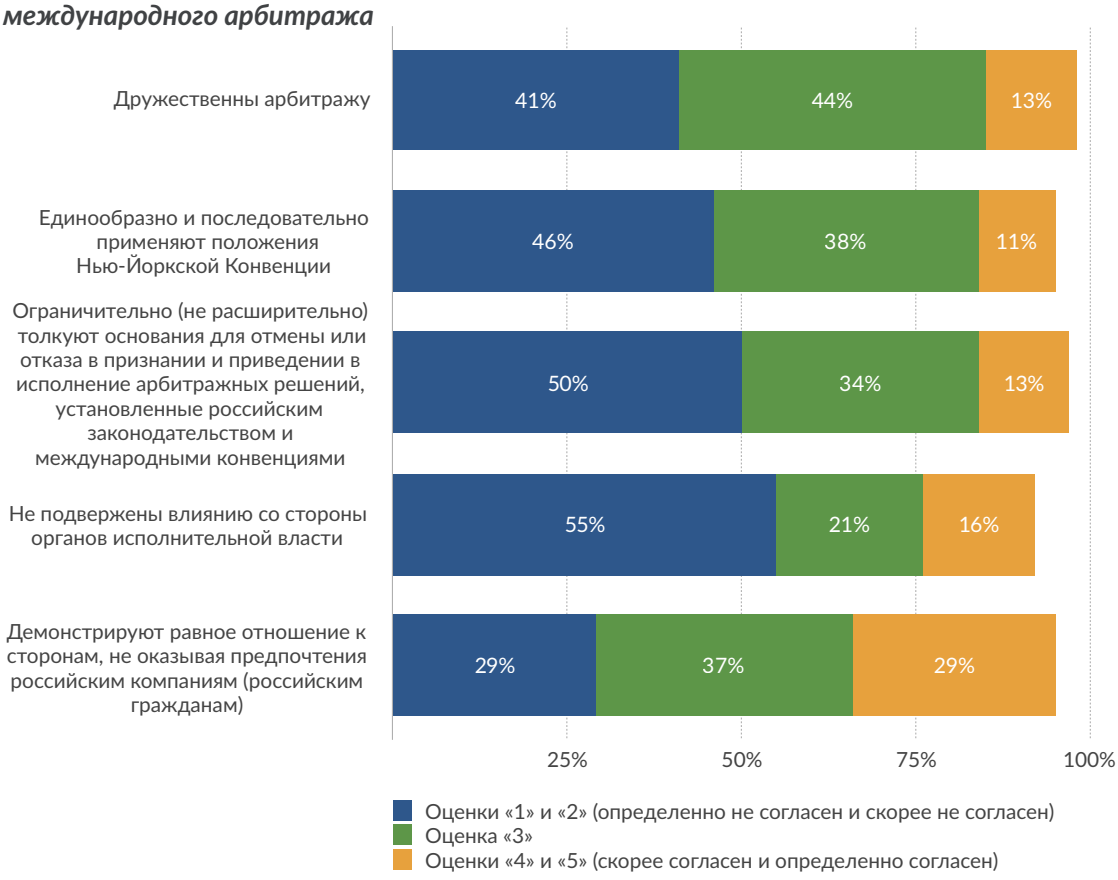
Вы знакомы с практикой российских государственных судов по вопросам международного арбитража?



Российские государственные суды, рассматривающие дела, связанные с вопросами международного арбитража



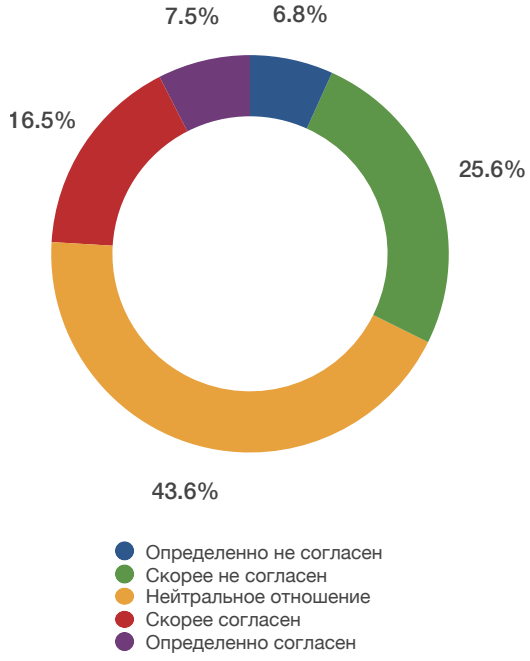
Российские государственные суды, рассматривающие дела по вопросам международного арбитража



Таким образом, значительная часть респондентов критически относится к деятельности российских государственных судов. При этом большинство респондентов не согласны с тем, что суды не подвержены влиянию со стороны органов исполнительной власти и считают, что российские суды расширительно толкуют основания для отмены или отказа в приведении в исполнение арбитражных решений, а также не единообразно и непоследовательно применяют положения Нью-Йоркской Конвенции.

Кроме того, 41% опрошенных не согласны с тем, что российские суды дружественны арбитражу. Что касается России как юрисдикции в целом, то 33% не согласны, что она является дружественной (при этом 44% респондентов считают, что Россия является нейтральной по отношению арбитражу, а 23% - что она является скорее дружественной).

Российские государственные суды, рассматривающие дела по вопросам международного арбитража:



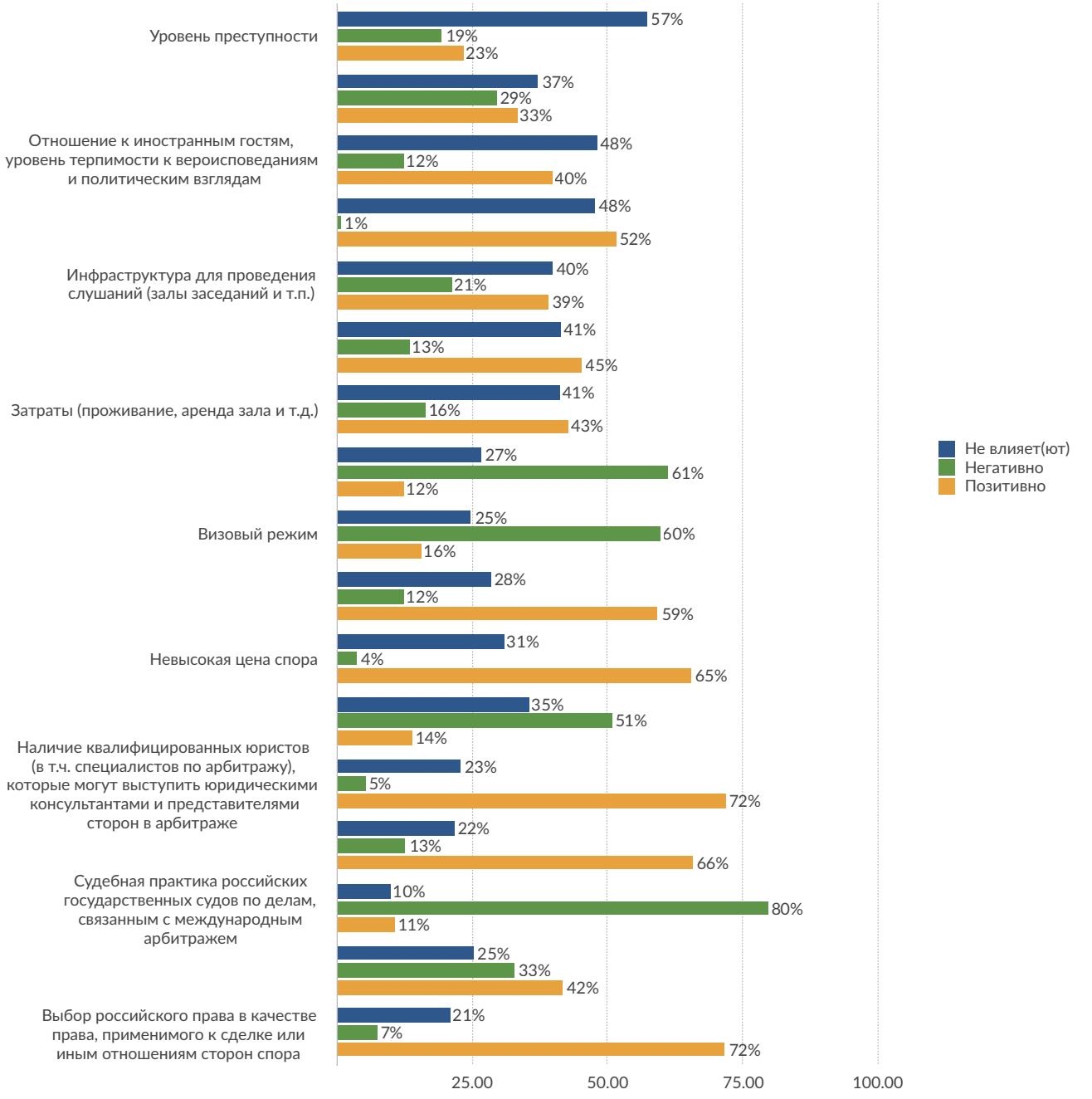
ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ВЫБОР РОССИИ КАК МЕСТА АРБИТРАЖА

Респондентам предложили указать, какие факторы, на их взгляд, позитивно/негативно/нейтрально влияют на привлекательность России в качестве места арбитража.

По оценкам респондентов выбору России в качестве места арбитража способствуют следующие факторы: (в порядке убывания):

- Наличие квалифицированных юристов (в том числе специалистов по арбитражу), которые могут выступить юридическими консультантами и представителями сторон в арбитраже;

Как следующие факторы влияют на Ваш выбор России в качестве места арбитража?



- Выбор российского права в качестве права, применимого к сделке или иным отношениям сторон спора;
- Наличие квалифицированных юристов (в том числе специалистов по арбитражу), которые могут быть выбраны/назначены в качестве арбитров;
- Невысокая цена спора;
- Налаженность транспортного сообщения.

При этом следующие факторы играют против выбора России как места арбитража (в порядке убывания):

- Судебная практика российских государственных судов по делам, связанным с международным арбитражем;
- Санкции и иные ограничительные меры;
- Визовый режим;
- Высокая цена спора;
- Российское законодательство об арбитраже.

При этом не влияют на выбор России в качестве места арбитража следующие факторы (в порядке убывания):

- Уровень преступности;
- Отношение к иностранным гостям, уровень терпимости к вероисповеданиям и политическим взглядам;
- Культурные достопримечательности;
- Инфраструктура;
- Политическая стабильность.

ВЫБОР РОССИЙСКОГО АРБИТРА

Респондентам предложили указать, при каких условиях они согласятся назначить в споре, тесно связанном с Россией, арбитра из России. В качестве наиболее вероятных ситуаций респонденты указали следующие (в порядке убывания):

- Язык разбирательства – русский язык;
- Применимым правом при рассмотрении спора является российское право;
- Разбирательство ведется по регламенту российского арбитражного института;
- Во всех случаях, когда спор тесно связан с Россией.

Респонденты также перечислили следующие случаи, в которых они не склонны назначать арбитра из России (в порядке убывания):

- Российское право не является применимым к рассматриваемому спору;
- Разбирательство ведётся по регламенту иностранного арбитражного учреждения;
- Языком разбирательства является не русский язык.

ВЫВОДЫ

1. Среди наиболее привлекательных мест арбитража Москва заняла 6-е место из 11 предложенных, опередив при этом и Сингапур, и Гонконг. Лидерство продолжают удерживать традиционные центры международного арбитража, расположенные в Европе (Лондон, Стокгольм, Париж, Женева/Цюрих, Вена). В сравнении с Исследованием 2012 года Москва опустилась на одну позицию.

2. Большинство респондентов в целом позитивно относится к российскому законодательству о международном арбитраже с учетом последних законодательных новелл. Однако отмечается, что есть аспекты для совершенствования национального нормативного регулирования и приведения его в соответствие с международными стандартами.

3. Большинство респондентов не имеют явно выраженного негативного или позитивного отношения к России как месту для арбитража, склоняясь к средним оценкам.

4. Респонденты также показали смешанное отношение к результатам арбитражной реформы в России. Позитивными следствиями реформы стали: увеличение возможностей содействия третейскому разбирательству со стороны судов

(истребование доказательств, разрешение вопросов назначения, отводов и прекращения полномочий арбитров и т.д.) и закрепление условной арбитрабельности большей части корпоративных споров. С другой стороны, респонденты отметили, что наиболее негативными факторами, делающими Россию менее привлекательной в качестве места арбитража, являются ограничения на администрирование иностранными арбитражными институтами споров в России, ограничение арбитрабельности отдельных категорий споров, разрешительный порядок создания и деятельности арбитражных институтов в России.

5. Обеспокоенность у респондентов вызывает практика российских государственных судов по вопросам международного арбитража. Однако в настоящее время большинство (44%) респондентов считают, что российские государственные суды, скорее всего, относятся к международному арбитражу нейтрально, хотя 41% респондентов не согласен или скорее не согласен с утверждением, что российские суды являются дружественными арбитражу.

6. При этом большинство респондентов не согласны с тем, что суды не подвержены влиянию со стороны органов исполнительной власти и считают, что российские суды расширительно толкуют основания для отмены или отказа в приведении в исполнение арбитражных решений, а также неединообразно и непоследовательно применяют положения Нью-Йоркской Конвенции.

7. Несмотря на это, 44% респондентов считают, что Россия как юрисдикция является скорее нейтральной по отношению арбитражу, а 23% - что она является скорее дружественной; а 33% не согласны или скорее не согласны с такой оценкой.

8.Основными факторами, положительно влияющими на выбор респондентами России как места арбитража, оказались: наличие квалифицированных юристов (в том числе специалистов по арбитражу), которые могут выступить юридическими консультантами и представителями сторон в арбитраже; невысокая цена спора; выбор российского права в качестве права, применимого к сделке или иным отношениям сторон спора; наличие квалифицированных юристов (в том числе специалистов по арбитражу), которые могут быть выбраны/назначены в качестве арбитров; налаженность транспортного сообщения.

9. Основными факторами, негативно влияющими на выбор России как места арбитража, указаны: судебная практика российских государственных судов по делам, связанным с международным арбитражем; санкции и иные ограничительные меры; визовый режим; высокая цена спора; российское законодательство об арбитраже.

10. Респонденты указали, что согласятся на арбитра из России в следующих ситуациях: язык разбирательства – русский; применимым правом при рассмотрении спора является российское право; разбирательство ведется по регламенту российского арбитражного института; во всех случаях, когда спор тесно связан с Россией.

11. Также респонденты указали ситуации, при которых они вряд ли согласятся с назначением российского арбитра: российское право не является применимым к рассматриваемому спору; разбирательство ведется по регламенту иностранного арбитражного учреждения и языком разбирательства является не русский язык.

ОЙСЯ, ТЫ ОЙСЯ, ТЫ МЕНЯ НЕ БОЙСЯ

Рассуждения о будущем российского арбитража

Владимир Хвалей
Председатель Комиссии по арбитражу ICC Russia

Исследование ICC Russia: одна хорошая новость и две плохие

В апреле 2019 года Российский национальный комитет Международной торговой палаты (ICC Russia) обнародовал исследование «Россия как место арбитража»[1], которое также публикуется в настоящем издании. Если его внимательно изучить, можно найти достаточно много информации для анализа, особенно в сравнении с исследованием, которое было проведено ICC Russia в дореформенном 2011 году[2]. Но главное, в этом исследовании есть три важные новости: одна хорошая и две плохие.

Хорошая новость: среди русскоязычных участников опроса Москва сохранила 4-е место в рейтинге наиболее популярных мест арбитража (уступив Парижу, Стокгольму и Женеве/Цюриху).

Первая плохая новость: среди русскоязычных участников опроса Москва так и осталась на 4-м месте в рейтинге наиболее популярных мест арбитража.

Вторая плохая новость: среди англоязычных участников опроса российская столица опустилась с 7-го на 8-е место.

Немного истории

Собственно, тот факт, что даже среди отечественных респондентов Россия не является любимым местом арбитража, не должен казаться странным. У нас государство никогда не любило арбитраж. К третейскому разбирательству, равно как и к принципу свободы договора, всегда относились с подозрением. Любимая поговорка чиновников «Вы же знаете наших людей: им только разреши – такое начнется!..» появилась не на пустом месте.

Во времена СССР третейское разбирательство формально было разрешено (известное приложение № 1 к ГПК РСФСР – «Положение о третейском суде»), однако на практике третейского суда не существовало. Иезуитское требование вознаграждения для арбитров делало их работу малопривлекательной. Это все равно что разрешить предпринимательство,

[1] http://www.iccwbo.ru/komissii/arbitrazhnaya-komissiya/proekty/rossiya-kak-mesto-arbitrazha-issledovanie-rossiyskogo-natsionalnogo-komiteta-icc-icc-russia-2019-god/.
[2] http://www.iccwbo.ru/commissions/arbitrazhnaya-komissiya/proekty/rezultaty-oprosa-arbitrazhnoy-komissii-za-2011-god/.

но при условии, что предприниматель не должен получать прибыль[3].

Ситуация изменилась в начале 1990-х годов. На арену вышли и карманные третейские суды, застенчиво именовавшие себя «корпоративными», и всякого рода жулики, и просто полукриминальные элементы.

Кстати, жульничество и воровство не являются составной частью особенной русской души. Данные пороки свойственны всем людям и известны с давних времен. Вот как описывается состояние третейского разбирательства во Франции во второй половине XVIII века, когда Декларация прав человека прямо указала, что «право граждан окончательно разрешать свои споры посредством третейского суда не должно подвергаться никакому посягательству со стороны законодательной власти»:

«Судиться даром являлось приманкой; между судьею и стороной происходила торговля; количество споров росло бесконечно; в дело вмешались грязные люди. Крючкотворство и козни ничем более не обуздывались; страсть судиться овладела гражданами, и во всех уголках Франции происходила юридическая борьба. Не было деревни, не было семьи, для которой не функционировал бы свой суд, свои адвокаты, свои стороны. Заседания происходили обыкновенно в cafe или корчмах. Здесь заключали договоры судья, истец и ответчик, приговоры этих судов влекли за собою глубочайшую ненависть, злобу, вражду и ужасную месть»[4].

Похоже на Россию до арбитражной реформы, не правда ли? Применительно к российским реалиям можно сказать «не было компании, для которой не функционировал бы свой суд». А вот это – «судиться даром являлось приманкой; между судьею и стороной происходила торговля; количество споров росло бесконечно; в дело вмешались грязные люди» – ничего не напоминает?

Франция не была единственной страной, в которой наблюдались массовые злоупотребления в сфере третейского разбирательства. Вот что пишет про Англию конца XIX века известный российский ученый А. Ф. Волков:

«Установленный порядок производства третейского разбирательства по товарным сделкам поставлен весьма неудовлетворительно. Избранные сторонами третейские судьи выступают не в качестве беспристрастных судей, а являются ходатаями своих сторон и стараются добиться возможно благоприятного для них результата,

---

[3] Тут, конечно, автор рискует навлечь на себя огонь критики из-за того, что благородная деятельность арбитров не является предпринимательской, и потому аналогия неуместна. В целом это достаточно странная дискуссия, поскольку принципиальной разницы между выступлением в роли представителя стороны за вознаграждение и выступлением в роли арбитра (также за вознаграждение) нет. Более того, существуют примеры известных арбитражных бутиков – например, таких как Hanotiau van den Berg (http://www.hvdb.com/), и даже крупных юридических фирм, таких как Lalive (https://www.lalive.law/), основной бизнес которых составляет именно работа их партнеров в качестве арбитров и в которых никто даже не сомневается, что это такой же юридический бизнес, как и консалтинг. Впрочем, принимая во внимание незначительные гонорары, которые традиционно выплачивают арбитрам в российских арбитражных институтах, апологеты теории о том, что работа арбитров не является предпринимательством, по сути правы.

[4] Волков А. Ф. Торговые третейские суды // Третейский суд. – 2000. – № 4, http://www.arbitrage.spb.ru/jts/2000/4/art04.html.

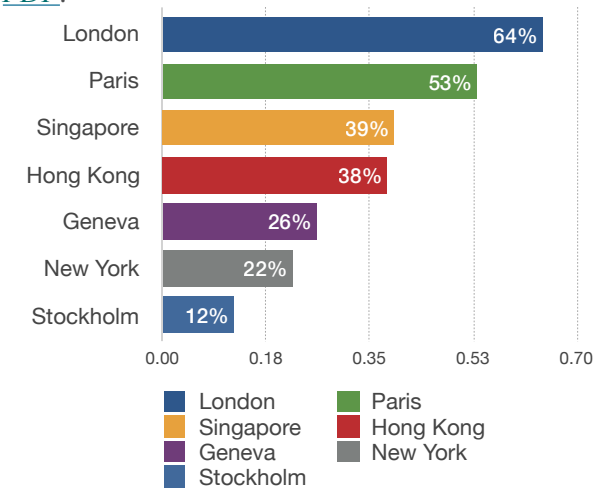
за что получают известное вознаграждение. Но даже если между третейскими судьями такое соглашение не состоялось и стороны были вынуждены привлечь суперарбитра, что всегда связано с более или менее значительной потерей времени и расходами, то и в таком случае никак нельзя наверняка рассчитывать на действительно беспристрастное решение. Раздаются всеобщие жалобы на то, что в Лондоне некоторые лица, именно мелкие маклера, обратили в особый промысел арбитражное дело по торговле плывущими хлебными грузами, в особенности из черноморских портов и с индийскими товарами. Эти профессиональные третейские судьи состоят в известной зависимости от крупных торговых фирм, которые и доставляют им большую часть дел; отсюда жалобы, что в Лондоне вообще невозможен арбитраж против известных торговых домов. Апелляция в Committee of Appeal [специальный комитет, созданный при London Corn Trade Association как апелляционная инстанция в третейском разбирательстве] не может служить достаточной защитой против этого, потому что вследствие больших расходов к ней не могут обращаться мелкие и средние фирмы, а также и значительная часть иностранных экспортеров, как не имеющих своих представителей в Лондоне»[5].

В США, где государство традиционно не вмешивалось в частные отношения, злоупотребления в арбитраже были еще более распространены. Неудивительно, что вплоть до 1925 года, когда в США был принят федеральный закон «Об арбитраже», арбитражные соглашения рассматривались как противоречащие публичному порядку, поскольку они предлагали лишить государственные суды их законной юрисдикции и передать разрешение споров в *«ненадежные, а иногда даже и коррумпированные частные руки»*[6].

Из ада – в рай

Что же произошло за последние сто лет? Как получилось, что Франция, Англия и США из стран с процветающей коррупцией в сфере третейского разбирательства превратились в привлекательные места для международного арбитража?

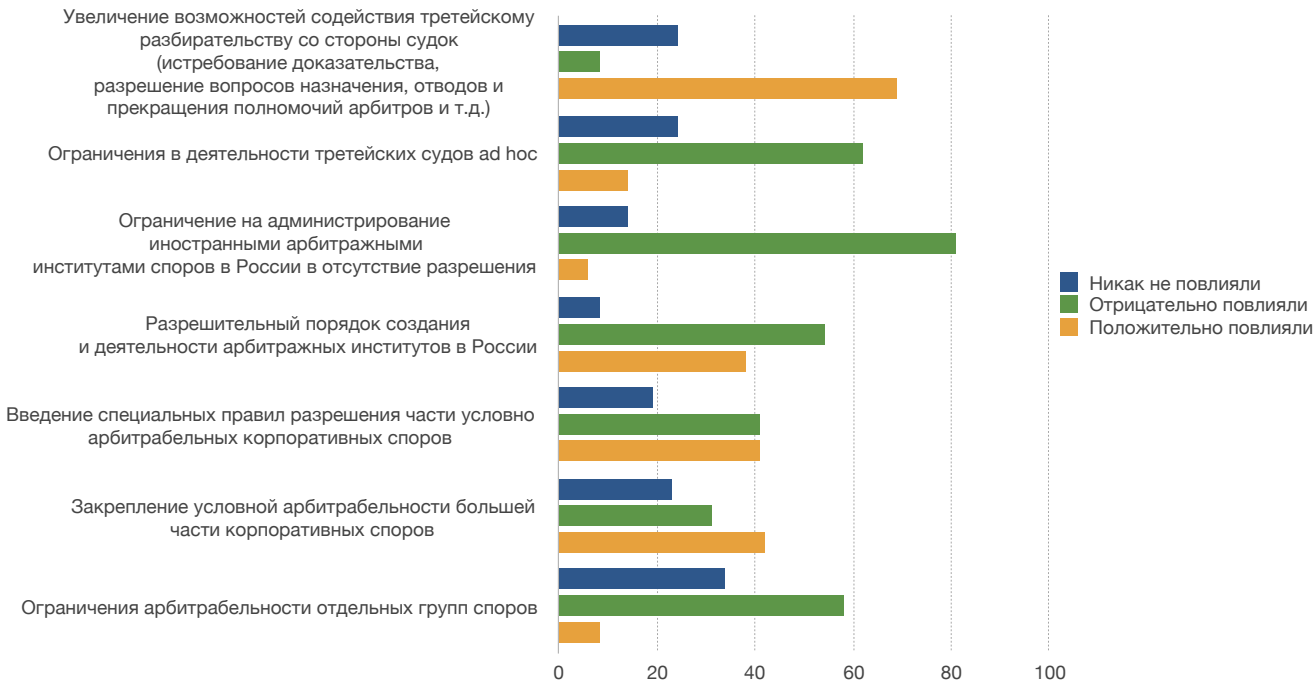
Исследование Лондонского университета королевы Марии (QMUL) «Эволюция международного арбитража» (2018 год) можно прочитать по ссылке http://www.arbitration.qmul.ac.uk/media/arbitration/docs/2018-International-Arbitration-Survey---The-Evolution-of-International-Arbitration.PDF.



Прежде всего следует сказать, чего *не* делали эти страны для борьбы со злоупотреблениями в сфере третейского разбирательства. Они *не* вводили разрешительную систему создания третейских судов. Они *не* описывали требования к арбитрам и обязательным спискам арбитров. Они *не* ограничивали деятельность иностранных арбитражных институтов. И наконец, они *не* устанавливали специальные требования для арбитрабельности корпоративных споров.

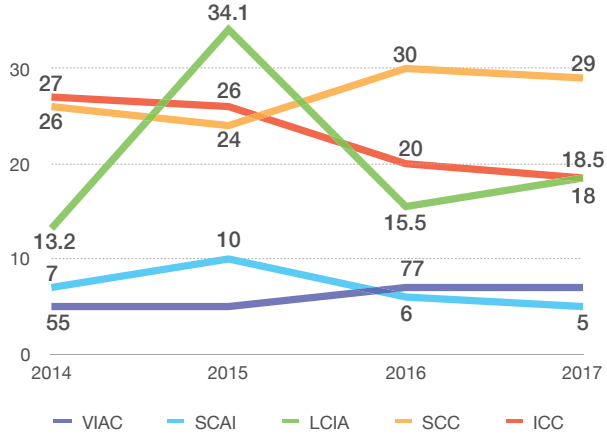
Как показал опрос ICC Russia, респонденты негативно отреагировали на введение административного регулирования деятельности арбитражных институтов, в том числе иностранных, а также на ограничения в деятельности арбитражей ad hoc, которые по сути близки к полному запрету.

[5] *Волков А. Ф. Торговые третейские суды // Третейский суд. – 2001. – № 1. – С. 62–63.*
[6] *Joelson, Mark R. The Interplay of International, Federal and State Law in US Arbitration, Journal of International Arbitration (Kluwer Law International, 2007, Volume 24, Issue 4), p. 379.*



Данные меры оказались не только непопулярными, но и неэффективными. Одной из декларируемых целей арбитражной реформы было возвращение российских споров в Россию из иностранных арбитражных институтов. Предполагалось, что введение ограничений на передачу споров (например, корпоративных) иностранным институтам вкупе с предоставлением разрешения на администрирование этих споров российским институтам позволит вернуть такие споры в страну.

Однако этого не произошло. Как показывает статистика ICC, LCIA и SCC, иностранные институты не заметили снижения числа российских дел в последние годы[7]. Российские арбитражные институты, имевшие в силу закона либо получившие лицензию (право на осуществление функций постоянно действующего арбитражного учреждения – ПДАУ), также не расширили портфель международных споров[8]. Некоторое статистическое увеличение количества дел МКАС при ТПП РФ объясняется тем, что к международным спорам прибавились внутренние (ранее их администрировал Третейский суд для разрешения экономических споров при ТПП РФ). Точно так же увеличение дел в Арбитражном центре при РСПП скорее вызвано присоединением к нему третейских судов, не получивших лицензии. Подавляющее большинство дел РАЦ – «атомные» споры не получившего разрешения третейского суда при корпорации «Росатом», который, впрочем, вошел в состав учредителей Российского института современного арбитража.



[7] *Лысов С., Покрышкин Н. Общая характеристика арбитражных разбирательств с участием российских лиц в международном коммерческом арбитраже // Legal Insight. – 2019. – № 1 (77). – С. 9.*

[8] *Панов А. Российские арбитражные учреждения: особенности и практика, Legal Insight, № 01 (77) | 2019, стр. 17.*

Тот факт, что ни МКАС, ни РАЦ, которые разработали специальные регламенты для разрешения корпоративных споров, не получили ни одного дела, говорит сам за себя. Идея сделать корпоративные споры условно арбитрабельными по принципу «всем нельзя – можно только нам и по специальным правилам» потерпела фиаско. Неслучайно изменения в законодательство об арбитраже, вступившие в силу в марте 2019 года, сняли ограничения с наиболее распространенных корпоративных споров – «внешних», возникающих из договоров акционеров. Ограничения сохранились в отношении «внутренних» корпоративных споров. Однако могу предположить, что количество дел по таким спорам в ближайшие 10 лет будет измеряться единицами (что, собственно, случилось и в DIS после принятия его корпоративного регламента, который был взят за основу для поправок по корпоративным спорам в России).

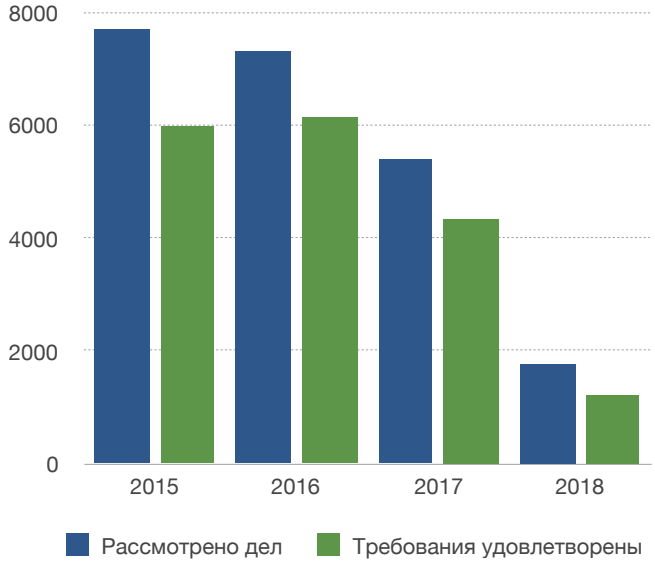
Точно так же настораживает отсутствие статистики действующих ПДАУ по региональным арбитражам, ведь ни один региональный третейский суд не получил лицензии. Действующие ПДАУ пытаются создавать региональную сеть филиалов, и вроде бы такая сеть уже существует, но информации по рассматриваемым делам нет.

Арбитражная реформа, безусловно, имела свой позитивный эффект. Так, «выжгли напалмом» все корпоративные третейские суды и всякого рода сомнительные организации, штамповавшие третейские решения. Неудивительно, что количество дел в третейских судах упало в несколько раз.

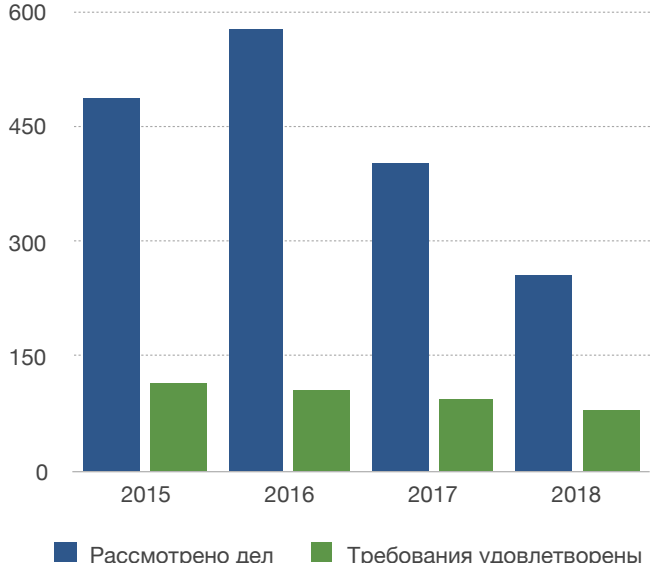
Кроме того, по предложению ICC Russia, озвученному на этапе подготовки первых проектов изменений к закону о третейском разбирательстве, было внесено положение о проарбитрабельном толковании арбитражных соглашений. Российские суды все чаще обращаются к такому толкованию.

В качестве положительных качеств арбитражной реформы большинство респондентов исследования ICC Russia также назвали введение в процессуальное законодательство положений, направленных на содействие со стороны государственных судов работе третейских судов (истребование доказательств, разрешение вопросов назначения, отводов и прекращения полномочий арбитров и пр.).

Статистика российских арбитражных судов субъектов РФ по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда за 2015–2018 годы



Статистика российских арбитражных судов субъектов РФ по делам об оспаривании решений третейских судов за 2015–2018 годы



Однако этих мер оказалось недостаточно, чтобы поднять третейское разбирательство на качественно новый уровень. Так, общее ко-

личество коммерческих споров, рассмотренных государственными арбитражными судами в первой инстанции в 2018 году, составило 1 149 972[9]. Потенциально значительная часть этих дел может быть передана для разрешения третейскими судами. Для сравнения: количество споров, рассматриваемых третейскими судами в США, составляет сотни тысяч в год.

Таким образом, существующие сегодня в России лицензированные арбитражные учреждения охватывают лишь ничтожно малую долю потенциального рынка третейского разбирательства. Даже если они в течение последующих пяти лет удвоят или утроят количество рассматриваемых споров, это число все равно останется незначительным для такой большой страны, как Россия.

Для качественного роста третейского разбирательства необходимо существенно увеличить количество постоянно действующих третейских судов. А значит, следует перенести бремя административного регулирования с процесса получения права на осуществление функций ПДАУ на мониторинг деятельности третейских судов. Создать третейский суд должно быть просто, однако в случае выявленных неоднократных нарушений лицензия должна отзываться. Чтобы упростить создание третейских судов, нужно отменить надуманные требования к обязательному списку арбитров, их стажу и квалификации, а также упростить процедуру и подходы к получению права на осуществление функций ПДАУ.

Необходимо также перенести центр контроля за деятельностью ПДАУ из административного в судебный. Совет при Минюсте, который по закону получил право на мониторинг судебной практики, может совместно с Верховным судом разработать рекомендации судам, помогающие выявлять злоупотребления в сфере третейского разбирательства.

Наконец, нарушения в сфере третейского разбирательства должны преследоваться профессиональным сообществом. В связи с этим нельзя не отметить совместную инициативу Арбитражной Ассоциации и Федеральной палаты адвокатов по созданию рабочей группы, целью которой является расследование случаев нарушения профессиональной этики адвокатами, замеченными в злоупотреблениях в сфере третейского разбирательства.

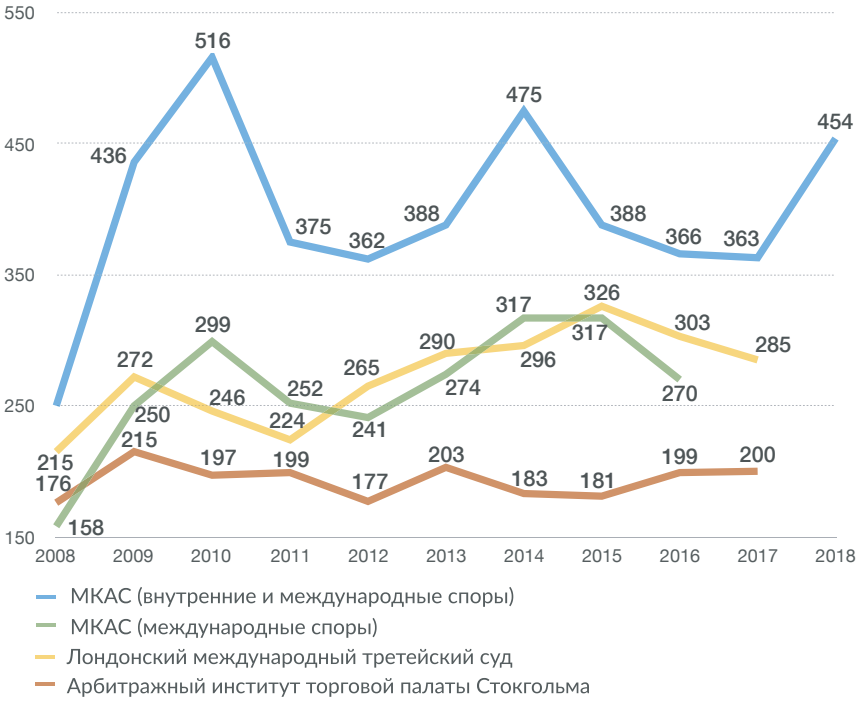
---

[9] *См. отчет о работе арбитражных судов субъектов РФ за 2018 год, http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4890.*

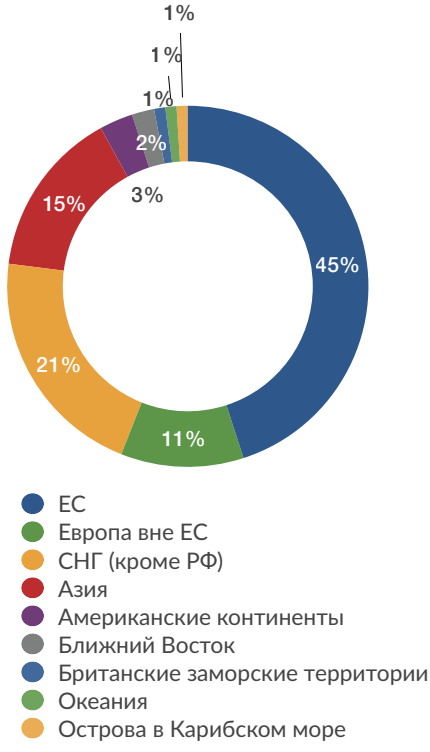
СТАТИСТИКА МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖНОГО СУДА ПРИ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (МКАС ПРИ ТПП РФ) ЗА 2018 ГОД

Информация взята с официального сайта МКАС при ТПП РФ: https://mkas.tpprf.ru/ru/Stat/page.php

Количество дел МКАС при ТПП РФ, Арбитражном институте торговой палаты и Лондонском международном третейском суде

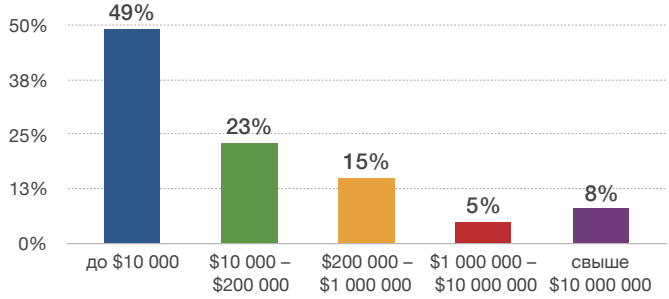


Участие иностранных сторон в делах МКАС в 2018 году



Предметы исков по делам МКАС в 2018 году

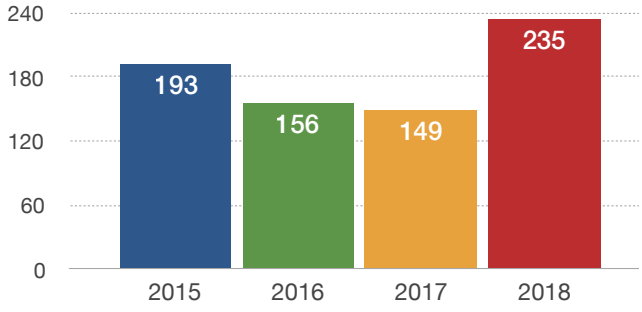
Цены исков по международным делам МКАС в 2018 году



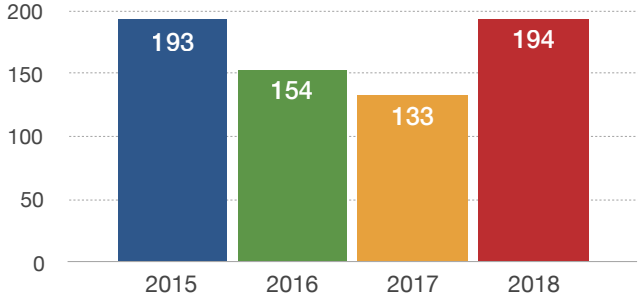
СТАТИСТИКА АРБИТРАЖНОГО ЦЕНТРА ПРИ РСПП* ЗА 2015-2018

Данные предоставлены Арбитражным центром при РСПП
Подготовила к публикации: ***Стрелковская Ирина****, РАА*

Количество зарегистрированных дел (международных и внутренних):

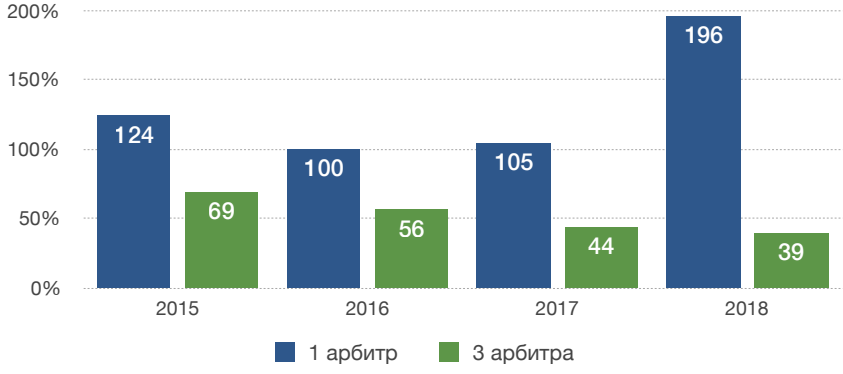


Количество вынесенных решений (международных и внутренних):



Количество сторон в делах:

Количество арбитров в делах (состав из одного и трех арбитров):



Национальность арбитров:

Рабочие языки:

Национальность сторон:

Место арбитража:
Россия, Москва

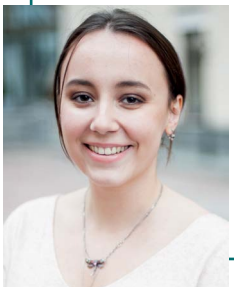
Типы контрактов:

Договоры подряда, поставки, оказания услуг, лизинга, аренды, об осуществление технологического присоединения, займа, РЕПО, хранения, поручения, коммиисии, агентский договор, договор на брокерское обслуживание

** Арбитражный Центр при РСПП с 27.04.2017 является правоприемником Третейского суда при РСПП. С 01.07.2017 Арбитражный центр при РСПП начал осуществлять свою деятельность.*

ДИСПАРИТЕТНЫЕ АРБИТРАЖНЫЕ СОГЛАШЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Константин Антонюк
стажер Baker McKenzie



Валерия Теслина
координатор программ РАА

Диспаритетные арбитражные соглашения – это альтернативные арбитражные соглашения, которые предоставляют *только одной стороне* договора возможность выбрать компетентный форум для защиты своих прав (арбитраж или государственный суд).

Отметим, что сложившаяся в России судебная практика признает альтернативные арбитражные соглашения, согласно которым *каждая сторона* вправе выбрать между арбитражным разбирательством и государственным судом, – симметричные арбитражные соглашения[1].

Какова же судьба диспаритетных арбитражных соглашений по российскому праву?

Поначалу российские суды в целом признавали действительность диспаритетных арбитражных соглашений. В частности, ФАС Московского округа подтверждала это в серии споров между иностранными заимодавцами и российскими заемщиками[2].

Отношение к диспаритетным арбитражным соглашениям резко поменялось в 2012 году с принятием постановления президиума ВАС РФ по спору ЗАО «Русская Телефонная Компания» (далее – «РТК») с ООО «Сони Эрикссон Мобайл Коммюникейшнз Рус» (далее – «Сони Эрикссон»)[3]. Согласно арбитражному соглашению между этими компаниями, ООО «Сони Эрикссон» было вправе обратиться за разрешением споров как в арбитраж (LCIA), так и в компетентный государственный суд, в то время как «РТК» имела право обратиться только в арбитраж. Тем не менее «РТК» подала иск в российский государственный суд. Суды трех инстанций, руководствуясь, по всей видимости, положительной судебной практикой в отношении диспаритетных оговорок, оставили иск без рассмотрения. Однако ВАС РФ не согласился с позицией нижестоящих судов и вернул дело на новое рассмотрение, указав, что *«арбитражное соглашение не может наделять лишь одну сторону контракта правом на обращение*

---

[1] Пункт 6 Обзора ВС РФ практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей от 26 декабря 2018 года; определение ВС РФ от 27 мая 2015 года № 310-ЭС14-5919 по делу № А62-1635/2014; постановление президиума ВАС РФ от 14 февраля 2012 года № 11196/11 по делу № А75-1836/2011.

[2] Постановления ФАС Московского округа от 12 января 2010 года № КГ-А40/14014-09 по делу № А40-59798/09-69-546 и от 25 декабря 2009 года № КГ-А40/13327-09 по делу № А40-59748/09-39-553.

[3] Постановление Президиума ВАС РФ № 1831/12 от 19 июня 2012 года по делу № А40-49223/2011.

в компетентный государственный суд и лишать вторую сторону подобного права. В случае заключения такого соглашения оно является недействительным как нарушающее баланс прав сторон». При этом ВАС РФ разъяснил, что именно он понимает под недействительностью диспаритетных арбитражных соглашений: *«Сторона, право которой нарушено таким соглашением о разрешении споров, также вправе обратиться в компетентный государственный суд, реализовав гарантированное право на судебную защиту на равных со своим контрагентом условиях»*.

После постановления ВАС РФ по делу «Сони Эрикссон» диспаритетные арбитражные соглашения стали в целом восприниматься судами как недействительные[4]. Хотя в практике можно найти отдельные примеры, когда суды признавали действительность таких соглашений и после указанного постановления[5].

Наконец, в п. 7 Обзора судебной практики от 26 декабря 2018 года (далее – Обзор) ВС РФ указал следующее: *«Соглашение о разрешении споров, предусматривающее альтернативный выбор в качестве средств защиты – разрешение спора судом или третейским судом – и закрепляющее право только одной стороны договора на обращение в суд, является недействительным в части лишения другой стороны договора права на обращение в суд. В этом случае каждая из сторон договора обладает правом обратиться как в суд, так и в третейский суд»*[6].

Другими словами, по российскому праву диспаритетные арбитражные соглашения становятся паритетными, то есть любая из сторон вне зависимости от того, что написано в договоре, вправе выбрать между арбитражем и государственными судами.

ВС РФ неслучайно пояснил регулирование таких оговорок по российскому праву. Дело в том, что некоторые суды стали расширительно толковать позицию ВАС РФ по делу «Сони Эрикссон», разрушая без надобности действительность арбитражных соглашений.

Поясним, как теперь судам следует относиться к диспаритетным арбитражным соглашениям. Реакция судов должна быть различной в двух ситуациях в зависимости от того, какая сторона обращается с иском в государственный суд.

Далее под компанией А понимается сторона, изначально лишенная права выбора между арбитражем и государственным судом, а под компанией Б – сторона, изначально наделенная таким правом.

Если с иском в государственный суд идет сторона, *изначально лишенная права выбора* между арбитражем и государственным судом (компания А)

Позиция ВС РФ касается именно этого случая.

Если в государственный суд идет компания А, то компания Б может заявить об оставлении иска без рассмотрения по ч. 5 п. 1 ст. 148 АПК РФ. Аргумент компании Б: компания А лишена права на обращение в государственный суд. Однако суд в этом случае должен отказать компании Б в оставлении иска без рассмотрения.

Как указал ВС РФ в Обзоре, в этом случае *«вторая сторона контракта получает возможность использовать любой из тех способов разре-*

---

[4] Постановление ФАС ЦО от 3 июля 2014 года по делу № А62-949/2014; апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 6 ноября 2015 года по делу № 33-33426/2015; постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 марта 2016 года по делу № А40-125181/2013.

[5] Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 12 марта 2015 года по делу № А53-17338/2014. Однако нужно учесть, что в данном деле сторона, которой изначально было предоставлено право выбора между арбитражем и государственным судом, подала иск в российский государственный суд. Суд апелляционной инстанции указал, что данное условие договора не было оспорено сторонами в суде, поэтому иск следует рассматривать по месту его подачи – в российском государственном суде. Неизвестно, как отреагировал бы суд на диспаритетную оговорку, если бы с иском в российский государственный суд обратилась сторона, изначально лишенная по договору такого права.

[6] Пункт 7 Обзора ВС РФ практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей от 26 декабря 2018 года.

шения споров, которыми может воспользоваться первая сторона согласно условиям оговорки о порядке разрешения споров, содержащейся в контракте» – арбитражное разбирательство или государственный суд.

Приведем пример в русле данного разъяснения из судебной практики.

Пример из практики

Страхователь (компания А) обратился в российский государственный суд с иском к перестрахователям по договору перестрахования (компания Б). Компания Б заявила об оставлении иска без рассмотрения, поскольку право на обращение в российский государственный суд было предоставлено только компании Б. Суды всех трех инстанций отказали компании Б в оставлении иска без рассмотрения.

Суд кассационной инстанции указал следующее: *«...поскольку стороны признали компетенцию суда Российской Федерации, и соглашение о разрешении споров предусматривает право одной стороны (перестраховщиков)* [компания Б] *обратиться в государственный суд Российской Федерации, другая сторона* [компания А] *также имеет аналогичное право. Паритетность оговорки о компетентном суде означает, что при наличии у ответчиков* [компании Б] *права на обращение за судебной защитой в Арбитражный суд Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в этот же суд за урегулированием споров вправе обратиться и ОАО "Капитал Страхование"* [компания А]*»*[7].

В данном случае позиция суда представляется обоснованной. Суд квалифицировал диспаритетность арбитражной оговорки по российскому праву, наделив сторону, находящуюся в неравном положении по договору, правом на обращение в российский государственный суд.

Если с иском в государственный суд идет сторона, *изначально наделенная правом выбора* между арбитражем и государственным судом (компания Б)

ВС РФ не касается конкретно этого случая в Обзоре. Однако если вышестоящие судебные инстанции последовательно настаивают на недействительности диспаритетных арбитражных соглашений по российскому праву, судам следует понимать, как именно относиться к диспаритетной оговорке, когда диспаритетностью пользуется сторона, изначально наделенная правом на обращение в государственный суд.

Если в государственный суд идет компания Б, то компания А может заявить об оставлении иска без рассмотрения по ч. 5 п. 1 ст. 148 АПК РФ. Аргумент компании А: стороны предусмотрели арбитражное разбирательство для разрешения их споров. Однако суд в этом случае должен отказать в оставлении иска без рассмотрения, просто указав, что компания А в аналогичной ситуации не была бы лишена права обратиться в государственный суд.

По нашему мнению, основания для признания недействительной диспаритетной оговорки в данной ситуации отсутствуют.

Приведем два примера из судебной практики для данной ситуации. Первый пример, по нашему мнению, согласуется с подходом ВС РФ, закреплённым в Обзоре ВС РФ. Второй пример, напротив, демонстрирует чересчур расширительное толкование недействительности диспаритетной оговорки.

Пример 1

Лизингодатель (компания Б) обратился с иском к лизингополучателю (компания А) по договору лизинга. Компания А заявила об оставлении иска без рассмотрения.

Суд первой инстанции оставил иск без рассмотрения, не исследовав диспаритетную часть арбитражной оговорки, по которой компания Б вправе была обратиться также в российский государственный суд.

Суд апелляционной инстанции рассмотрел дело по существу, указав на недействительность арбитражного соглашения. Суд руководствовался позицией ВАС РФ по делу «Сони Эрикссон».

---

[7] *Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31 марта 2016 года № Ф04-25540/2015 по делу № А75-4871/2013. Определением ВС РФ от 23 сентября 2016 года № 304-ЭС16-8102 отказано в передаче дела для рассмотрения в Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ.*

Суд кассационной инстанции поддержал апелляцию в части отказа в оставлении иска без рассмотрения, однако привел следующую мотивировку: *«В данном случае в компетентный государственный суд обратилась сторона, которая была наделена правом на такое обращение* [компания Б], *поэтому у суда первой инстанции отсутствовали правовые основания для оставления иска без рассмотрения»*[8].

В данном случае позиция суда кассационной инстанции как раз отражает подход ВС РФ в Обзоре к диспаритетным арбитражным соглашениям. Когда в государственный суд обращается сторона, изначально наделенная таким правом, нет оснований для признания недействительной диспаритетной оговорки, поскольку диспаритетная арбитражная оговорка недействительна только в части лишения другой стороны права на обращение в суд.

Пример 2

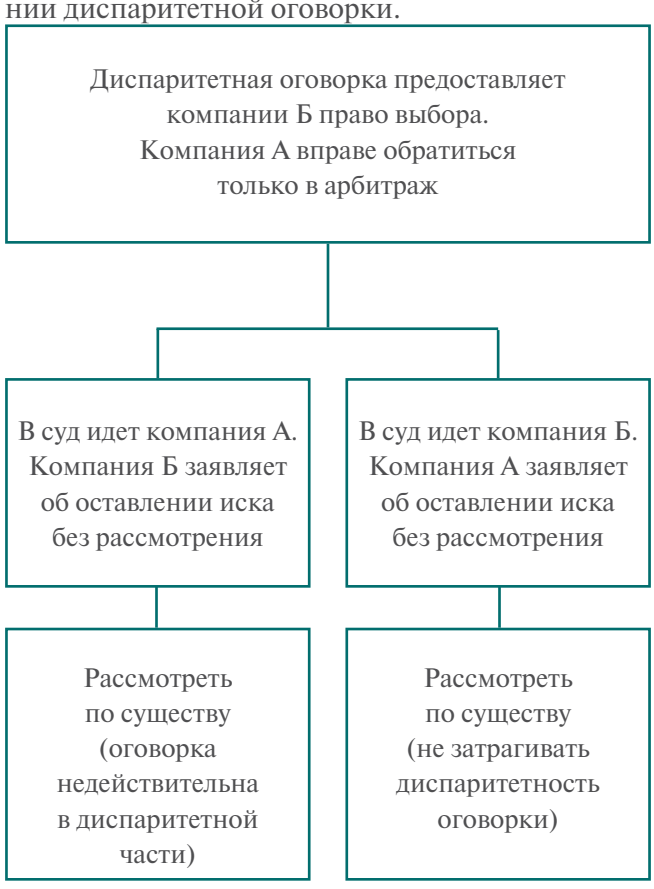
Заимодавец (компания Б) обратился в российский государственный суд с иском к заемщикам по договору займа (компания А). Компания А, несмотря на закрепленную договором возможность компании Б обратиться в российский государственный суд, заявила об оставлении иска без рассмотрения. Компания Б просила отказать в ходатайстве, сославшись на недействительность диспаритетной арбитражной оговорки.

Суды всех трех инстанций последовательно отказали в оставлении иска без рассмотрения. При этом суд кассационной инстанций указал, что *«предусмотренная договором займа арбитражная оговорка является недействительной»*[9].

В данном случае судам не следовало придерживаться аргументации истца о недействительности диспаритетного арбитражного соглашения, поскольку сам истец был изначально наделен возможностью обратиться в государственный суд, что он и сделал.

Подход российских судов к недействительности диспаритетных арбитражных соглашений можно обобщить следующим образом: *диспаритетные арбитражные соглашения недействительны только тогда, когда с иском в государственный суд обращается сторона, изначально лишенная такого права. В других случаях судам нет необходимости делать выводы о недействительности как всей арбитражной оговорки, так и ее диспаритетной части.*

Ниже представлен краткий алгоритм, которым, по нашему мнению, должны руководствоваться суды, если одна из сторон заявляет об оставлении иска без рассмотрения на основании диспаритетной оговорки.



[8] *Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 4 апреля 2018 года № Ф07-3332/2018 по делу № А21-7235/2017.*

[9] *Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 марта 2016 года № Ф05-726/2016 по делу № А40-125181/2013. Определением ВС РФ от 6 июля 2016 года № 305-ЭС16-7033 отказано в передаче дела для рассмотрения в Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ.*

СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ НОМЕРА

Антон Каминский
младший юрист адвокатского бюро «КИАП»

Изменения правил арбитражного института и решение состава арбитража об отсутствии у него компетенции не являются вновь открывшимися обстоятельствами.

Номер дела в государственном суде: А40-23040/16-15-203.

Стороны спора:
Общество с ограниченной ответственностью «ПАРАВАН-2000» – заявитель в государственном суде, истец в третейском суде;
Акционерное общество «Конвест» – заинтересованное лицо в государственном суде, ответчик в третейском суде.

Разрешавший спор третейский суд: *МКАС при ТПП РФ.*

Представители сторон в третейском суде: *Н/д.*

Арбитры: *Н/д.*

Представители сторон в государственном суде:
ООО «ПАРАВАН-2000»: А. В. Филипцов.
АО «КОНВЕСТ»: А. В. Шаронов.

Судьи, вынесшие решение в государственном суде:
Пересмотр по вновь открывшимся обстоятельствам в суде первой инстанции: М. А. Ведерников.
Суд кассационной инстанции: Л. А. Тутубалина (председательствующий судья), А. А. Кочеткова, А. Л. Новоселова.

Арбитражным судом города Москвы было рассмотрено дело № А40-23040/16-15-203 о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам определения об оставлении иска без рассмотрения в связи с наличием арбитражного соглашения. МКАС вынес постановление об отсутствии своей компетенции. В качестве новых обстоятельств истец указывал неисполнимость арбитражной оговорки из-за отсутствия компетенции у МКАС. Судом в пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам было отказано[1].

[1] *Определение Арбитражного суда города Москвы от 18 февраля 2019 года по делу № А40-23040/2016.*

На наш взгляд, анализ данного судебного решения интересен тем, что в нем подчеркивается важность следующих обстоятельств:

- истец должен правильно определить последовательность обращения в третейский суд и государственный суд;
- в случае если истец неверно определит последовательность действий, он несет риск пропуска срока исковой давности.

Ниже обстоятельства дела и выводы суда изложены более детально.

ООО «ПАРАВАН-2000», осуществляющее монтаж и техническое обслуживание электросистем (истец), и АО «Конвест», занимающееся строительством жилых и нежилых зданий (ответчик), в 2011 году заключили договор субподряда. Согласно одному из пунктов договора в случае разногласий споры подлежат урегулированию в соответствии с арбитражной оговоркой о рассмотрении споров в МКАС при ТПП РФ.

Истец обратился в Арбитражный суд города Москвы с иском, который был оставлен без рассмотрения на основании п. 5 ч. 1 ст. 148 АПК в связи с наличием в договоре арбитражной оговорки.

После принятия определения об оставлении искового заявления без рассмотрения истец обратился в МКАС при ТПП РФ с требованиями, аналогичными тем, которые были заявлены в иске в Арбитражный суд города Москвы. В заседании обе стороны (и истец, и ответчик) заявили об отсутствии компетенции арбитражного учреждения.

МКАС при ТПП РФ вынес постановление об отсутствии компетенции для рассмотрения заявленного спора. Решение об отсутствии компетенции было принято в связи с тем, что на момент составления арбитражной оговорки в 2011 году споры без иностранного элемента (каковым являлся спор между истцом и ответчиком) не могли передаваться на разрешение в МКАС при ТПП РФ.

Отметим, что по старому закону МКАС при ТПП РФ мог рассматривать только международные споры. Возможность рассмотрения МКАС внутренних споров появилась лишь после арбитражной реформы 2016 года и принятия Правил разрешения внутренних споров.

Получив постановление МКАС при ТПП РФ об отсутствии компетенции арбитражного учреждения для рассмотрения спора, истец подал заявление о пересмотре определения об оставлении искового заявления без рассмотрения в связи с вновь открывшимися обстоятельствами. При новом рассмотрении истец указывал на неисполнимость арбитражной оговорки в связи с неподведомственностью спора МКАС при ТПП РФ, так как стороны спора не соответствовали требованиям регламента данного арбитражного учреждения и п. 2 ст. 1 Закона Российской Федерации от 7 июля 1993 года № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже», п. 2 Положения о МКАС в редакции, существовавшей на момент заключения арбитражного соглашения. Судом первой и апелляционной инстанций определение об оставлении иска без рассмотрения было отменено.

После вступления в силу решения Арбитражного суда города Москвы об отмене определения об оставлении иска без рассмотрения в связи с наличием арбитражной оговорки судом было рассмотрено первоначальное исковое заявление с требованиями о взыскании задолженности по договору субподряда в связи с ненадлежащим исполнением обязательств и понуждении изменить договор. Суды первой и апелляционной инстанций прекратили производство по делу в части требований о понуждении внести изменения в пункт договора, содержащий арбитражную оговорку. При этом суд фактически самостоятельно изменил арбитражную оговорку: она была устранена, а в качестве места рассмотрения споров был установлен Арбитражный суд города Москвы.

Арбитражным судом Московского округа были отменены судебные акты первой и апелляционной инстанций, а дело направлено на новое рассмотрение, поскольку обстоятельства, названные в заявлении вновь открывшимися, не обладают данным признаком, так как неизвестность о них заявителю на момент рассмотрения дела судом не доказана.

Арбитражный суд города Москвы, вновь рассматривая дело в первой инстанции, исследовал доводы, представленные истцом, и пришел к выводу о том, что, несмотря на вынесенное МКАС постановление об отсутствии компетенции, данное постановление не является вновь открывшимся обстоятельством с учетом разъяснений пленума ВАС РФ от 30 июня 2011 года № 52. Суд посчитал, что обстоятельства могли быть известны заявителю и ранее, а ссылку на постановление МКАС суд квалифицировал в качестве представления новых доказательств. На момент подачи иска в арбитражный суд истцу было достоверно известно о наличии действующей арбитражной оговорки в договоре, в исковом заявлении истец указывал на неисполнимость арбитражной оговорки.

Арбитражный суд Московского округа указал, что компетенция третейского суда находится исключительно в ведении самого третейского суда. На наш взгляд, суд справедливо акцентировал внимание на принципе, известном как «kompetenz-kompetenz», или «принцип компетенции компетенции». Определение об оставлении иска без рассмотрения свидетельствует о том, что на момент его вынесения у истца не было даже права на передачу спора в государственный арбитражный суд, а у арбитражного суда, при наличии возражений второй стороны, отсутствовали полномочия на рассмотрение иска.

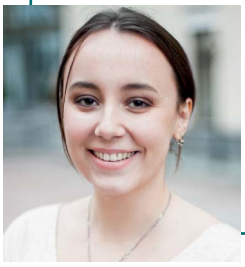
Во избежание подобного рода ситуаций истец должен был обратиться с новым иском, а не подавать заявление об отмене судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам. Доводы о том, что обращение в суд с иском после получения постановления третейского суда привело бы к пропуску срока исковой давности, не могли быть положены в основание отмены судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам, поскольку, как указал АС МО, они «являются риском истца».

Итак, ход данного процесса примечателен тем, что в нем, во-первых, мы можем видеть, как арбитражный состав МКАС при ТПП РФ решил вопрос о применимости Регламента МКАС во времени. Важна редакция на момент заключения соглашения, а не на момент возникновения спора – нестандартное решение в свете существующей практики арбитражных институтов. Причем суд считает, что стороны должны были это предвидеть.

Во-вторых, вынесенное в итоге Арбитражным судом города Москвы решение – это еще одна реализация в правоприменительной практике существующей доктрины «компетенции компетенции», что не может не радовать, так как указанный основополагающий принцип далеко не всегда соблюдается государственными судами.

ОБЗОР МАГИСТЕРСКИХ ПРОГРАММ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ЧАСТНОМУ ПРАВУ В РОССИИ

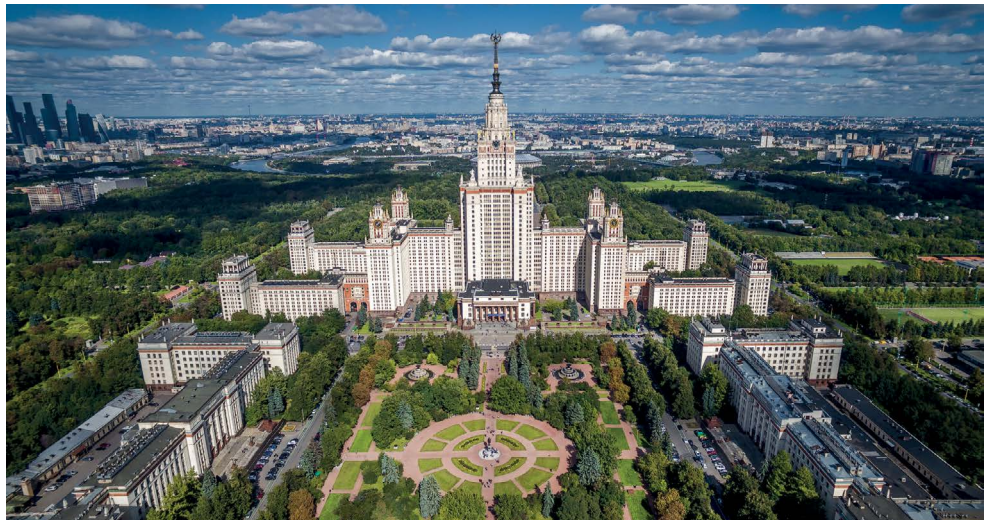
Ирина Стрелковская
РАА



Валерия Теслина
РАА

Виктория Гладышева
РАА

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова



Источник: photogenica.ru

Город: Москва.
Магистерская программа: магистр частного права.

Цели программы: подготовка лиц с высшим профессиональным образованием по специальности «юриспруденция» с присвоением квалификации (степени) «магистр» в сфере частного права; подготовка научных кадров в данной сфере, в том числе путем качественной подготовки к поступлению в аспирантуру соответствующего профиля.

Преимущества программы:

магистерская программа нацелена на изучение магистрантами всего спектра частноправовых наук (учебных дисциплин): гражданского и международного частного права;

обучение в рамках магистерской программы включает лекционные и аудиторные занятия, самостоятельную работу под руководством научного руководителя, интерактивные занятия;

предполагается отвести необходимое время на самостоятельную работу магистрантов по изучению специальной юридической литературы,

рекомендованной преподавателями по соответствующим спецкурсам, в том числе иностранной (на языке оригинала), а также правоприменительной практики и законодательства, включая иностранное. При этом магистрант должен работать над подготовкой магистерской диссертации (дипломной работы) по указаниям и под руководством своего научного руководителя, избранного им из числа преподавателей кафедры;

набор осуществляется как на бюджетные места, так и на места с оплатой стоимости обучения на договорной основе.

Срок обучения: 2 года.

Форма обучения: очная.

Подробная информация на сайте http://www.law.msu.ru/teaching/magistracy/program.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)

Источник: hse.ru

Город: Москва.

Магистерская программа: международное частное право.

Цель программы: формирование фундаментальных и прикладных профессиональных компетенций в сфере международного частного права; подготовка юристов в сфере международного корпоративного права, международного банковского права, международного гражданского процесса, международного коммерческого арбитража и других отраслях международного частного права.

Преимущества программы:

структурированное содержание программы, включающее обязательные и элективные учебные дисциплины. Это позволяет сочетать фундаментальные (теоретические) и прикладные (практико-ориентированные) предметы;

обучение ведут как профессиональные преподаватели кафедры международного публичного и частного права со значительным стажем научно-педагогической работы, так и молодые ученые, которые сочетают работу в университете с карьерой в сфере юриспруденции;

изучение юридического английского языка, что позволит наладить профессиональную коммуникацию, необходимую юристу в области международного частного права;

научно-исследовательская работа магистрантов;

возможность трудоустройства выпускников программы.

Срок обучения: 2 года.

Форма обучения: очная.

Подробная информация на сайте https://www.hse.ru/ma/privlaw/profession.

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (МГИМО)

Источник: dialogue-trianon.ru

Город: Москва.

Магистерская программа: международное частное и гражданское право.

Цель программы: подготовка специалистов

широкого профиля в области частноправовых отношений, осложненных иностранным элементом. Выпускники могут работать в любой сфере, предполагающей участие субъектов частного права и возможность наличия связи с юрисдикцией более чем одного государства. При этом магистры равно компетентны как в материально-правовых, так и в процессуальных аспектах, включая международный коммерческий арбитраж.

Преимущества программы:

обучение позволяет будущим юристам получить и развить навыки проведения компаративистских исследований. Особенность специализации обусловлена тем, что международное частное право является комплексной правовой наукой, находящейся на стыке теории права, отечественного и иностранного частного права, процесса, права международной торговли, валютного права, международного публичного права, включая регулирование в рамках ВТО;

большой объем теоретических знаний, основная часть которых приобретается магистрантами самостоятельно. На семинарах усвоенный теоретический материал обсуждается и применяется на практике для разрешения казусов разного уровня сложности. Кроме того, магистранты могут научиться представлять судебные и арбитражные дела. Такой навык особенно полезен при всестороннем изучении судебной практики, а также в том случае, если магистрант собирается работать в суде или арбитраже;

профессорско-преподавательский состав кафедры международного частного и гражданского права и магистранты ежегодно готовят команду для участия в Международном конкурсе по коммерческому арбитражу им. Виллема К. Виса (Willem C. Vis Moot Competition). Команда МГИМО в рамках конкурса традиционно демонстрирует значительные результаты.

Срок обучения: 2 года.

Форма обучения: очная.

Подробная информация на сайте https://mgimo.ru/study/master/ipclaw/.

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

Источник: blr-gomel.rs.gov.ru

Город: Москва.

Магистерская программа: магистр международного частного права.

Цель программы: полное юридическое сопровождение трансграничных частноправовых отношений; полное правовое сопровождение международного бизнеса: международные коммерческие и корпоративные сделки – контракт под ключ и досудебное, несудебное (ADR, медиация, арбитраж) и судебное разрешение международных коммерческих споров.

Преимущества программы:

магистерская программа стабильно существует с момента открытия магистратуры в МГЮА и занимает лидирующие позиции по количеству обучающихся;

первая и самая большая кафедра международного частного права в России;

с магистрантами работает как профессорско-преподавательский состав, так и практикующие юристы, арбитры;

обучение ориентировано на практику: занятия проводятся в форме мастер-классов, кейс-стади, работы в малых группах, экспертизы юридических документов.

Срок обучения: 2 года.

Форма обучения: очная, очно-заочная, заочная.

Подробная информация на сайте https://msal.ru/

content/ob-universitete/struktura/instituty/mezhdunarodno-pravovoy-institut/programmy-magistratury/.

Санкт-Петербургский государственный университет

Источник: dp.ru

Город: Санкт-Петербург.

Магистерская программа: международное частное право.

Цель программы: программа позволяет овладеть профессиональными компетенциями для работы в государственных органах, международных структурах, отечественных и иностранных фирмах, общественных организациях, банках, консалтинговых компаниях и т.д.; навыками работы по юридическому сопровождению международных сделок, а также по защите интересов физических и юридических лиц в условиях международного гражданского и хозяйственного оборота, включая судебное и арбитражное представительство.

Преимущества программы:

в процессе обучения студенты получают углубленные знания в области международного публичного и частного права, европейского права, сравнительного правоведения, международного гражданского процесса;

программа предполагает подготовку специалистов, квалификация которых позволяет осуществлять различные виды деятельности в области международного частного права: планирование, составление и заключение международных контрактов, обеспечение торговых и иных коммерческих сделок, проведение международных расчетов, защиту авторских прав в глобальном информационном обществе, юридическое консультирование по вопросам международного арбитража, экспертно-консультационную деятельность по вопросам международного и европейского права и т.д.;

образовательная программа разработана с учетом профессиональных стандартов и мнения работодателей о соотносимости компетенций выпускников и трудовых функций в области профессиональной деятельности.

Срок обучения: 2 года.

Форма обучения: очная.

Подробная информация на сайте https://spbu.ru/postupayushchim/programms/magistratura/mezhdunarodnoe-chastnoe-pravo.

Российская академия

народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации

Источник: ranepa.ru

Город: Москва.

Магистерская программа: гражданское, семейное и международное частное право.

Цель программы: подготовка высокопрофессиональных кадров, обладающих фундаментальными знаниями в области гражданского, семейного, международного частного права путем

развития у обучающихся личностных качеств и формирования общекультурных (общенаучных, социально-личностных, инструментальных) и профессиональных компетенций.

Преимущества программы:

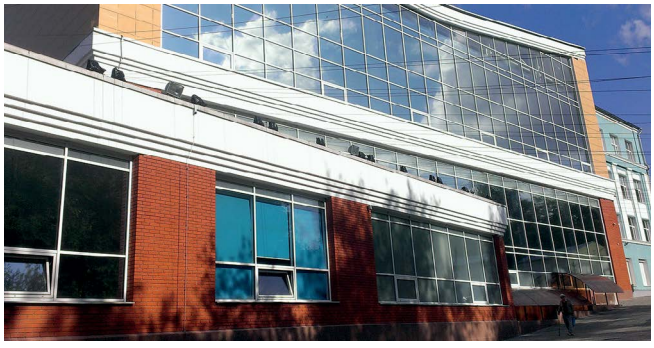
реализация права магистранта на качественное профессиональное образование, в том числе с учетом его научно-образовательных интересов и потребностей карьерного роста;

формирование профессиональных компетенций, обеспечивающих эффективную деятельность юриста в системе общественных отношений частноправового характера;

формирование социокультурной среды и создание условий для социализации магистранта как профессионального юриста и исследователя;

обеспечение практико-ориентированного характера подготовки магистрантов путем привлечения их в рамках магистерских исследований к выполнению конкретных проектов кафедры, органов власти и других работодателей.

Срок обучения: 2/2,5/2,5 года.



Форма обучения: очная, заочная, очно-заочная.

Подробная информация на сайте
http://igsu.ranepa.ru/program/p380/.

Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ)

Источник: vuz.edunetwork.ru

Город: Москва.

Магистерская программа: правовое регулирование внешнеэкономической деятельности.

Цель программы: подготовить юристов, способных заниматься не только практической, но и научно-исследовательской, а также педагогической деятельностью.

Преимущества программы:

магистратура МПФ ВАВТ предоставляет уникальную возможность расширить свои знания в сфере правового регулирования внешнеэкономической деятельности. Индивидуальный подход в обучении определяется, в частности, выбранным направлением научного исследования, а также областью практической деятельности юриста. Специалисты, обладающие степенью магистра в области правового регулирования внешнеэкономической деятельности, способны не только составить контракт или оказать правовую поддержку во время переговоров на иностранном языке, но и проанализировать значительные объемы научно-исследовательской литературы, содержащие различные точки зрения по правовым вопросам, самостоятельно изучить и прокомментировать нормативно-правовую базу зарубежных стран, лежащую в основе правового регулирования внешнеэкономических отношений;

программа рассчитана на тех, кто обладает юридическими знаниями и кому требуется международно-правовая специализация и углубленная подготовка в области правового регулирования внешнеэкономической деятельности.

Срок обучения: 2,5 года.

Форма обучения: очно-заочная (вечерняя).

Подробная информация на сайте
http://mpf2.vavt.ru/site/mag_vo_mpf.

ФИНАНСОВАЯ ОТЧЕТНОСТЬ ДЛЯ АРБИТРАЖНОГО ЮРИСТА: КУДА СМОТРЕТЬ И КАК ЧИТАТЬ?

24 апреля 2019 г. (начало в 18 часов)

Место проведения: офис KPMG
Москва, Пресненская набережная, 10,
Комплекс «Башня на набережной», блок С

24 апреля 2019 года РАА40 совместно с KPMG проводит мастер-класс по вопросам финансовой и бухгалтерской документации для юристов, специализирующихся в международном арбитраже и судебных спорах.

Ведущие эксперты KPMG и опытные юристы представят в формате case studies системную картину финансовой отчетности компаний и документов, на основании которых она формируется. Обсудим, в каких случаях следует привлечь эксперта для анализа данных, и какие документы могут быть запрошены в качестве доказательств.

Вопросы к обсуждению:

- Состав и содержание финансовой отчетности. Где отражаются требования и риски, на какую страницу «листать» в первую очередь?
- Активы и обязательства. Как выявить «необычные» / подозрительные активы и непризнанные обязательства?
- Аудиторское заключение. Как проводятся проверки и формируются заключения? Что такое оговорки и насколько это «страшно»?
- Манипуляции с финансовой отчетностью. Как выявить первые признаки манипуляций?

Спикеры:

- Егор Мисюра, партнер KPMG
- Сергей Усоскин, партнер Double Bridge Law, арбитр
- Юлия Ощепкова, старший менеджер KPMG
- Юрий Бабичев, советник Bryan Cave Leighton Paisner

Участие в семинаре бесплатное, количество мест ограничено.
Необходима предварительная регистрация на raa40@arbitrations.ru.

ПЕРВЫМ КЛАССОМ ИЗ ТРЕТЬЕГО МИРА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОММЕРЧЕСКИЙ АРБИТРАЖ В РЕШЕНИЯХ КОЛУМБИЙСКИХ СУДОВ

Элина Мереминская
Wagemann Abogados & Ingenieros, Santiago, Партнер

Арбитражное судопроизводство в Колумбии существует уже на протяжении ста лет. Однако конституционное признание арбитраж получил лишь в Основном законе страны от 1991 года, ст. 116 которого утверждает понятие «альтернативный механизм разрешения конфликтов». В 2012 году, после нескольких законодательных реформ и длительных академических дискуссий, было принято наиболее полное и комплексное определение закона Колумбии об арбитраже № 1563. Этот закон основан на Типовом законе об арбитраже ЮНСИТРАЛ, и, хотя закон Колумбии является единым нормативным документом, в нем предусмотрены различные положения для национального и международного арбитража, что превращает его, по сути, в дуалистический закон.

С 2016 года колумбийские суды приняли несколько весьма актуальных решений, свидетельствующих о надлежащей интеграции норм и принципов нового закона. Правовая практика, которую мы рассмотрим, должна помочь этой стране избегать весьма сомнительных арбитражных решений, примеры которых можно найти в недавнем прошлом. Так, в 2002 году арбитражное решение Международной торговой палаты (ICC) по делу американской компании TermoRío было аннулировано Государственным советом страны (высший судебный орган по административным вопросам), что позволило государству избежать выплаты 61 млн долл. истцу, но вызвало жесткую критику в арбитражном сообществе.

Решение Верховного суда Колумбии по делу HMT LLC против Fomento Catalizadores FOCA S.A.S. от 24 июня 2016 года № SC8453-2016 стало первым важным решением в соответствии с новым законом об арбитраже № 1563. Сторона агентского соглашения возражала против признания арбитражного решения ICC, вынесенного в Хьюстоне. Суд заключил, что споры, касающиеся контрактов коммерческого агентства, заключаемых в Колумбии, должны разрешаться национальными судами в соответствии со ст. 1328 Колумбийского торгового кодекса (КТК). Однако эта статья предусматривает применение колумбийских законов к таким спорам и конкретно не касается юрисдикции национальных судов.

В своем решении Верховный суд сначала провел различие между существенной арбитрабельностью иска и вопросами, затрагивающими публичный порядок (public policy). Суд подтвердил, что споры, касающиеся агентских договоров, могут быть переданы на рассмотрение в арбитражный суд, несмотря на правило, установленное в ст. 1328 КТК.

В качестве следующего шага суд подтвердил сложившуюся практику с целью узкого толкования понятия «интернациональный публичный порядок». Он пришел к выводу, что арбитражное решение может быть не признано только в том случае, если оно нарушает «основные и фундаментальные ценности и принципы, лежащие в основе юридических институтов националь-

ного правопорядка». Верховный суд Колумбии провел различие между интернациональным и внутренним публичным порядком. Он установил, что, даже если в Нью-Йоркской конвенции не определено понятие «интернациональный публичный порядок», она ссылается именно на него. Нарушение правил внутреннего публичного порядка не может служить причиной отказа в признании решения иностранного арбитражного суда. Статья 1328 КТК, защищающая местных коммерческих агентов, является правилом внутреннего публичного порядка. Суд решил, что «даже если эта норма ограничивает применение иностранных законов к агентским договорам, заключаемым на национальной территории, поскольку не является нормой, которая затрагивает интересы, принципы и фундаментальные ценности колумбийского государства, ее нельзя считать частью интернационального публичного порядка, которая может послужить основанием для отказа в признании решения [...], которое [...] не привносит элемента недопустимого дисбаланса в сферу местного правопорядка». Таким образом, иностранное арбитражное решение было признано судом действительным.

7 сентября 2016 года Верховный суд Колумбии вынес свое второе решение о признании иностранных арбитражных решений в соответствии с новым законом об арбитраже (Egesur S. A. против Consorcio Pisco, дело № SC12467-2016). В рамках колумбийского законодательства до сих пор обсуждается действительность положений об одностороннем расторжении или приостановлении действия долгосрочных контрактов. В прошлом некоторые колумбийские суды провозглашали, что такие положения являются неправомерными и не могут быть исполнены, поскольку прекращение действия соглашений может быть подтверждено и объявлено только судьями, а не самими сторонами. Верховный суд признал арбитражное решение, вынесенное в Перу и подтверждающее одностороннее расторжение контракта, установив, что данное решение не нарушило интернациональный публичный правопорядок.

Верховный суд подтвердил свои предыдущие решения по этому вопросу и постановил: «Интернациональный публичный порядок является исключением из применения иностранного права, определяемого применимыми положениями о коллизионном праве, например в контексте признания и обеспечения исполнения иностранных решений, когда они противоречат основным принципам государства, с целью их защиты». Суд признал, что иностранные правовые положения могут казаться непохожими на местное право и странными, но, если при этом они не изменяют основных принципов нации или ее политических устоев, пересмотр дела по существу не может проводиться под предлогом применения публичного порядка.

В свою очередь, 12 июля 2017 года Верховный суд Колумбии вынес решение по заявлению об отказе в экзекватуре решения МТП, выпущенного с юрисдикцией в Чили (Tampico Beverages Inc. против Productos Naturales de la Sabana, SA Alquería, дело № 11001-02-03-000-2014-01927-00). Среди причин для возражения указывалось предполагаемое отсутствие независимости и беспристрастности, поскольку один арбитр не раскрыл информацию о своем участии в другом арбитражном разбирательстве, в котором другой арбитр действовал как представитель истца, а первый – в качестве арбитра. Суд не принял такой аргумент, считая, что рассматриваемая ситуация «не включена ни в один из цветовых списков IBA Guidelines on Conflicts of Interests, даже в “зеленый”, что могло бы оправдать отсутствие раскрытия, и, следовательно, она не ставит под угрозу независимость и беспристрастность».

Также решением от 19 декабря 2018 года Nº SC5677-2018 Верховный суд признал необоснованным ходатайство об отмене арбитражного решения, вынесенного в соответствии с Регламентом МТП. Заявитель утверждал, что арбитражный суд нарушил арбитражную процедуру, согласованную сторонами, поскольку он принял во внимание письменное заявление свидетеля, не явившегося на слушание. В решении суда № 1 по процессуальному вопросу было установлено, что все вопросы доказывания будут регулироваться Регламентом МТП и IBA Rules on Taking of Evidence in International Arbitration (IBA Rules). Суд установил, что, согласно IBA Rules,

Панорамный вид на Боготу, столицу Колумбии. Источник: Photogenica.ru

документы представляют собой иное средство доказывания и регулируются независимо от свидетельских показаний. В связи с этим суд отметил, что возражения заявителя были представлены не в отношении самого показания свидетеля, а в отношении документов и писем, которые свидетель подписал во время исполнения контракта. Следовательно, тот факт, что свидетель не явился на слушание, не отменяет и не исключает из доказательств документы или письма, подписанные этим свидетелем, поскольку они представляют собой иные средства доказывания, имеющие различное регулирование. В соответствии с вышеизложенным суд объявил ходатайство об отмене необоснованным и обязал заявителя оплатить судебные расходы противоположной стороны.

В недавнем решении Верховного суда по делу № SC001-2019, вынесенном 15 января 2019 года, заявитель оспаривал действительность арбитражного соглашения из-за недействительности волеизъявления, утверждая, что «не имел возможности дать согласие на арбитражное соглашение, так как речь шла о пункте, представленном с запозданием, который не обсуждался». Суд провозгласил, что заявитель подписал договор, который содержал арбитражную оговорку. От заявителя «ожидалось минимальное усердие, чтобы прочитать и понять его, прежде чем поставить свою подпись», однако договор был подписан без какого-либо ознакомления. Суд отметил, что заявитель даже подписал каждую из страниц. Суд пришел к выводу, что формально выраженное волеизъявление имело преимущественную силу.

Заявитель также утверждал, что нарушен интернациональный публичный порядок: в рамках арбитражного процесса не было вынесено решения о приостановлении производства по арбитражному делу до вынесения решения по параллельному уголовному делу за мошенничество, которое могло иметь последствия для сделки, и что этим была нарушена надлежащая правовая процедура и, следовательно, интернациональный публичный порядок страны. Суд повторил, что «аннулирование международного арбитражного решения допустимо, если такое решение не признает ценности или основных принципов национального права, включая гарантию надлежащей правовой процедуры». С этой точки зрения он счел, что «требуемое приостановление производства по делу не является существенным принципом нашей юридической системы, поскольку ее происхождение является исключительным, обусловлено просьбой стороны при определенных обстоятельствах и носит временный характер».

В заключение отметим, что наблюдается позитивное развитие юриспруденции государственных судов Колумбии, благодаря чему эта страна медленно, но верно становится одной из самых привлекательных юрисдикций в Латинской Америке.

ABA Section of International Law
Your Gateway to International Practice

RUSSIAN ARBITRATION ASSOCIATION

THE 2019 MOSCOW DISPUTE RESOLUTION CONFERENCE

The ABA's 11th Annual Moscow Conference on the Resolution of International Business Disputes

Venue: Moscow, Radisson Royal Hotel (Ukraine Hotel), Kutuzovsky Prospekt, 2/1 building 1

18 SEPTEMBER
2019

RAA Upcoming events

The Russian Arbitration Association is proud to invite you to the **III Annual Conference on Assets Tracing, Injunctions, Experts and 3d Party Funding** on **June 6 in Moscow**.

This is the only event of that kind in Russia and CIS and we are expecting about 100 representatives from corporations, banks and law firms.

Venue: Moscow Marriott Royal Aurora Hotel, Petrovka St-Bld 11, Moscow 107031
Date: 6th June, 2019
Time: 10.00-18.00 (registration starts at 09.30)
Please see the programme of the conference – https://arbitration.ru/en/events/conference/collecting-bad-debts-throwing-good-money-after-bad/programma.php

You may find the sponsorship opportunities – https://arbitration.ru/upload/medialibrary/9c1/Sponsorstvo.pdf

To register the conference – https://arbitration.ru/en/events/conference/collecting-bad-debts-throwing-good-money-after-bad/registratsiya.php
If you would like to pay in RUB, please follow the Russian version of registration link – https://arbitration.ru/events/conference/konferentsiya-raa-vzyskanie-dolgov-v-mezhdunarodnykh-sporakh/registratsiya.php

Our previous events were supported by Dentons, Baker McKenzie, Linklaters, Hogan Lovells, PCB Litigation, Kroll, Conflict International, Smith & Williamson, Haberman Ilett and others.

Session 1: Discover the Undiscovered
- Unexplained Wealth Orders: are they Likely to Rise?
- The current approach of English courts to supporting international fraud investigations
- US Disclosure Orders under S.1782 U.S.C.
- Russian Criminal Proceedings as a Tool for collecting evidence
- Discovery in Arbitration: recent developments

Session 2: I have a Claim! … or I have a Dream?
- Avenues for Financing a Case
- Drafting a TPF Agreement
- Russian update on Third Party Funding
- Financing the Enforcement

Session 3: Show me the Money!
- Assets Tracing: Do it Yourself
- Professional Assets Tracing: Case study 1
- Professional Assets Tracing: Case study 2
- Cybercrime Investigations

Session 4: Cross-border Bankruptcy involving Russian parties
- Avoiding restitution in Russian Insolvency cases
- Cross-border Insolvency
- Enforcement of Russian insolvency judgments abroad: UNCITRAL framework and other Tools
- Arbitrability and Enforcement of Awards in Insolvency Proceedings in Russia

Topics to be discussed:

Session 1: Discover the Undiscovered
- Unexplained Wealth Orders: are they Likely to Rise?
- The current approach of English courts to supporting international fraud investigations
- US Disclosure Orders under S.1782 U.S.C.
- Russian Criminal Proceedings as a Tool for collecting evidence
- Discovery in Arbitration: recent developments

Session 2: I have a Claim! … or I have a Dream?
- Avenues for Financing a Case
- Drafting a TPF Agreement
- Russian update on Third Party Funding
- Financing the Enforcement

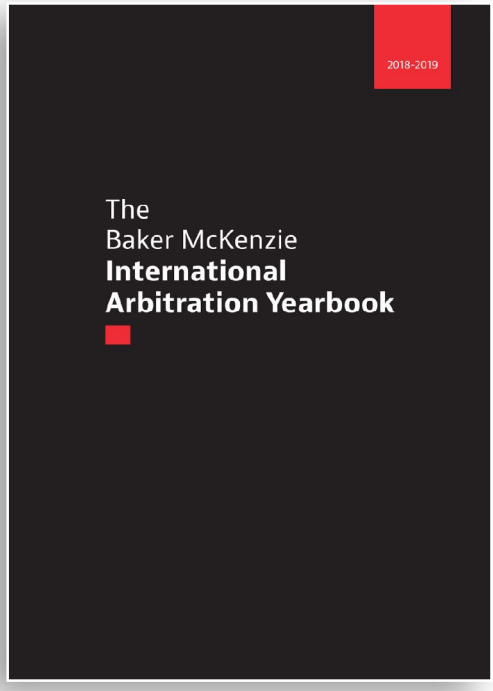
Session 3: Show me the Money!
- Assets Tracing: Do it Yourself
- Professional Assets Tracing: Case study 1
- Professional Assets Tracing: Case study 2
- Cybercrime Investigations

Session 4: Cross-border Bankruptcy involving Russian parties
- Avoiding restitution in Russian Insolvency cases
- Cross-border Insolvency
- Enforcement of Russian insolvency judgments abroad: UNCITRAL framework and other Tools
- Arbitrability and Enforcement of Awards in Insolvency Proceedings in Russia

Among speakers:

Konstantin Kroll, Partner, Head of Russia & CIS Desk, Orrick
Wilson Antoon, Counsel, King & Wood Mallesons
Daria Konstantinova, Partner, Zabeyda & partners
Michael Fenn, Partner, Pinsent Masons LLP
Valery Sidnev, General Counsel, Mineral and Chemical Company EuroChem
Anvar Asrutdinov, Director, Deloitte CIS Forensic
Alex Volcic, Managing Director and Head of Russia and CIS Office Business Intelligence and Investigations, Kroll;
Alexander Khaki, Executive Director, CSI Group
Grigory Marinichev, Partner, Morgan Lewis
Anton Maltsev, Partner, Baker McKenzie
Alexander Pisemskiy, Executive Director, CSI Group
Mike La Corte, Conflict International Limited; First Vice President - World Association of Detectives

Baker McKenzie.



We are pleased to announce that the latest edition of **The Baker McKenzie International Arbitration Yearbook** is now available.

In this edition, we look at important developments in arbitration in 45 jurisdictions over the past year, including new legislation, institutional rules, and key cases.

This year's edition includes a special feature on diversity in arbitration.

КИАП | Корельский Ищук Астафьев

Deloitte.

Baker McKenzie.

MANSORS

Инфопартнеры

Arbitration.ru

RUSSIAN ARBITRATION ASSOCIATION

CIS Arbitration Forum

Russia- and CIS-related International Dispute Resolution

LF LAWFIRM.RU